

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг.:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

КРАСНОДАР, 8-10 ОКТЯБРЯ 2021 г.

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг.:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ,
ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Краснодар, 8–10 октября 2021 г.

Краснодар
2021

УДК 94(47+57)(082)''1920''
ББК 63.3(2)612я43
В 406

Редакционная коллегия:

В.В. Касьянов (отв. ред.), А.В. Баранов (отв. ред.),
А.В. Ишин, А.Ю. Рожков, М. Стоядинович

В 406 Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 241 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-1972-5

В издании представлены доклады исследователей истории национальной политики Советского государства в 1920-х гг.: представителей высших учебных заведений и научных центров России, Белоруссии, Сербии, Болгарии, ЛНР. Проведен анализ истории взаимоотношений советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг., исторической памяти и наследия советской этнополитики.

Адресуется историкам, политологам, конфликтологам, социологам, экспертам в сфере государственной национальной политики.

УДК 94(47+57)(082)''1920''
ББК 63.3(2)612я43

ISBN 978-5-8209-1972-5

© Кубанский государственный
университет, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предстоящее 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик делает особенно злободневным воспитание российского патриотизма, поддержание исторической памяти и преемственности российского полиэтничного общества, укрепление единства российской нации.

Настало время объективно, на основе исторических источников и научных методов осмыслить роль советской национальной политики в обеспечении единства и территориальной целостности нашего государства, национального суверенитета, межэтнического согласия.

Цель конференции – выявление и теоретическая оценка исторических фактов о взаимоотношениях партийно-государственной власти и общества в ходе реализации национальной политики 1920-х гг. Опыт национальной политики 1920-х гг. полезен для регулирования современных этнических конфликтов, достижения межэтнического мира и согласия, укрепления российской национальной идентичности.

Конференция проводится в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Организаторы конференции надеются на то, что материалы и выводы исследований будут полезны историкам, политологам, конфликтологам, социологам, экспертам-аналитикам в сфере международных отношений и регионоведения.

Направления работы нашей конференции таковы:

Образование СССР: исторические обстоятельства и политические уроки.

Межнациональные отношения на Северном Кавказе и в Крыму, их регулирование накануне образования СССР.

Направленность и степень эффективности национальной политики в 1920-х гг., факторы и этапы её развития.

Роль Коммунистической партии и партийно-государственной номенклатуры в национальной политике 1920-х гг.

Процесс принятия решений по вопросам национальной политики органами партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Формирование национальных автономий в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Административно-территориальные реформы 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Альтернативы и последствия языковой политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Сходства и различия восприятия национальной политики СССР в общественном мнении социальных, этнических и сословных групп населения Северного Кавказа и Крыма в 1920-х гг.

Система коммуникаций между органами партийно-государственной власти, казачеством, крестьянством, рабочими, этническими группами; её особенности в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Национальная политика 1920-х гг. в исторической памяти населения Юга России.

Институциональное и социокультурное наследие национальной политики 1920-х гг. в современном российском обществе.

В публикуемых докладах проведен системный анализ исторических, политических и социокультурных аспектов взаимоотношений советской власти и полиэтничного общества в 1920-х гг. при осуществлении национальной политики.

Организационный комитет конференции благодарен за всестороннюю поддержку Российскому фонду фундаментальных исследований, руководству ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Российскому историческому обществу, Российскому профессорскому собранию.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Касьянов В.В.

ОКТАБРЬ 1917 – ДЕКАБРЬ 1922: ОТ ИМПЕРИИ К ГОСУДАРСТВУ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН¹

Статья посвящена анализу исторического развития России в период от революционных событий 1917 года до конца 1922 года с точки зрения целей и задач революции, реализованных в создании государства народа (рабочих и крестьян) – Союза Советских Социалистических республик. Автор предлагает собственное видение сущности идей революции и советского государственного строительства, как части комплекса мер по «переустройству мира». Победа в Гражданской войне, переход к НЭПу на большей части Российской империи, заставили большевиков ускорить темпы государственного строительства и добиться одобрения плана создания СССР прежде всего партийно-политической элитой России, Украины, Белоруссии и Закавказья. О том, что конкретно будет представлять из себя это государство народ бывшей империи узнал гораздо позднее. Однако, идеи федеративного устройства, равенства наций и народностей, государства как общего дома народов стали важнейшими направлениями политики советского государства на почти семьдесят лет его существования. Автор считает, что накануне 100-летия образования СССР, возвращение к анализу основ теории и практики советского государственного строительства имеют важное значение для современной России.

Ключевые слова: Россия, революция 1917 года, исторический выбор, гражданская война, национальный вопрос, мировая революция, суверенитет, СССР.

Kasyanov V.V.

OCTOBER 1917 – DECEMBER 1922: FROM EMPIRE TO THE STATE OF WORKERS AND PEASANTS

The article is devoted to the analysis of the historical development of Russia in the period from the revolutionary events of 1917 to the end of 1922 from the point of view of the goals and objectives of the revolution, realized in the creation of the state of the people (workers and peasants) – the Union of Soviet Socialist Republics. The author offers his own vision of the essence of the ideas of revolution and Soviet state-building, as part of a set of measures to "reorganize the world." The victory in the Civil War, the transition to the NEP in most of the Russian Empire, forced the

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Bolsheviks to accelerate the pace of state building and achieve approval of the plan for the creation of the USSR, primarily by the party-political elite of Russia, Ukraine, Belarus and the Transcaucasus. The people of the former empire learned what exactly this state would be like much later. However, the ideas of a federal structure, equality of nations and nationalities, the state as a common home of peoples became the most important directions of the policy of the Soviet state for almost seventy years of its existence. The author believes that on the eve of the 100th anniversary of the formation of the USSR, a return to the analysis of the foundations of the theory and practice of Soviet state building are important for modern Russia.

Key words: Russia, revolution of 1917, historical choice, civil war, national question, world revolution, sovereignty, USSR.

Для людей, живущих в начале XXI века, по-прежнему интересны, (а в базовом понимании и поучительны) идейные основы революции 1917 года в России. Забыть революцию, вычеркнуть ее из истории, из исторического сознания людей в российском и мировом измерении практически невозможно. Ее, конечно, можно попытаться замолчать, как это делается сегодня на Западе. Но эти попытки бесполезны. Хотя пандемия в этом отношении неожиданно помогла нашим вечным оппонентам, став темой номер один уже на многие месяцы. Ну да ладно Европа, Америка, нам бы самим надо разобраться в том, каковы причины исторического поворота России в 1917 году и по мере осмысления постараться разобраться в важнейших последствиях этого великого эксперимента, таких, как образование Союза Советских Социалистических Республик.

Начальный период революции, который обычно называют буржуазно-демократическим, предполагал прежде всего разрушение абсолютной монархии. Отречение Николая II от власти было инициировано представителями либеральной интеллигенции, так называемыми «думцами» (А.И. Гучков, П.Н. Милюков, Т.В. Родзянко и др.), руководителями партий и движений, высшим генералитетом армии (А.А. Брусилов, Н.В. Рузский, А.Е. Эверт, А.И. Нежин, В.В. Сахаров). Все они единым фронтом выступили за отречение царя от престола [1].

Следует подчеркнуть, что политический истеблишмент России того периода не был единодушен в своих пожеланиях, но нельзя не принимать во внимание, что его подавляющая часть была настроена на проведение реформ, которые должны были начаться после «ухода» царя. Лидеры кадетской партии, октябристов, прогрессистов требовали преобразований еще в годы первой русской революции. Другие присоединились к этим требованиям из-за боязни развития беспорядков в Петербурге, представлявшем собой в то время бурлящий котел народного недовольства. В конечном итоге большая часть сходилась в согласии, что реформы неизбежны и должны проводиться по всем важнейшим сферам: аграрные (решение вопроса о земле крестьянам), социальные (улучшение положения работающих, прежде всего, пролетариата),

политические (введение конституционной монархии или республики, свободные выборы, реальные гражданские и политические права), национальные (разрешение нарастающего конфликта титульной нации и инородцев) и другие. Взаимное согласие на глубинные реформы варьировалось в зависимости от политических ориентаций, но убежденность в их необходимости оспаривалась только небольшой группой консерваторов-монархистов, которая весной 1917 года была практически не слышна в общем шуме революционных масс, требовавших дальнейших преобразований. Эта часть общества попыталась вернуть себе лидерство в годы Гражданской войны, чем в немалой степени «помогла» большевикам, так как народные массы просто не могли их выделить отдельно в общем потоке Белого движения и обвиняли в защите абсолютной монархии [2].

Революционные события вплоть до осени 1917 года в целом оправдывали надежды реформаторов на вхождение России в общеевропейские исторические процессы. И здесь необходимо сказать о надеждах более подробно. Они формировались слоем образованных людей, говоривших и мысливших по-европейски, их убеждением, что еще с петровских времен Россия никак не может догнать Европу, необходимостью реформ, которые должны ликвидировать отставание и уравнивать страну с просвещенной частью света. Все это объективно вело бы к развитию тех признаков, которые Э. Тоффхер описывал на примере индустриальной стадии развития общества [3].

Иные надежды питали большевики. Логика развития революции, слабость власти Временного правительства, радикализация настроений масс породили надежду захвата политической власти. И партия большевиков взяла курс на подготовку государственного переворота [4]. Ради обоснования такого шага В.И. Ленину, главному инициатору этого процесса, пришлось внести некоторые корректировки в теорию социальных революций К. Маркса. Лидер большевиков впервые начал говорить и писать об уникальном историческом шансе революции в России. Она должна была стать предтечей мировой революции, сыграть роль фитиля для взрыва всего мира насилия и бесправия, сигналом передовому рабочему классу Западной Европы и Америки к свержению власти буржуазии, взаимной помощи и поддержке в строительстве новых государств [5].

В годы Гражданской войны большевики продолжили пропаганду мировой революции, активно привлекали в Красную Армию представителей зарубежных государств, готовя проводников своих идей. Но пример нашей революции в Европе массово не был поддержан, а после неудачи в советско-польской войне, проекты мировой революции пришлось отложить на будущее. Практически только после победы в Гражданской войне встал вопрос о государстве, которое должно было возникнуть на развалинах Российской империи.

В годы Гражданской войны сложился военно-политический союз между первыми государственными образованиями, но с наступлением мирного периода встал вопрос – как, каким путем идти дальше. В работах историков советского времени ответ был однозначен – все предлагали объединение. Но внимательное изучение документов убеждает нас в том, что даже там, где за объединение выступало большинство населения, было и много противников этой идеи. Признавал это и сам В.И. Ленин, например, в письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики, рекомендуя осторожность, осмотрительность, учет своеобразия местных условий при решении национальных проблем [6].

По нашему мнению, именно в этот период между войной и миром более осознано и комплексно стала восприниматься сама проблема создания государства рабочих и крестьян. Всем было ясно, что это должна быть республика с широким народным представительством в руководящих властных органах. Поскольку строить собирались социализм, значит она должна была быть социалистической. Советы, возникшие в мировой российской революции как органы народного представительства, позволили республике называться Советской. Но самое важное и принципиальное крылось в понятии федеративность. В стране более ста наций и народностей государство должно было быть федеративным, а точнее союзным. Такой подход решал все вопросы государственного строительства, позволял ясно и доходчиво объяснять народным массам какое государство создается.

Но в действительности процесс создания СССР стал серьезным испытанием власти большевиков. Три республики и одна федерация шли к союзу своим самостоятельным путем. Конечно, примером для всех служила Россия – РСФСР, где процессы государственного строительства уже дали первые результаты. Но к этому опыту на территории бывшей империи относились по-разному. Самая сложная на тот момент ситуация сложилась в Закавказье, где интеграционные процессы завершились созданием федеративного союза только в декабре 1922 года. Мысли В.И. Ленина «о добровольном союзе наций, союзе, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой...» [7] прошли здесь практическую проверку. И хотя победило единство, победил союз, но некое сомнение осталось. Именно в этом крылась одна из причин будущего распада СССР.

Подводя итоги анализа сопричастности идей революции и государственного строительства, следует отметить, что в октябре 1917 года, да и значительно позже, большевики достаточно поверхностно представляли себе какими должно быть и будет государство рабочих и крестьян. Разрушив «империю русского царя» большевики создали «империю социалистическую», в которую не все нации и народности вошли по принципу добровольности. Однако в целом созданный в декабре 1922 года Союз Советских Социалистических республик явился новым типом государства в мировой истории, доказавшим свой суверенитет в борьбе с немецким фашизмом,

давшим пример странам Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе за независимость.

Конечно, спустя сто лет нам более достоверно и объективно видится наше великое прошлое. Важно то, что исторический анализ реализации идей революции и советского государственного строительства по-прежнему остается востребованными в сегодняшней России. Нет сомнения в том, что он будет помогать нам и в будущем.

Список литературы:

1. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – Т.9. – № 5 – 1. – Краснодар, 2017. С. 22-29
2. Касьянов В.В. История России. – М.: Юрайт, 2020.
3. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004.
4. Петров Ю. 1917-2017: уроки ста минувших лет // Государственная служба. – 2017. – № 1.
5. Новоселова Д.И. Предпосылки Октябрьской революции 1917 года в России // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 10.
6. В.И. Ленин. Полное собрание сочинение т. 43, с. 198.
7. В.И. Ленин. Полное собрание сочинение т. 40, с. 43.

А.В. Баранов

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РСФСР)¹

Автор статьи аргументирует черты преемственности, а также противоположность между Российской империей и Советским государством в курсе этнополитики. Уделено внимание таким параметрам этнополитики, как этнизированный федерализм, конструирование нескольких наций, «позитивная дискриминация» этнического большинства, приоритетное развитие периферии. Курс коренизации (1921–1932 гг.) вызвал рост этнонационализма и среди русского большинства населения, и среди этнических меньшинств, столкнулся с нехваткой ресурсов нациестроительства. Вместе с тем, идеологическое, правовое и организационное наследие этнополитики 1920-х гг. остаётся актуальным на Юге России.

Ключевые слова: советская этнополитика, 1920-е гг., Юг России, теоретические аспекты.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

**ACTUAL THEORETICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF SOVIET
ETHNOPOLICY OF THE 1920-S (BASED ON MATERIALS
FROM THE SOUTH OF RSFSR)**

The author of the article argues for the features of continuity, as well as the contradictions between the Russian Empire and the Soviet state in the course of ethnopolitics. Attention is paid to such parameters of ethnopolitics as ethnicized federalism, the construction of several nations, “positive discrimination” of the ethnic majority, priority development of the periphery. The course of “korenization” (1921–1932) caused the growth of ethnonationalism among both the Russian majority of the population and ethnic minorities, faced a shortage of nation-building resources. At the same time, the ideological, legal and organizational heritage of the ethnopolitics of the 1920s remains relevant in the South of Russia.

Key words: Soviet ethnopolitics, 1920s, South of Russia, theoretical aspects.

Тема статьи обладает неизменной актуальностью. Наряду с выявлением и описанием новых источников, историки должны уметь теоретически осмысливать явления и процессы прошлого, трактовать их на уровне методологий и методов современных социально-гуманитарных наук, избегать односторонних эмоциональных оценок. Особенно важны эти интенции применительно к исследованиям советской этнополитики 1920-х гг., которая заложила нормативную и институциональную основу современного политико-территориального устройства Российской Федерации, его преимущества и недостатки. Не в меньшей степени партийно-государственная этнополитика повлияла на идеологический дискурс и восприятие этнических вопросов в массовом общественном мнении. Этнополитика 1920-х гг. остаётся изученной фрагментарно, о ней сохраняются и рождаются мифы, негативно влияющие на межэтнические отношения. Нуждается в качественном переосмыслении и научной кодификации понятийный аппарат анализа этнополитики раннего советского периода.

Цель нашей работы – охарактеризовать актуальные теоретические аспекты исследования советской этнополитики 1921–1929 гг. на материалах Юга РСФСР. Хронологические рамки исследования определяются временем новой экономической политики. Пространственные рамки статьи включают в себя территорию дореволюционных Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, а также Крымский полуостров.

Среди значимых для современной историографии темы необходимо отметить монографию Т. Мартина, обосновавшего концепцию «империи положительной деятельности» на примере СССР 1920-х – начала 30-х гг. [1] и статью Р.Г. Суни о диалектике соотношения советского и национального начал [2]. Теоретический анализ советской этнополитики, переосмысление понятийного аппарата её исследований проводят В.А. Тишков [3],

Т.Ю. Красовицкая [4], Е.П. Малышева [5]. Социокультурные и институциональные особенности советской этнополитики на Юге РСФСР (1920-х гг.) выясняются усилиями Ю.Ю. Карпова [6], Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе [7], А.В. Аверьянова [8] и многих других историков. Важным достижением историографии 2000–2020-х гг. стало применение категорий и методик анализа социально-гуманитарных наук, осознание национальных интересов России в качестве императивов этнополитики.

В совершенствовании исторических знаний о полиэтничном Юге России 1920-х гг. значительную роль играет «архивная революция», приведшая к вовлечению в научный оборот новых видов и групп источников. Прежде всего, это отчётные и аналитические документы партийных и государственных органов власти, письма граждан во властные инстанции и газеты, информационные сводки и доклады ВЧК–ОГПУ, воспоминания. Опубликован ряд сборников документов, среди них выделяются масштабностью замысла и археографической культурой издания о национальной политике ЦК РКП(б)–ВКП(б) [9], а также реализации политики в Чечне [10].

Вместе с тем, в исследованиях этнополитики 1920-х гг. остаётся немало малоизученных и дискуссионных аспектов. В том числе, таковы оценки различными историками значения Горской АССР, формирования автономий по этническому признаку, этнотерриториального размежевания 1920-х гг., рассказывания, украинизации. Принципиально признавая плюрализм исторических концепций и оценок событий, следует предостеречь историков от обслуживания конъюнктурных современных интересов элит, от грехопадения этнонационализма. Формируемое исторической наукой восприятие межэтнических отношений должно интегрировать наше государство, укреплять единство российской нации, что отмечено в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [11].

Остановимся на сложной проблеме соотношения имперской и советской этнополитики. Вплоть до распада СССР в отечественной историографии эти стратегии противопоставлялись, а в западных и российских исследованиях 1990-х гг. между ними ставился знак равенства, давались гипертрофированно негативные оценки «империи Кремля». Конструктивный выход из политизации темы, на наш взгляд, – оценить советское государство в контексте долгосрочных цивилизационных процессов, ответов на объективные вызовы географии и демографии. Пора прекратить демонизировать термин «империя». В зарубежной исторической науке (Д. Ливен [12], Н. Фергюсон [13], Э. Хобсбаум [14]), налицо взвешенный взгляд на данное историческое явление как полиэтничное, поликонфессиональное государство, которое стремится обеспечить баланс интересов центра и периферии, создаёт институты и социокультурную систему иного уровня и способов организации, чем национальное государство. Постепенно такая трактовка закрепляется и в

российской исторической науке. Характерны монографии С.И. Каспэ [15] и А.И. Миллера [16], в которых даны академически выверенные объяснения того, почему Россия стала империей и по каким причинам данный тип государства не являлся в нашей стране этноцентристским, а напротив, был протекционистским по отношению к интегрируемым этническим группам. Перспективны и размышления С.И. Каспэ о том, что федерализм XX в. является сублимированной исторической формой империи, её секулярным стадийным вариантом. Самостоятельное обоснование концепции созидательной роли империи на материалах Северного Кавказа второй половины XIX в. – 1921 г. содержится в работах В.А. Матвеева [17].

Проявлениями преемственности между этнополитикой поздней Российской империи и Советского государства 1920-х гг. на Юге страны, по нашему мнению, были:

- императив сохранения суверенитета и территориальной целостности государства, преодоления сепаратизма и разобщённости этнических ареалов;
- необходимость преодоления кланово-родовых, патриархальных отношений на периферии региона (в нагорных сообществах) и модернизации;
- объективно сложившиеся экономические взаимосвязи областей и местностей Юга России, делавшие неизбежным их скоординированное развитие в качестве единого общественного организма;
- проецирование геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и Балканах, для чего Юг России является во все времена естественным плацдармом.

В наибольшей степени данная преемственность проявилась на этапе развития с осени 1924 по 1926 гг., когда СССР отчасти отказался от утопии самоопределения народов, продвигаемой в устройство государства с октября 1917 г. и этнические автономии Северного Кавказа были поставлены под более плотный контроль всесоюзной и региональной власти.

Одновременно проявлялись черты противоположности между Российской империей и Советским государством в курсе этнополитики 1920-х гг., обусловленные различием идеологий и интересов правящих элит:

- приоритет идеологием православной самодержавной монархии в дореволюционной России и космополитичного проекта мировой революции в ранней РСФСР;
- контрастный социальный состав правящих элит и каналы их рекрутирования [18].
- переход от унитаризма, основанного на компромиссе имперских и местных традиционных элит, к этнизированному федерализму;
- модель «империи навыворот» в Советском государстве 1920-х гг., при которой этническое русское большинство подвергалось «позитивной дискриминации», а этнические меньшинства периферии получали преференции за свою «революционность» [19];

- курс «коренизации» в автономиях Северного Кавказа и местностях проживания дисперсных этнических групп, предусматривавший квоты этнических меньшинств в партийных, государственных и хозяйственных органах, а также внедрение местных языков в делопроизводство и социокультурное пространство в роли приоритетных средств общения;

- форсированные темпы экономического, социального и культурного развития этнической периферии в сравнении с ядром государства;

- перечисленные параметры раннесоветской этнополитики приводили к параллельному, конкурентному нациестроительству в каждой территориально демаркированной автономии, причём партийно-советские органы стремились соблюсти принцип совмещения этнических границ с административными.

Этнонационалистические проявления наблюдались как в автономиях, так и в округах с преимущественно русским населением (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье). В русском ареале ситуация осложнялась внутриэтническим конфликтом между казачеством и иногородними крестьянами, между сторонниками и противниками украинизации. Партийные и советские органы Северо-Кавказского края постоянно разбирали и улаживали споры между округами и автономиями по вопросам разграничения, землепользования, статуса диаспор, представительства в органах власти, пропорционального финансирования местных бюджетов.

Как показала практика 1920-х гг., такая модель этнополитики поощряла децентрализацию и этнизацию власти на Северном Кавказе. Учитывая острый дефицит финансовых ресурсов, полную аграрность сообществ в автономиях, низкий уровень подготовки кадров управления и грамотности, «коренизация» вела к закреплению у власти формально лояльных в отношении центральной власти, но потенциально националистических региональных элит. Например, характерна частая смена руководителей Чеченской и Карачаево-Черкесской автономных областей и обвинения в клановости в адрес председателя Кабардино-Балкарского облисполкома Советов Б.Э. Калмыкова. В условиях коллективизации и неизбежного приближения Второй мировой войны общегосударственная власть сделала неизбежный выбор (1932–1934 гг.) в пользу централизации и деэтнизации федеративной системы.

Вместе с тем, идеологическое, правовое и организационное наследие этнополитики 1920-х гг. остаётся актуальным на Юге России. Востребован опыт статистических и социологических исследований межэтнических отношений.

Список литературы:

1. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

2. Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф., Киев, 10-12 окт. 2013 г. М., 2014. С. 17-40.

3. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 211-276.
4. Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151-206.
5. Малышева Е.П. Советская власть: новые формы и методы управления // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 135-173.
6. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017.
7. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 72-186.
8. Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.
9. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005.
10. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / В.А. Козлов и др.; сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М., 2011.
11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. (в редакции Указа № 703 от 7 декабря 2018 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 04.09.2021).
12. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
13. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., 2013.
14. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.
15. Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; он же. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // Политические исследования. 2005. № 4. С. 5-29.
16. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
17. Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2012; он же. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2016.
18. Дроздов К.С., Аманжолова Д.А., Трепавлов В.В. Этнические элиты в союзных республиках СССР // Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017. С. 293-371.
19. Дроздов К.С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 12.09.2021).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РКП(б) В КРЫМУ: 1921 ГОД¹

Автор рассматривает значение национального фактора в партийно-государственном строительстве в Крыму в 1921 году. Фокусируется внимание на структурно-функциональных особенностях организации власти после победы над Белыми силами П.Н. Врангеля, задачах национальной политики, а также противоречивых результатах политики «коренизации» в целом.

Ключевые слова: партийно-государственное строительство, национальные секции, политика «коренизации», противоречивые результаты.

THE NATIONAL FACTOR IN THE POLICY OF THE RCP(b) IN CRIMEA: 1921

The author examines the significance of the national factor in the party-state building in the Crimea in 1921. Attention is focused on the structural and functional features of the organization of power after the victory over the White forces by P.N. Wrangel, the tasks of national policy, as well as the contradictory results of the policy of "indigenization" in general.

Key words: party-state building, national sections, "indigenization" policy, conflicting results.

После победы над Белыми силами в ноябре 1920 года в Крыму интенсивно началось становление коммунистической «партийно-советской» системы.

Со всей очевидностью названную систему можно именовать большевистской диктатурой, так как уже с самого начала эта модель власти не предполагала никакой альтернативы курсу, задекларированному и реализуемому руководством РКП (б). Этот тезис применим ко всем без исключения сферам жизнедеятельности общества, включая национальную политику и социокультурное пространство.

Для проведения в жизнь указаний ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров в Крыму был образован Крымский областной комитет РКП(б) (областком, обком). Его состав был утвержден Центральным Комитетом партии большевиков 15 ноября 1920 г. Президиум обкома состоял из пяти членов, работу партийной организации возглавлял секретарь. В Севастополе, Керчи, Симферополе, Ялте, Феодосии, Джанкое, Евпатории были созданы уездные партийные комитеты. Перечисленные структуры в той или иной

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

степени должны были направлять деятельность всех органов, утверждавших вооруженным путем «диктатуру пролетариата» на Крымском полуострове. Так, Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) – главный орган борьбы с контрреволюцией – обязана была держать Областком в курсе своей работы и строго согласовывать всю деятельность с директивными указаниями ЦК РКП(б).

В «Кратком обзоре работы Крымского областного комитета РКП с 22-го ноября по 13-е декабря 1920 года», подписанном секретарем областкома Р.С. Самойловой (Землячкой), отмечается, что, «исходя из общего политического положения в Крыму, Областком положил в основу своей работы следующее: 1) решительная борьба с остатками контрреволюции, 2) твердая линия недопущения меньшевиков и "меньшевистствующих" коммунистов к ответственной работе в Крыму, в виду того разложения, которое вносит меньшевизм в слабо развитые рабочие массы, 3) привлечение рабочих к государственной работе и осторожность по отношению к интеллигенции, сплошь устремившейся в советские учреждения, 4) **широкая работа по коммунистическому просвещению масс с приспособлением ее к потребностям и условиям жизни нескольких наций, живущих в Крыму** (выделено нами – А.И.), 5) осуществление полного контроля партии над всей советской работой» [6, с. 224].

Партийные организации Крыма в конце 1920 г. и на протяжении большей половины 1921 г. проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, на вершине которой находился Крымский революционный комитет (Крымревком). Изначально эта структура возглавлялась бывшим наркомом иностранных дел и военных дел Венгерской советской республики (1919 г.) Бела Куном – ярким сторонником политики массового террора (позднее замененным Лидэ и Поляковым). В исторической науке существуют две различные точки зрения в отношении даты образования Крымревкома: 14 ноября и 16 ноября 1920 г.

Наряду с организацией восстановления экономики, основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции». Этот орган состоял из Председателя, заместителя Председателя и четырех членов.

В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены Областного комитета РКП (б). Приказ № 1 Крымревкома от 16 ноября 1920 г. гласил: «Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету».

Одной из важнейших функций ревкомов был полный учет людских и материальных ресурсов полуострова. В частности, ревкомы брали на учет жителей городов и деревень, жилой и земельный фонд, собственность органов самоуправления «белых» политических режимов, материальные ценности, оружие, лошадей, оставленных на полуострове военнослужащими Белых сил,

имения бывших помещиков, частные земельные хозяйства, предприятия, запасы топлива, учебные заведения, библиотеки, читальни и книги.

Ревкомы занимались также регистрацией иностранно-подданных, семей бывших офицеров и служащих учреждений Белых правительств, создавали контрольные комиссии для проверки правильности вступления тех или иных лиц на службу в советские учреждения [6, с. 227-229].

Одним из наиболее значительных направлений в работе ревкомов была национализация банков, предприятий, земельных ресурсов. Во время реализации этой, далеко не всегда продуманной политики, нередко страдали представители не только менее зажиточных слоев населения, но и беднота, что объективно провоцировало широкое социальное недовольство [5].

В марте 1921 г. на Первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) выступил заведующий отделом Крымревкома по делам национальностей М. Султан-Галиев с докладом «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В числе этих задач, в частности, упоминалось «организованное массовое вовлечение широких пролетарских слоев трудящегося коренного населения автономных областей и окраин Советской России в хозяйственное строительство путем массового вовлечения их через профсоюзы в хозяйственно-экономические органы» [1, с. 34]. По сути, уже в этом тезисе очевиден пролог к политике «коренизации», официальным началом которой принято считать XII съезд РКП(б), состоявшийся в 1923 г., хотя де-факто в Крыму эта политика ощутимо проводилась уже в 1921 г.

Вместе с тем, на потенциальную ограниченность и даже двойственность указанной политики указывала еще одна партийная задача, озвученная М. Султан-Галиевым: «Углубление классовой дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин» [1, с. 35].

В целом следует признать, что работа среди «нацменьшинств» была для партийно-советских органов в Крыму одной из приоритетных. Уже с конца ноября 1920 года Областком и уездные партийные комитеты повели активную работу по созданию в своих структурах национальных секций. В частности, при Областкоме образуются Мусульманская (с 8 января 1921 г. Татарская), Немецкая, Еврейская, Армянская секции. Структура секций предполагала наличие бюро, ряда отделов, пункта юридической помощи [1, с. 45]. Для координации работы национальных секций в ноябре 1920 года при отделе агитации и пропаганды Областкома был образован подотдел национальных меньшинств, который возглавил присланный из Москвы инструктор подотдела нацменьшинств при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП (б) О.И. Пальги [1, с. 41].

Национальные секции (а их перечень на уровне уездных партийных комитетов был еще шире) сыграли важную роль в издании и распространении печатных средств массовой информации на языках национальных групп

полуострова, в ликвидации неграмотности, в подготовке национальных кадров.

Вместе с тем, узкоклассовая политика большевистского руководства, временами к тому же сопровождавшаяся беззакониями и произволом, не могла не нанести также определенный вред гармонизации межнациональных отношений. В качестве наглядного примера приведем содержание «Акта установления злоупотреблений, нанесенных гражданам села Улу-Узень (ныне с. Генеральское в Алуштинском районе – А.И.) отрядом Особотдела Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму». Согласно показаниям секретаря Улу-Узеньского сельского ревкома, «1921 года 3 апреля к нам прибыл отряд Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму. По приезде в село командир Чернобровый приказал собраться на митинг, и когда жители собрались, он, ругая площадной бранью, приказал стоять собравшимся смирно, митинг был окружен вооруженным отрядом и было выставлено 2 пулемета, и когда один из граждан заявил, что такое собрание недопустимо по отношению к гражданам, то тов. Чернобровый начал ругать граждан площадной бранью, а также и Магометом, когда же ему были заданы вопросы, он, не желая их выслушивать, продолжал ругаться площадной бранью. Митинг закончился тем, что из среды собравшихся было выделено 40 человек, из которых уведено в качестве заложников 28 человек. У пяти граждан села были произведены обыски... У Биляла забрано все имущество и скот: 2 вола, 3 лошади и две линейки и 25 пудов ячменя и все сено, у [Куртасана] Аджи Мурат забрана половина имущества, у Аджали Мурат забрано $\frac{3}{4}$ имущества. При заборе имущества... списки имущества составлялись, но копии их не оставлены в сельревкоме ... В настоящее время 6 заложников возвратилось, а остальные отправлены неизвестно куда» [2, л. 57].

В целом можно констатировать, что политика «коренизации» в Крыму дала весьма противоречивые результаты по двум основным причинам. Во-первых, ставка делалась на сугубо административные меры ее осуществления. Во-вторых, в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни национальных сообществ полуострова, вследствие репрессивного характера социальной политики Советской власти [3, с. 40; 4, с. 13].

С другой стороны, немаловажно, что уровень этнополитической конфликтности заметно снижался по мере становления и развития социально-политических институтов Крымской АССР.

Список литературы:

1. Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия, 1992.
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. 1 (Крымский обком РКП(б)). Оп. 1. Д. 69.

3. Григор'янць В.Є. Вірмени Криму: минуле і сьогодення (Проблеми соціокультурного та етнополітичного розвитку). Сімферополь: СФ НІСД, 2005. (Серія додатків до наукового журналу «Кримський Архів»).

4. Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

5. Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 163-167.

6. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012.

Рожков А.Ю.

ШКОЛЬНЫЕ БУКВАРИ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ (1927–1932 гг.)¹

В статье описаны результаты исследования динамики, структуры и содержания текстовых и визуальных образов как инструмента индоктринации «советского» и «этнического» в букварях для школ Северного Кавказа на рубеже 1920–1930-х гг. Отмечается некоторое возрастание роли текстовых образов в советизации сознания младших школьников по сравнению с визуальными.

Ключевые слова: школьный букварь, визуальные образы, этническая идентичность, советскость, Северный Кавказ, 1920–1930-е гг.

Rozhkov A. Yu.

SCHOOL ABC BOOKS AS A RESOURCE FOR THE FORMATION OF SOVIET AND NATIONAL IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS REGION (1927–1932)

The aim of the paper is to identify and describe the dynamic, structure and content of visual images as a tool for “Sovietist” and “ethnic” indoctrination in ABC books for North Caucasus schools from the period of 1927–1932. At the same time, the role of text images in the sovietisation of primary school children became more prominent than that of visual ones.

Key words: ABC book, visual images, ethnic identity, Sovietness, North Caucasus, 1920–1930s.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтнического общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

В грандиозном проекте большевиков по переустройству общества и созданию «нового человека» одно из центральных мест отводилось единой трудовой школе, противопоставляемой «отсталой», «отживающей», «мелкобуржуазной» семье. Особенно актуальным это было для национальных окраин, к которым относился и полиэтничный Северный Кавказ. Недостаток учителей новой формации, подготовленных в советских вузах, в определенной мере должен был компенсироваться идеологически корректным содержанием новых школьных учебников и отказом от дореволюционной учебной литературы. Самой первой учебной книгой, с которой сталкивался каждый школьник I-й ступени в 1920–30-е гг., был советский букварь (варианты – «Первая рабочая книга (вместо букваря)» и подобные тому названия).

Задача статьи – на основе первоисточников изучить динамику, структуру и содержание визуальных и текстуальных образов в школьных букварях Северо-Кавказского края как ресурса формирования советской и этнической идентичности в 1927–1932 гг. По периодизации Т.С. Маркаровой и В.Г. Безрогова, эти даты относятся ко «второму подпериоду» в трансформации школьного учебника от дореволюционного к советскому, ознаменованному «опытом кардинального изменения структуры преподавания и появлением первых «чисто советских» школьных учебников» [1, с. 6].

Теоретическими рамками всей работы является концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. В ряде сюжетов при интерпретации текстов и визуальных образов букварей потребовалось обращение к тезаурусной концепции, теоретическим аспектам семиологии, включая формальный семиотический анализ иллюстраций по типологии знаков Ч. Пирса [2]. Для интерпретации более глубоких общественных структур, отображенных в иллюстрациях, применена концепция структурной интерпретации П. Штомпки [3].

Под ключевым термином «советскость» нами понимается социально-культурный комплекс мировоззренческих установок и поведенческих норм, прививаемых советской пропагандой и воспитательными практиками детям в СССР с целью формирования у них советской/коммунистической идеологии, советской (надэтнической) идентичности, кристаллизации советских символических универсумов. Этническая идентичность понимается как результат «когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов», «переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» [4, с. 196].

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен происходившими в то время радикальными изменениями в политике издания учебной литературы для начальной школы, нарастающей идеологизацией обучения в школе I ступени.

Источниками послужили учебные тексты, изданные во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. для школ I ступени Северо-Кавказского края. Всего

исследовано 11 изданий, вышедших в свет в 1927–1932 гг. Два из них («Октябрята», 1932 и «И мы ударники», 1931) маркированы как буквари для городских школ, два («В бой за грамоту», 1932 и «Октябрята – дружные ребята», 1931) – для сельских школ. Один букварь («Подросток», 1930) ориентирован на школы для подростков, один – для горских школ I ступени («Красный горец», 1932). Остальные издания («За колхоз», 1930; «Путь к грамоте», 1929; «И мы работаем», 1927, 1930; «В школе и дома», 1928) были универсальны и номинированы как буквари и первые рабочие книги (вместо букваря) для школ I ступени. Общий объем исследованных материалов – 803 страницы.

В качестве основного метода исследования выбран неформализованный анализ в сочетании с контент-анализом текстов и визуальных образов букварей. Учитывая ограниченные рамки статьи, здесь приводятся в основном полученные конечные результаты.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Северо-Кавказский край насчитывал свыше 8,3 млн жителей. По национальному составу населения края русские составляли большинство – 46,2%, далее шли украинцы – 37,4%, чеченцы – 3,6%, армяне – 1,9%, осетины – 1,87%, кабардинцы – 1,68%, немцы – 1,17%, ингуши – 0,86%, черкесы – 0,77%, карачаевцы – 0,66%, белорусы – 0,6%, евреи – 0,51%, балкарцы – 0,4%, греки – 0,39%, другие – 3,46%. В городах проживало около 1,66 млн. чел. (19,8%), в сельской местности – свыше 6,7 млн. чел. (80,2%). Дети в возрасте учащихся школы I ступени (8–12 лет) составляли 11,6% населения края, примерно в равных пропорциях по полу (мальчики – 50,6%, девочки – 49,4%). В когорте 8-летних, основной целевой аудитории букварей, грамотных было 23,1%. Между тем, если в городской когорте 8-летних грамотных было 50,9%, то в сельской – 18,4%, причем в женской её части еще ниже – 16,0%. Горские районы давали еще более низкие показатели [5, т. 5, с. 52–57, 136–137; т. 9, с. 2–13; т. 17, с. 2–3].

В аналитических целях нами предлагается ряд понятий. Под «интегральным маркером советскости» (ИМС) понимается страница букваря как единица анализа, на которой были репрезентированы визуальные и/или текстовые маркеры советскости. Соответственно, «визуальный маркер советскости» (ВМС) – страница, где были представлены только визуальные образы советскости (без текста, либо с текстом). Отношение страниц с интегральными маркерами советскости к общему объему издания составляет «интегральный индекс советскости» (ИИС), а отношение страниц с визуальными маркерами к объему букваря – «визуальный индекс советскости» (ВИС).

Анализ букварей показал, что в 1927–1929 гг. в исследованных букварях ИИС в среднем составлял 16%, ВИС – 11%. Иными словами, в букваре из 100 страниц всего лишь на 16 (11) страницах располагались визуальные и текстовые упоминания советских символов и терминов. При этом заметно

преобладали визуальные образы. В течение следующих двух-трех лет ситуация резко поменялась, постраничная «дозировка» советскости к началу 1930-х стала избыточной. В изданиях 1932 г. количество ИМС возросло в 3,3 раза, ВМС – в 2,5 раза. При этом ИИС вырос в 4,7 раза, ВИС – в 3,5 раза. Такая динамика объясняется как численным ростом упоминаний советских символов и терминов, так и тем, что буквари стали в среднем на 30% тоньше. В начале 1930-х ВИС вдвое уступает ИИС, хотя в конце 1920-х это соотношение составляло 1,5 раза, т. е. текстовые маркеры советскости становятся определяющими в советизации сознания младших школьников по сравнению с ВМС. Вместе с тем контент-анализ выявил, что удельный вес лексем с явными или косвенными признаками советскости составил менее трети – 27,2% [6, с. 282].

Динамику индоктринации советскости через визуальный ряд в букварях нагляднее всего проследить на примере разных изданий одного и того же букваря Г. Сердюченко и А. Донецкой «И мы работаем» (1927, 1929, 1930; 1931 – переименован в «И мы ударники»). Если содержание первых двух изданий почти не отличается между собой, то третье и особенно четвертое изменены практически полностью и заметно сократились. С каждым выпуском в букварях становится меньше иллюстраций, однако они становятся крупнее и четче. Третье и четвертое издания стали более политизированными (объем информации с ИМС возрос с 15% до 54% и 80% соответственно).

Если дифференцировать между собой буквари для сельских, городских и горских школ, то ИИС во всех трех группах букварей в начале 1930-х гг. будет примерно одинаков. Однако буквари для сельских и горских школ вводили советскую символику осторожнее, чем учебники для городских школ, но смело использовали образы «врага»/«чужого», чего не было в городских учебниках. Советская символика в учебнике для горцев представлена крупными портретами лидеров большевиков (причем портреты Сталина и Орджоникидзе крупнее, чем Ленина), чего не было в других букварях. В целом советская символика вписана в релевантный контекст: в городских букварях в изображения города (улиц, квартир, лестниц, демонстраций); в букварях для сельских и горских школ – в повседневный контекст школы и села (аула) с колхозной сельхозтехникой.

Буквари второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. полны советизмов, что вполне объяснимо. Для горских народов языковая ситуация была сложнее. В начале XX в. на Северном Кавказе насчитывалось большое количество бесписьменных языков и диалектов. Употребление арабского и русского алфавитов в применении к национальным языкам прекратилось здесь к 1919 г., а к началу 1930-х письменность и литература северокавказских горских языков окончательно утвердилась на латинице. Между тем к 15-й годовщине Октября на Северном Кавказе уже не было ни одной бесписьменной народности. Только с 1936 г. во всех национальных автономиях Северного Кавказа начался переход на кириллицу [7, с. 122–123, 127, 260]. Из всех исследованных

букварей только в приложении к учебнику «Красный горец» нами обнаружен словарь, включающий 634 термина. Из них к советизмам можно отнести 144 слова (22,7%), примерно столько же терминов, относящихся к теме Модерна. Лексем, отражавших тему этнического/национального намного меньше – всего 26 (4,1%).

Нормативность интернационализма в основном содержалась в рисунках на международные темы (ребята из разных стран и континентов, отдающие пионерский салют, тема эксплуатации бедных богачами в зарубежных странах). Наряду с этим стоит отметить и нормативизацию «внутреннего» интернационализма среди взрослых, когда рядом с горцем в крепком рукопожатии изображен красноармеец с винтовкой, казак с косой и рабочий с молотом на фоне кавказских гор и дымящихся заводских труб. Вместе с тем в букварях для русских районов края ни разу не упоминается чеченское, ингушское или дагестанское имя. В «Красном горце» аналогично – среди имен только Яхья, Ильяс, Хамзат, Абдурахман, Зейнула и т.д. Показательно, что в букварях для славянских районов хотя бы изредка упоминаются армяне и греки, но не горцы, тогда как первых в крае проживало намного меньше, чем вторых. Складывается впечатление, что власть не стремилась в букварях внедрять в сознание детей паттерны дружбы народов, равноправия между детьми разных национальностей. Прежде всего в учебниках (кроме букваря для горцев) конституировался общий советский канон, с небольшими особенностями для отдельных народов.

Идеальная (как и нормативная) структура была наиболее четко репрезентирована в религиозной тематике. В исследованных букварях религия и церковь изображаются как «чуждые», непримиримые враги нового строя. Эта тема отображена в бинарных оппозициях: образ советского учителя, приветливо общавшегося с учениками, противопоставлен образу старого муллы, замахивавшегося на детей розгой. Толстый, невзрачный поп часто изображался в паре с пузатым кулаком – другим врагом советской власти. Вообще в букварной (советской) риторике образ «чуждого» (врага) весьма конкретен, политически четко маркирован: «Урожай не от бога! Поп и кулак – враги колхоза!», «не иди к попам, иди в колхоз к нам» [8, с. 32, 36], «церковь – враг пятилетки» [9, с. 50], «муллы и попы – паразиты, попы и муллы – за кулака», «кулаки – враги колхозов, враги советской власти» [10, с. 17, 47], «рабочие и колхозники приезжают лечиться в Теберду. Капиталистам, муллам и кулакам здесь нет места», «октябрята! Боритесь с врагом. В день пасхи и курмана ни одного прогула!». Врагов можно было без труда узнать в загадках: «Кто коран велит долбить, а не знаешь – начнет бить. Весь день молится Аллаху, за урок берет рубаху. Кто кричит: алла! Алла! Ну скажи скорей. (Мулла). Кто он? Друг попу, колхозу враг, а зовут его (Кулак)» [11, с. 39, 43, 70].

Нельзя не обратить внимание на контраст в изображении городской и сельской (особенно горской) повседневности. Различные типы жилища, их

интерьер и оборудование (электрическое освещение в городской квартире и отсутствие водопровода в сельской хате или сакле) красноречиво указывают на социальное неравенство. Даже путь детей в школу изображен на контрасте: в славянской равнине он воспринимается как более легкий по сравнению с восхождением в гору для детей горцев. В целом же в советских букварях на рубеже 1920–1930-х гг. видна тенденция к эгалитарности в визуальных образах людей и жилища.

Таким образом, букварь на Северном Кавказе на рубеже 1920-1930-х гг. из обучающего учебника превращался в транслятора советской идеологии. Резкий перелом в сторону советизации содержания букваря произошел в 1930 г., достигнув своего апогея в 1931–1932 гг. Постепенно текстовые маркеры советскости становятся определяющими в советизации сознания младших школьников по сравнению с визуальными. За исключением учебника «Красный горец», практически все буквари очень редко использовали тексты и рисунки, нацеленные на формирование этнической/национальной идентичности. Образам, подчеркивающим интернационализм, единство пролетариев разных стран уделялось намного больше внимания, чем внутринациональным вопросам. Учебники, ориентированные на школы в славянских и горских районах, использовали в основном этнонимы, топонимы и антропонимы своей национальной культуры, вместо того чтобы знакомить детей с представителями других культур и этносов.

Список литературы:

1. Маркарова Т.С., Безрогов В.Г. Партийное возвращение к чистой человечности // «Букварь – это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти 1917–1932 гг.: сб. науч. тр. и материалов. М., 2011.
2. Пирс Ч. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 88–95.
3. Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М., 2010.
4. Стефаненко Т.Г. Социальная и этническая идентичность // Идентичность: Хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. М.; Воронеж, 2003. С. 196–220.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5; Т. 9; Т. 17.
6. Рожков А.Ю. Иммунизация «советскости»: северокавказский букварь как транслятор идеологии (1927–1932 гг.) // «Начало учения дьтемь»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: сб. ст. / под ред. В.Г. Безрогова, Т.С. Маркаровой. М., 2014. С. 277–307.
7. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» 1926–1937). Ставрополь, 2012.
8. Сердюченко Г., Донецкая А. И мы работаем: первая рабочая книга (вместо букваря). Ростов н/Д, 1930.
9. Труфанова А., Кальницкая Е., Кальницкий Ф. За колхоз (путь к грамоте): первая рабочая книга (вместо букваря). Ростов н/Д, 1930.
10. Балкунов С.К. [и др.]. В бой за грамоту: букварь для сельской школы. Ростов н/Д, 1932.
11. Кальницкий Ф.И., Кальницкая Е.М., Гатагогу К.М. Красный горец: первая книга по русскому языку для горской школы I степени. Ростов н/Д, 1932.

Анчев С.И.

СОВЕТСКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1922 г.) – КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Генуэзская конференция является первым международным форумом, в котором участвовали как победители, так и проигравшие в Первой мировой войне. Болгарская и советская делегации участвовали с согласия и решения государств Антанты.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, Советская Россия, Генуа, Рапалльский договор, Малая Антанта.

Anchev S.I.

SOVIET AND BULGARIAN FOREIGN POLICY AT THE GENUEZ CONFERENCE (1922) – A BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS

The Genoa Conference is the first international forum to bring together the winners and losers of the First World War. The Bulgarian and Soviet delegations took part with the consent and decision of the Entente states.

Key words: Great Britain, France, Soviet Russia, Genoa, the Rapallo Treaty, the Little Entente.

Даже во время Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), когда не все мирные договоры были подписаны с проигравшими в Первой мировой войне, страны Антанты в 1920 г. провели две конференции. Это были конференции в Сан-Ремо (16-20 апреля, 1920) и в Спа (5-16 июля 1920 г.), в которых не участвовали как Болгария, так и Советская Россия. Другой важной конференцией, связанной с указанной темой, была конференция в Каннах (6–13 января 1922 г.), которая, по мнению вовлеченных великих держав, должна была стать международной экономической конференцией, направленной на восстановление послевоенного экономического баланса в мире. Уже тогда Болгария была включена в список приглашенных стран, неизвестно, однако, какие права она будет иметь на ней. Решение по списку приглашенных стран и повестке дня конференции в Генуе было принято в Каннах 6 января 1922 г. [1, с. 57-58.] Особенно важным является пункт 1 из 6-ти, которые определяют его работу. Можно предположить, что это прорыв в позиции Запада по отношению к Советской России. Там написано: „Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право выбирать для себя ту систему, которую она предпочитает». Пункты 5 и 6 важны для сохранения мира в межвоенный период, а также для уже сложившегося территориального статус-кво. В них отмечено: 5) все нации должны принять

на себя обязательство воздерживаться от всякой пропаганды, направленной к ниспровержению порядка и политической системы, установленных в других странах б) все государства должны сообща принять обязательство воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей [1, с. 57-58; 2, с. 11; 3, с. 4]. В Каннах предстоящая конференция в Генуе определяется как международная конференция по экономическим и финансовым вопросам всех европейских государств, включая Советскую Россию, Германию, Австрию, Венгрию и Болгарию, с приглашением США. Союзные державы считают, что такая конференция является неотложным и необходимым шагом на пути к экономическому возрождению центральной и восточной Европы [2, с. 10]. Конференция в Генуе открылась 10 апреля и продлилась до 20 мая 1922 г. 16 апреля в Рапалло, недалеко от Генуи, был подписан Рапалльский мирный договор, восстановивший дипломатические отношения между Советской Россией и Германией.

Основные проблемы, стоящие перед болгарской делегацией, связаны с проблемой болгарского меньшинства, остающегося на территории соседних балканских стран после заключения мирных договоров, проблемой беженцев, прибывающих в Болгарию из этих стран, и территориальным выходом к Эгейскому морю. В общем, это были проблемы, связанные с регионом и соседними с Болгарией балканскими странами.

Между подписанием мирных договоров в Париже и началом Генуэзской конференции политическая ситуация на Балканах и за их пределами была динамичной и определенно напряженной. США подписали, но позже не ратифицировали мирные договоры. В Европе Италия недовольна ими, а разногласия между Францией и Великобританией углубляются. На Балканах они связаны с отношениями Греции и Турции во время греко-турецкого конфликта.

Балканские соседи Болгарии также готовились к этому важному послевоенному международному форуму. Состоялась румыно-югославская встреча на высоком уровне (19 февраля в Буфтии, близ Бухареста) с участием министров иностранных дел правительств Н. Пашича и Й. Брэтиану. По общему мнению, мирные договоры в Генуе не должны были изменяться. Эту позицию двух балканских государств также поддержали Польша и Чехословакия на совместной встрече четырех стран в Белграде 5 марта 1922 г. [4, с. 198-199]. 6 апреля болгарская делегация отбыла в Геную.

18 мая болгарская делегация обратилась с нотой к председателю конференции. В нем подчеркивалось, что беженцы в стране составляли 11% от общей численности населения, а 2 миллиона болгар из 7 миллионов находились на территории соседних стран. Предложение болгарской стороны было «дать возможность правительствами соседних балканских стран этому населению вернуться в нашу страну; возврат их собственности или их финансовое обеспечение; включить в мирные договоры статьи, касающиеся прав меньшинств». [5.; 6, с. 248-250].

Во время и после конференции оппозиция продолжала демонстрировать негативное отношение к правительственной делегации. По ее словам, «Стамболийский сформулировал в Генуе иллюзорные претензии», чтобы «избежать выполнения мирных договоров». Его обвиняли в пассивности и молчании по вопросу о болгарском меньшинстве [7]. Со своей стороны, после возвращения в Болгарию Стамболийский говорил с одним из официальных земледельческих официозов так, как будто вопрос меньшинств был решен на конференции, не упоминая, что он был передан в Лигу наций [8; 9; 10]. Политика Болгарии определена как «независимую, навсегда покончившую с погромами и войнами» [11].

Участие Советской России в конференции лучше подготовлено и шире. Фактически наибольшее внимание привлекли советская и немецкая делегации. Можно предположить, что победители последней войны создали этот международный форум из-за этих двух стран. Отсутствие США в Генуе означало, что Великобритания и Франция не могут рассчитывать на их финансовую помощь. Другой причиной отказа от участия в Генуе являлось то, что Соединенные Штаты не могли отдать ей долги своих союзников. США, отказавшиеся участвовать в работе Генуэзской конференции. После того, как американское отсутствие в Генуе стало очевидным, Франция заняла позицию постоянного вето на любое рассмотрение вопроса о германских репарациях [12, с. 87-88].

В дипломатическая нота правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США – 28 октября 1921 г. была изложена как позиция советской стороны, так и предложение о мирном урегулировании этих вопросов. Небольшими сокращениями этот текст гласит: «Советское Правительство встретило со стороны других держав требование признания старых долгов царского правительства... Исходя из этих требований, Российское Правительство заявляет, что оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 года, при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств... Для этой цели Российское Правительство предлагает скорейший созыв международной конференции, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству... Лишь после созыва этой конференции может быть достигнуто всеобщее умиротворение». [13, с. 446-447; 14, с. 119; 15, с. 34]. Отношение Великобритании и Франции к советскому предложению было разное. Наибольший интерес проявила Великобритания, которая, как и другие европейские страны, переживала экономический кризис. Взимавшиеся с Германии репарации уходили тут же за океан, в Соединенные Штаты, перед которыми Великобритания имела гигантский долг. Многие государственные и политические деятели Великобритании с надеждой смотрели на Россию как на потенциальный рынок, с помощью которого может начаться реальное

восстановление английской экономики. Франция заняла достаточно жесткую позицию в отношении советских предложений. Париж считал, что с русскими договориться не удастся. Мнение Парижа было таково: лучше все усилия дипломатии стран Антанты концентрировать на Германии, добиваясь, чтобы она неукоснительно выполняла условия Версальского мирного договора. Следует признать, что значительная часть и тех репараций, которые получал Париж, также уходила за океан, так как Франция наряду с Великобританией после Первой мировой войны стала крупнейшим должником Соединенных Штатов [2, с. 46.; 15, с. 33-34].

Страны Запада, победившие в войне, появились в Генуе с так называемым предварительным отчетом экспертов (заседавшие в Лондоне с 20 по 28 марта) о Советской России, который на практике представлял собой наложение контрибуций и экономическое и юридическое/правовое вмешательство во внутренние дела страны. В первой главе доклада содержались следующие основные требования: Советское правительство должно взять на себя все финансовые обязательства своих предшественников... [12, с. 88-89; 16, с. 127] Заслуживают внимания и предложения, в которых фактически запрашивалось вмешательство во внутренние дела страны. Я процитирую только некоторые из них. „...4. Свободный доступ в суды иностранцам, которые на должны, как таковые, подвергаться никаким ограничениям; иностранцам представляется право быть представленными на суде адвокатами по собственному выбору... 6. Договаривающиеся стороны будут иметь право предусматривать в договорах применение иностранного закона, и суд обязан в таком случае применять этот закон.“ [12, с. 90.; 2, с. 53-54]. Если мы проведем сравнение с современной политикой Запада и США не только в отношении современной России, но и их военных и экономических союзников, которые согласно заключенным договорам должны быть равны им, мы установим идентичное отношение как к колониальному зависимому государству, без права на собственный суверенитет.

20 апреля советская делегация представила меморандум по всем вопросам, касающимся как нынешнего и будущего развития Советской России. В меморандуме говорится: «Если бы Советское Правительство обязалось платить из национального дохода... которые вытекают из перечисленных в лондонском меморандуме обязательств, то это не только бы привело к систематическому недопотреблению и хроническому вырождению ее населения, но и серьезнейшим образом задержало бы весь процесс восстановления ее хозяйства... В заключение Российская делегация еще раз... обращает внимание... что Советское Правительство выдвигает на первый план в переговорах и в стремлении прийти к соглашению интересы будущего своей страны и интересы хозяйственного развития всей Европы... [1, с. 232-245]. В поддержку этого меморандума в тот же день Чичерин направил Ллойд Джорджу письмо, в котором еще раз подчеркнул самое важное для будущих отношений. [1, с. 259-260].

Несмотря на общее мнение о провале конференции, она также зафиксировала свой успех. Это подписание советско-германского соглашения, известного в истории и дипломатии как Рапалльский договор [17, с. 68-73]. На Страстную пятницу, 14 апреля, Чичерин, Красин и Литвинов почти целый день вели переговоры с английской делегацией на вилле Альбертис. Однако ни одна из сторон не желала идти на компромисс. Страны Антанты по-прежнему настаивали на полной выплате довоенных долгов и компенсации за частные предприятия, прежде чем приступить к серьезному обсуждению вопросов о кредитах и юридическом признании.

Прелюдией к подписанию Рапалльского договора стал телефонный разговор, инициированный Чичериным рано утром 16 апреля 1922 г., и договоренность о двусторонней встрече министров иностранных дел двух стран Чичерина и Ратенау. По воспоминаниям Адольфа Мальцана кто занимал пост главы русского департамента германского министерства иностранных дел, Ратенау, сопротивлялся подписанию соглашения с Россией... Когда он узнал о телефонном звонке русских Ратенау сказал: «Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд Джорджу, все объясню ему и приду с ним к соглашению». Мальцан возразил: «Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подам в отставку и уйду от государственных дел». В конце концов Ратенау согласился, правда, не совсем охотно, встретиться в воскресенье с русской делегацией [17, с. 75-77]. Для Советской России это было не просто международное соглашение: это был прорыв международной политической изоляции и, кроме того, большой успех советской дипломатии. Договор ратифицирован Всероссийский Центральный исполнительный комитет 16 мая и германским Рейхстагом 4 июля 1922 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 31 января 1923 г. [1, с. 223-226].

У болгарской и советской делегаций на Генуэзской конференции были разные цели, разный дипломатический вес и значение для политики государств Антанты. Требования Болгарии встретили сопротивление и нежелание сотрудничать со стороны балканских государств. У болгарской делегации не было такой предварительной подготовки к конференции, как у советской. Премьер-министр Болгарии также должен был бороться с политической оппозицией в стране. В конечном счете цели были разными. Советская Россия стремилась к признанию и облегчению финансового и экономического положения страны, в то время как для Болгарии приоритет отдавался проблемам, вызванным мирными договорами. Советская Россия благодаря Рапалльскому договору получила значительное признание и преимущество в своей внешней политике, в то время как для Болгарии проблемы, существовавшие до Генуэзской конференции, остались.

Список литературы:

1. Документы внешней политики СССР за период с 1 января по 19 ноября 1922. М., 1961. Т. 5. С. 57-58.

2. Генуэзская конференция – стенографский отчет материалы и документы. М., 1922. Вып. 1.
3. Материалы Генуэзской Конференции (подготовка, отчеты заседания, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.). М., 1922.
4. Анчев С. Добруджанският въпрос в политическия живот на България 1918–1923 гг. В. Търново, 1994.
5. ЦДИА, ф. 176, оп 4, а.е. 2302, л. 210-212.
6. Панайотов П. Българо-съветски връзки и отношения 1917–1923 г. София, 1982.
7. Независимост, бр. 232, 12 май 1922; бр.327, 17 май 1922.
8. Земледелска България, бр. 96, 20 май 1922.
9. Земледелско знаме, бр. 73, 9 юни 1922.
10. Победа бр. 96, 31 май 1922.
11. Победа, бр. 92, 26 май 1922, бр. 108, 15 юни 1922.
12. Радек К. Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923.
13. Документы внешней политики СССР за период с 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М., 1960. Т. 4.
14. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного „западничества“ к „национал-большевизму“. СПб., 2002.
15. Катасонов В. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
16. О’Коннор Т.Э. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991.
17. Садовая Г.М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор. Самара, 2001.

Stojadinović M.

THE AMERICAN PERCEPTION OF THE SOVIET UNION DURING THE COLD WAR¹

The end of the Second World War was characterized by two contradictory fillings. On the one hand we had global happiness because of its ending, but on the other hand we also had a great fear for the future of all countries because of following events. In August 1945 terrible weapon is used for the first time. When an atomic bomb was dropped for the first time that moment became a turning point in entire human history. With the end of the Second World War the expected era of peace did not come. On the contrary, soon after that happened we had deteriorating relations globally between great powers, primarily the United States of America and the Soviet Union. Those relations are particularly declined after the Truman doctrine announced to Congress on March 12, 1947, and further developed on July 4, 1948. This period of time is mostly used as a starting point of the Cold War. On the other hand, the decline of Yeltsin's power and breakdown of the Soviet Union marked the end of the Cold War, making the United States the world's most powerful nation. In this paper

¹ Предавање по позиву са међународне «Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие» објављено у целости настало је као резултат рада у оквиру научно-истраживачке делатности Института за политичке студије, коју финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

the Cold War will not be analyzed here from a historical point of view, but this paper is primarily focused on the analysis of the phenomenon how American officials perceive this global conflict.

Key words: The United States of America, USSR, Cold War, democracy, nuclear weapon.

The Cold War is one of the most researched global conflicts about which there are numerous contradictory theories and interpretations. Noam Chomsky believes that if we want to understand any problem there are two ways we can do it: the first way is to simply accept a conventional interpretation; the second is to look at historical facts [1, p. 25]. Although these two ways should lead us to the same answer, Chomsky says that this is not the case in reality. These two approaches gives us something that we all do not want and that is different answer to the problem which we want to understand. When it comes to the conventional interpretation the United States won the Cold War and this cannot be simpler than that. This is how the officially accepted picture of the new world order after the Second World War looks like, a picture that Noam Chomsky justifiably calls into question. According to Chomsky the arguments used within the conventional interoperation to describe the Cold War are characterized by extremely childish simplicity of a fairy tale: “This simplicity is reflected in the fact that the whole conflict is presented as a conflict between two forces – the force of good and the force of evil.” The forces of evil strive to achieve complete domination in the world, which is why it must be eliminated. Thus, the opposite force was given the task of eliminating the evil force, thus becoming a defender full of virtues [2, p. 26]”.

World War II marked a turning point in relations between the United States and the rest of the world. In the twentieth century, the West as the entire historical and cultural direction with unexpectedly new forms of history pushed out the United States as the main instrument of strategy of neoliberal globalism [3, p. 26]. Namely, the Second World War contributed to the rapid development of the United States, which later enabled them to take a dominant position in the world. And while most European countries were completely devastated and weakened, the United States made huge profit and economic development during this war. Even before World War II, the United States was among the world's leading industrialized nations. However, after the Second World War, the United States own almost 50% of the world's wealth [4, p. 13]. In order to better understand the history of US-Russian relations, we will pay special attention to the period after World War II and the Cold War, which began in a period when Soviet power began to decline while US power rose sharply.

One of the most famous documents concerning the Cold War was the 1950 National Security Council Paper NSC-68 (entitled “United States Objectives and Programs for National Security” and frequently referred to as NSC-68), which stated that the Cold War was in fact a real war in which the survival of the free world was at stake. This memorandum justified an increase in armaments and opened a door to

the race in nuclear weapons. Chomsky emphasizes that the data in this memorandum were presented in a way that made direct comparisons impossible, and were chosen for the purpose of glorifying the enemy and present him bigger and stronger than the USA. That justified drastic measures and enormous investments in military sector. However, actual data show that the military budget of the United States was twice as large, while its economic power was four times that of the USSR in that moment [5, p. 91].

Noam Chomsky fiercely criticizing the doctrinal approach to the reality giving us a large number of examples on which it can be seen how the conventional approach makes it impossible to see historical events in their true shape. John Lewis Gaddis, for example, as one of the most prominent figures of liberal science in the Cold War, believes that Allied intervention after the Bolshevik revolution was defensive and that Woodrow Wilson thereby wanted to secure Russia the right to self-determination.

Let's look at what Gaddis says when it comes to the beginnings of the Cold War. According to him, the real causes of the relations that led to the emergence of the Cold War should be sought in the distant prehistory of Russian-American relations. First of all, he points out that the change in such relations was largely happened due to the change in American foreign policy, which was reflected in two ways: "First, the technological development after 1900, together with the existence of a power vacuum in East Asia, tempted the United States to interfere in events that are far from their borders in such a way that they find themselves involved in conflict with the geopolitical interests of the Russian Empire. Second, the United States government in this period abandoned the traditional view that the international characters of other states should not be influenced by external relations [6, pp. 27-30]"

Gaddis believes that the rise of progressive reform movements in the United States had a significant impact on creating new and less friendly attitude towards Russia: "It seems quite clear that those who encouraged progress gave priority to certain qualities – efficiency, honesty, order, social justice – which do not represent the basis of tsarist Russia. It is important to point out that Theodore Roosevelt stated that during the Portsmouth Peace Conference, Russia was not only treacherous, cunning, fickle, but also corrupt, incompetent and inefficient [7, p. 33]"

There is one more reason for the cooling of Russian-American relations and it lies in the absence of economic and political strategies between these two countries. This problem became especially apparent in the 1920s: "Lenin and his colleagues were reluctant to make a sharp distinction between political and economic interests: they hoped that economic incentives would end interventions and establish normal diplomatic relations with the West. Washington's refusal to accept such proposals confused Soviet leaders because it did not fit their assumptions about the primacy of economic interests (...) Purely economic interests were not the main driver of American foreign policy then as they are not today. Whatever potential profit was involved, Washington officials were too concerned about what they saw as a Soviet

ideological threat – a threat they saw as a form of intervention in the internal affairs of other countries [8, p. 34]”.

Chomsky points out that the Cold War was an American excuse to justify criminal actions abroad, but also to retain privileges and totalitarian state powers at home, while without much convincing evidence, apologists on both sides explained such acts by reasons of national security [9, p. 8]. “For Americans, the association of socialism with the Soviet Union and its clients serves as a powerful ideological weapon for creating conformism and obedience to state capitalist institutions, to ensure that their own rent to the owners and managers of these institutions is seen as natural law, as the only alternative to the socialist dungeon. The Soviet leadership thus portrayed itself as socialist in order to protect its right to own the club, and Western ideologues adopted the same excuse to warn of the danger of a freer and more just society. This joint attack is very effective in undermining such a society in the modern period [10, p. 8]”.

As the Soviet Union began to fade as a superpower in the 1980s, Chomsky says the United States was forced to search for a new enemy, in the form of international terrorism by Latin American drug cartels, Islamic fundamentalism, instability in Third World countries, and general perversions [9, p. 11].” A report on the National Security Strategy sent to Congress in March 1990 shows the Third World as a likely site of conflict: “In the new era, we anticipate that our military forces will remain essential to global balance, but less prominent in a different way. We see that probably the requirements to use our military forces will not include the Soviet Union, but perhaps the Third World, where new capabilities and approaches will be required [11, p. 51]”. So one of the key things the United States wants to do is to provide unhindered access to developing economic markets around the world, as well as the necessary resources to meet their needs. This is essentially the main reason why they strive to constantly develop their military power, because it is the only way to respond to the challenges of the growing advancement in armaments that will appear throughout the Third World in the so-called “new regions of power”.

Noam Chomsky emphasizes that the Cold War was, in key matters, a kind of tacit agreement between the Soviet Union and the United States, under which the Americans waged their wars against the underdeveloped countries and controlled their allies in Europe, while Soviet leaders held their domestic empire and Eastern European satellites in an iron grip, and each side used the other as a justification for the terror and violence they perpetrated in their own empires [12, p. 79]”.

One of the largest and arguably most important movements in the world is certainly the movement that advocates the reduction of nuclear weapons. This disarmament movement, according to Noam Chomsky, can go in two directions: on the one hand, it can mean a narrow approach to arms control; on the other hand, it can get a completely more radical approach. He agrees with many liberal activists that the movement should advocate limiting the proliferation of nuclear weapons, but also believes that such an approach is too limited. The movement that would advocate for detailed disarmament must concentrate on preventing the delivery of

American weapons to other countries, weapons whose destructiveness is as dangerous as nuclear weapons, and therefore it is necessary to radicalize the approach in the fight against arms proliferation. Chomsky points out that there are other issues that cannot be avoided in this context, and which are in many respects even more important: “domestic factors driving the arms race, the dynamics of the Cold War and its impact on millions of people, great dangers (and horrors) superpower intervention, a policy that contributes to the maintenance or escalation of tensions and conflicts around the world, which in addition to human lives, in the end, can potentially cause the final Holocaust [13, p. 80]”.

Contemporary society brings new players on the world stage and new regional and global powers. The time of the unipolar world is over. The United States may have become the most powerful power since the end of the Cold War, but that is no longer the case today. First of all, in addition to the United States and Russia, today there are other countries that possess nuclear weapons. Then, when it comes to the economic strength of the countries, it is enough to mention the BRICS countries as proof that the United States is far from having economic primacy. The time of the unipolar world is over and the great powers must realise this as soon as possible. Today, there are a large number of powerful countries on the global scene, which brings with it a new dimension of unpredictability of global conflicts.

The relations between Russia and the West has a long history in which the West has shown a constant desire to achieve dominance over this area. Given that Western civilization is very intimately focused on the economy, and above all on money, the fact that today's Russia has a dizzyingly large percentage of the world's natural resources cannot leave it indifferent. The bloody war for strategic resources is political reality of every modern country and especially if it is powerful and influential. The rich West cannot resist to be amazed by the fact that one country gained resources in abundance at a time when others did not even think about it, and that in its own political and economic sphere it was completely spared that often very unpleasant segment of foreign policy [14, p. 286]. These are the same resources for which the West must so painstakingly advocate and spend so much money on them. That is why the United States so resolutely striving to establish dominance in this region.

The end of the Cold War also meant for the United States the beginning of the search for new enemies in order to justify their interventions around the world. At the same time, it should be noted that the latest global events have led to the cooling of American-Russian relations almost to the level they had during the Cold War.

Literature

1. Чомски Н. Контролисана демократија, Подгорица, 1999.
2. Чомски Н. Контролисана демократија, Подгорица, 1999.
3. Нарочницка Н. Русија и Словени у свијету промјена – универзалистички пројекти у свјетлости религиозно-филозофских основа историје // Богословски факултет Српске православне цркве. Београд, 2003.
4. Чомски Н. Контролисана демократија, Подгорица, 1999.

5. Стојадиновић М. Ноам Чомски и савремено друштво. Београд, 2014.
6. Gaddis J.L. The Long Peace – Inquiries Into the History of the Cold War. New York: Oxford, 1987.
7. Gaddis J.L. The Long Peace – Inquiries Into the History of the Cold War. New York: Oxford, 1987.
8. Чомски Н. Контролисана демократија, Подгорица, 1999.
9. Чомски Н. Светски поредак, стари и нови, Београд, 1996.
10. Chomsky N. The Soviet Union versus Socialism // Our Generation. 1986. Spring/Summer.
11. Чомски Н. Светски поредак, стари и нови, Београд, 1996.
12. Чомски Н. Контролисана демократија, Подгорица, 1999.
13. Чомски Н. Шта то (у ствари) хоће Америка. Чигоја, 1999.
14. Танасић Н. Русија и Запад – политика, историја, култура // Међународни проблеми. Београд, 2005. Бр. 3.

СЕКЦИЯ 1. ОБРАЗОВАНИЕ СССР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1920-х гг.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

Туфанов Е.В.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В данной статье рассматриваются попытки становления государственности на Северном Кавказе в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Анализируется процесс становления системы партийно-государственной управления и рекрутирования региональных управленцев в контексте межнациональных взаимоотношений.

Ключевые слова: Национальная политика, советская система управления, партийно-государственная номенклатура, Северный Кавказ, депортация, коренизация, региональные управленцы, партия большевиков.

Tufanov E.V.

A NATIONAL ISSUE IN THE CONTEXT OF ESTABLISHING A COMMAND AND ADMINISTRATIVE MANAGEMENT SYSTEM IN THE 1920S. (ON THE MATERIALS OF THE NORTHERN CAUCASUS)

This article examines the attempts to establish statehood in the North Caucasus during the October Revolution and the Civil War. The process of formation of the system of party-state management and recruitment of regional managers in the context of interethnic relations is analyzed.

Key words: National policy, the Soviet system of government, the party-state nomenclature, the North Caucasus, deportation, korenization, regional managers, the Bolshevik Party.

Вопрос межэтнического сотрудничества и национального взаимодействия на протяжении всего исторического пути развития нашего многонационального государства имеет большую научную ценность. Актуальность этой научной проблемы в исследуемый период обусловлена сложным историческим моментом: становление советской политической системы, трансформацией социальных взаимоотношений, формированием партийно-государственной номенклатуры как в центре, так и на местах. Национальный вопрос представляет определённый интерес в контексте становления региональных управленческих кадров на территории Северного Кавказа. Анализ Советской национальной политики и системы управления получил освещение в ряде работ. Следует отметить работу Карпова Ю.Ю. [1], где на базе обширного архивного материала анализируется национальная политика Советского государства на территории Северного Кавказа;

монографию Бугая Н.Ф. и Гонова А.М. [2], где на основе фактического материала рассматриваются не только социально-экономическое положение Северокавказского региона в исследуемый период, но процессы депортации национальных меньшинств, что явилось одним из трагических явлений советской национальной политики. Необходимо отметить также работу Шнайдера В.Г. [3], в которой анализируется советская национальная политика на Северном Кавказе в период 1940–1950-е гг., но фундамент проводимой политики, естественно, был заложен в исследуемый период.

Одним из первых документов, принятых после прихода к власти партии большевиков, является «Декларация прав народов России», таким образом Советская власть уже на заре своей деятельности расставила приоритеты в пользу решения сложного национального вопроса. Основные тезисы документа утверждали:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [4].

Таким образом партия большевиков данным документом показала пример интернационального разрешения национального вопроса, однако естественно данный документ не решал все национальные вопросы, которые имели место в многонациональном государстве. Смена власти и естественно ослабление централизации на местах породило различные сепаратистские настроения и планы. На Северном Кавказе и Закавказье стали формироваться не зависимые от центральной власти государственные структуры. Это было обусловлено спецификой народонаселения, географии, экономики, социокультурного фактора. Рассматривая вопрос национального государственного строительства на территории Северного Кавказа необходимо отметить, что еще в мае 1917 г. в г. Владикавказ состоялся I съезд горских народов, где были поставлены задачи мобилизовать все силы и подняться на уровень государственного строительства. Съезд высказывает мысль о создании автономного государственного объединения (горских народов Северного Кавказа и Дагестана, а также Абхазии, ногайцев и туркмен региона) в демократическом федеративном государственном устройстве новой России [5, с.37]. В то же время представители религиозных кругов Чечни и Дагестана ратовали за создания теократического государства имамат. В августе 1917 г. в Екатеринодаре состоялась конференция казаков и союза горцев, участники конференции выступали за федеративное устройство государства в его составе Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, что было подкреплено документально декларацией о создании союза в ноябре того же года. В период гражданской войны на территории

Северокавказского региона существовала Терская Советская республика, однако ее положение было неустойчивым поэтому она искала компромисс с Горской Республикой. Параллельно с государственными объединениями на Северном Кавказе функционировали национальные Советы в Кабарде, Осетии, Дагестане, которые выступали против Советской власти.

Партия большевиков, которая возглавила Советское государство победило в гражданской войне благодаря многим факторам [6], однако их политическая программа по национальному вопросу была интерпретировано в духе классовой борьбы и имел ярко выраженную крестьянскую природу.

В марте 1921 г. в Москве работал X партийный съезд РКП (б), который своими решениями являлся одним из системообразующих форумов Советской власти. Национальный вопрос естественно также прорабатывался. Докладчиком по этому вопросу был И.В. Сталин, который в своем выступлении осудил партийные уклоны в национальном вопросе – великодержавный шовинизм и местный национализм. По национальному вопросу была принята резолюция партийного форума: «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» [7, с. 553-558]. Данная резолюция констатировала, что буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле решения национального вопроса, так как национальный вопрос возникал на фоне классовых противоречий, поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств. Резолюция также указывала на государственное устройство России, как федерацию советских республик способной именно при таком государственном устройстве нивелировать национальный вопрос.

В декабре 1922 г. был подписан договор об образовании СССР и уже 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов его одобрил. Проект И.В. Сталина о «автономизации», то есть прямого включения формально независимых советских республик в состав РСФСР на правах автономных республик Российской Федерации – был отклонён. Советский Союз строился на принципах равноправия и сохранения суверенных прав, необходимо отметить, что каждая республика имела право выхода из состава союза. Второй съезд Советов подтвердил это право народов России. Эти решения были положены в основу деятельности нового Советского правительства в вопросе межнациональных отношений. Уже на XII съезде РКП (б) в резолюции по национальному вопросу отмечалось, что при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик, в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех национальных республик и областей, органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов и т.д. [8, с. 716-717]

Советская политическая система, при строительстве аппарата управления нуждалась в кадровом ресурсе [9, с. 32-33]. С этой целью на территории Северного Кавказа и в других регионах СССР центральная власть привлекала для решения управленческих задач представителей местного населения. Советская власть привлекая в систему партийно-государственного управления представителей местного населения решала ряд своих организационных задач. Создавался определённый слой ответственных работников, которые являлись опорой Советской власти на местах, но в тоже время пользовались определенным доверием со стороны местного населения, так как знали родной язык и обычаи [10, с. 43-50]. Привлечение в административные ряды местного населения являлось сложной организационной проблемой. Для ее решения необходимо было проводить политику используя весь потенциал государственной системы управления. Для формирования местной национальной партийно-государственной номенклатуры, центральная власть дает старт функционирования политики коренизации системы управления в ряде регионов СССР. Северный Кавказ становится площадкой по реализации политики центральной власти по формированию местной национальной администрации. Решая тем самым и национальный вопрос в сложном полиэтническом регионе. Одним из элементов политики коренизации регионального аппарата управления, был перевод делопроизводства в органах управления на местный язык. Однако данный компонент не был реализован в полной мере по ряду как объективных, так и субъективных факторов [11, с. 30-36]. Основной сложностью перевода делопроизводства на местный язык, стало нежелание местного населения к такой трансформации и естественно проблемы технического порядка. В силу полиэтничности региона и малочисленности местного этноса универсальным языком как общения, так и административного делопроизводства по умолчанию стал универсальный русский язык, который устраивал все этносы, населяющие регион Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что для проведения в жизнь политики коренизации необходимо было решить очень важный вопрос, он заключался в борьбе с неграмотностью в регионе. Политика ликвидации неграмотности была одной из основных задач национально-государственного строительства на территории Юга России. С этой целью создавалась и функционировала система как общего образования, так и система курсов, организация партийных и советских школ и ряд самых различных мероприятий. Подъем грамотности в национальных районах стал также одним из определяющих условий реализации курса на формирование национальных номенклатурных кадров управления.

Северный Кавказ являлся регионом не только сложным в национальном составе, но и в плане религиозной составляющей. Центральной власти при реализации всех своих начинаний необходимо было учитывать специфику региона, связанную с сильной ролью мусульманского духовенства. Сильное

влияние духовенства и родовые отношения серьезно затрудняли процесс коренизации аппарата управления, для успешного выполнения директив центральной власти было рекомендовано лидерам партийных организаций, организовать массу бедняков против духовенства и кулачества, сделать ставку на хорошего работника из рабочих и бедноты с подготовкой их. Повысить ответственность работников за проведение в жизнь заданий вышестоящих органов. Ускорить решение вопросов коренизации советского и партийного аппарата.

Политика коренизации в исследуемый период сумела дать импульс решения основных задач, в результате местные этносы, проживающие на территории Северного Кавказа следуя политики Советского государства вступили на путь ускоренного развития во всех областях и направлениях. Национальная политика на территории Северного Кавказа дала мощный старт к культурному и социально-экономическому развитию региона. В то же время, благодаря складыванию национальных территорий в регионах, начинается формирование класса местных управленцев, так называемой региональной номенклатуры с двуязычием, когда наряду со своим родным языком она владела и русским языком. Коренизация партийно-государственного аппарата Северного Кавказа соотносилась с общими тенденциями национальной политики страны. Вместе с тем, этническое многообразие региона позволяло выполнять требования центральных руководящих органов по рекрутированию и формированию национальной советской и партийной номенклатуры.

Список литературы:

1. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на Северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб -2017. 398с.
2. Бугай Н.Ф. Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М. 1998. 368с.
3. Шнайдер В.Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940-1950-е гг. Москва Берлин 2015. 322с.
4. «Правда» №178 от 3 ноября 1917 г.
5. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на Северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб -2017. 398с.
6. Туфанов Е.В. Формирование советской политической системы в 1917 – 1920 гг.: автореф... дисс. канд. ист. наук. Саранск, 2010. С.24.
7. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Десятый съезд РКП (б). // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Ч.І 1898-1924. М. 1954. С.553-558.
8. По национальному вопросу. Двенадцатый съезд РКП (б). // // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Ч.І 1898-1924. М. 1954. С.716-717.
9. Туфанов Е.В. К вопросу о источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920 – 1930-е гг. на материалах Северного Кавказа. // Вестник Калмыцкого Университета. 2018. 37(1) С.32-42.
10. Туфанов Е.В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата управления на материалах Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. // Современная научная мысль №5. 2017. С. 43 – 50.
11. Туфанов Е.В. Кадры региональных органов управления: становление и развитие в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа). // Современная научная мысль №1. 2018. С. 30-36.

Соколов А.С.

ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ КАК ИСТОЧНИК КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ В 1920-е ГОДЫ

Рассматриваются проблемы национальной политики Советского государства в 1920-е гг. Обращено внимание на факторы, повлиявшие на формирование советской национальной политики. В статье показано, что письма граждан во власть являлись своеобразной формой диалога общества и государства при решении актуальных вопросов межнациональных противоречий

Ключевые слова: национальная политика, политика коренизации, консолидация, Советский Союз, этничность.

Sokolov A.S.

LETTERS TO GOVERNMENT AS A SOURCE OF COMMUNICATION BETWEEN PARTY AND STATE BODIES AND ETHNIC GROUPS IN THE 1920s

The problems of the national policy of the Soviet state in the 1920s are considered. Attention is paid to the factors that influenced the formation of the Soviet national policy. The article shows that citizens' letters to the authorities were a kind of form of dialogue between society and the state when solving topical issues of interethnic contradictions.

Key words: national policy, policy of indigenization, consolidation, the Soviet Union, ethnicity.

Организационная структура коммунистической партии, ее принципиальный центризм требовали образования централизованного государства. Новая экономическая политика после ее провозглашения оказывала влияния на решения вопросов национально-государственного строительства СССР [2, с. 267]. Она способствовала усилению стремления народов Российской империи к получению национальных легитимных государственных образований. К началу 1920-х гг. возникли условия для усиления доверия к советской России, что способствовало национальному строительству и объединению создаваемых национальных образований с Россией на равноправных началах. С образованием Союза ССР в 1922 г. направление политики межнациональных отношений приобрело новые черты, приняло всеохватный характер, преследовало цель активного участия всех народов в решении хозяйственных задач [3]. Фактически руководящей организацией СССР являлась РКП(б). Через строгую партийную подчиненность проводились все решения до и после создания СССР.

Большевики были вынуждены осмыслить место этнокультурной специфики. К концу 1920-х гг. оформился механизм ее реализации в рамках мобилизационной, интернационалистской социально-классовой доктрины. Он использовал собственные административные, образовательные, пропагандистские и репрессивные ресурсы [1, с.69]. Одним из видов коммуникации между органами партийно-государственной власти и этническими группами являются письма трудящихся во власть. Данный вид источника свидетельствует об эволюции социальной психологии народа в советское время. Официально власть всячески поощряла обращения граждан, видя в них важный канал получения информации, в том числе и по вопросам национальной политики.

Политика большевиков отличалась решительной и энергичной борьбой с антисемитизмом. Евреи получили возможность активно участвовать во всех сферах государственной и общественной жизни, работать в областях искусства, науки, культуры. Однако активное участие евреев в революции и гражданской войне, как на стороне красных, так и на стороне белых, вызвало в середине 1920-х гг. взрыв антисемитизма на «низовом» уровне. В 1924 г. группа евреев Подольской губернии обратилась во ВЦИК с письмом, в котором говорилось: «Мы, евреи, не только не дожили до того, чтобы подышать более легкой атмосферой, воспользоваться тем добром, добытым нашими товарищами, голодными, измученными, которые напрягают все усилия улучшить положение, но нас стараются больше притеснять. Над нашими бедствиями и лишениями издеваются, антисемитски надругаются...» [8, с. 394]. Рост антисемитизма в стране был связан с социально-экономической напряженностью в стране. Кризисы нэпа привели к балансу взаимоотношений между национальностями в различных регионах.

Характерной чертой национальной политики большевиков стало целенаправленное использование партийно-государственных институтов, в частности Красной армии, которые должны были обеспечить устойчивость новой системы. Красная армия полностью подчинялась партийно-государственному руководству Кремля. Состоявшая в основном из русских, она представляла собой государственную структуру отражавшую линию на придание унитарного типа складывавшемуся многонациональному союзу [9, с. 120]. Тем не менее, такой подход вызывал вопросы у граждан. В письме, направленном в «Крестьянскую газету», С.С. Савченко просил разъяснить почему «в Киргизской Советской Социалистической Республике русские, татары, немцы и так далее берутся на военную службу, а киргизы почему то мобилизации не подлежат, и их на военную службу совершенно не берут. А на ответственном посту обязательно должен быть киргиз, а нерусский или немец. Так, говорят, обязательно. Чем это можно разъяснить и как?» [8, с. 407].

В национальной политике Кремля большое внимание уделялось развитию культуры и образования. Советская власть повсеместно учреждала национальные школы, распространяла национальные языки. Тем не менее на

местах ситуация в области образования продолжала сохраняться сложной. В апреле 1923 г. крестьяне-мусульмане Белебеевского кантона ходатайствовали перед Наркомюстом о разрешении обучать мусульманских детей религии без различия пола и возраста в специальных мектебах, о снятии всех налогов с мечетей и об освобождении от промыслового налога служащих религии. На тяжесть налогового бремени жаловался житель Татарской Республики мулла Г. Багаутдинов в письме на имя М.И. Калинина. «Прошу Вас, великий благодетель, в срочном порядке привлечь к ответственности Председателя Сельсовета Шейхутдинова, который не признает существующие насчет религии уставы, говоря, что такие дела разрешаются по усмотрению местных властей», – писал он [8, с.335, 377]. На кризисную ситуацию в сфере национального образования в 1920-х гг., указывают многие письма граждан, направленные партийно-государственному руководству. Жительница Могилевского округа Белоруссии А.Я. Горбатикова в письме в редакцию газеты «Батрак» указывала, что «у нас хромает просвещение из-за того, что хорошо процветает самогон». Уполномоченный от жителей нескольких деревень К. Валеев в письме М.И. Калинину в марте 1923 г. подчеркивал, что Татарская Республика может обеспечить школой только 25% населения, остальное население обречено оставить своих детей совсем неграмотными [8, с.333, 367]. Барьеры, возникшие в период нэпа области национального образования препятствовали развитию советской национальной государственности.

Для становления национальной номенклатуры, как основного компонента советской политической системы на местах руководство Советского государства в 1920-х гг. начинает реализовывать политику коренизации партийного и советского управленческого аппарата, национальных областей [4, с.45]. Подготовка национальных кадров в различных сферах социальной и духовной жизни являлось прогрессивным делом, мобилизующим активных деятелей из национальных республик к инициативной работе. Однако политика коренизации имела и негативные стороны. Были проигнорированы интересы некоренных национальностей. В некоторых национальных районах русские стали новыми национальными меньшинствами. Так, в Горской АССР представители русских жителей обратились с воззванием: «Жизнь русского населения стала...невыносимой и ведет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики...» [5, с.47]. В 1927 г. на имя Сталина поступила обширная петиция жителей русских сел и поселений из Казахстана в котором они жаловались на дискриминацию в национальной области. «В большинстве наших русских поселков и станицах мы лишены буквально прав советского гражданина. Произвол местной власти, особенно в отдаленных районах, насилие, грабежи, конокрадство – постоянные явления со стороны местного населения по отношению к русскому народу [6, с.71]. Таким образом, политика коренизации не обошлась без перегибов и имела негативные последствия.

Большевики, придя к власти столкнулись с решением проблем централизма и децентрализации, автономии и федерализма, самоуправления народов и их порыва к культурному творчеству. Они не без труда, но «подберут» ключи и к этим понятиям, и к этническим элитам, сформируют и автономные структуры, найдут элитам место в центральных структурах власти [7, с.396]. Национальный нэп характеризовался стремлением к этнотолерантности, существенными подвижками в государственной политике по отношению к различным национальностям. В то же время, монополярная власть большевистской партии, распространявшаяся на все советские республики осуществлялась политическими и экономическими командными методами. Это затрудняло процесс интеграции регионов и национальностей в образовавшемся СССР. Противоречия советской национальной политики в области культуры, образования, коренизации, подготовке национальных кадров, политики по отношению к различным национальным меньшинствам, о чем свидетельствуют письма граждан во власть, способствовали развитию кризисов в этногосударственном строительстве в 1920-е годы.

Список литературы:

1. Красовицкая Т. Ю. От столыпинской к сталинской модернизации образовательного пространства России (1905 – конец 1920-х гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 620–631.
2. Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика: Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М., 2004.
3. Бугай Н.Ф. Основы национальной политики России в 1920 – второй половине 1980-х годов: трансформация, реализация, приоритеты // Электронный научный журнал «Архонт». 2019. Выпуск № 1 (10).
4. Туфанов Е.В. К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 43–50.
5. Ласточкина В.Б. Национальная политика Советского государства в 1920–1930 годы // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 12(54). С. 45–47.
6. Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Исторические судьбы «национального нэпа» // Россия нэповская. М., 2002. С. 58–93.
7. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.
8. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.
9. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). М., 1997.

СООТНОШЕНИЕ МНЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье сквозь призму современной истории рассматривается плюрализм мнений и идей лидеров зарубежной России первой половины XX в. о возможных сценариях государственного устройства будущей постсоветской России. Критически оцениваются конкретные взгляды эмигрантов-идеологов по вопросу определения статуса в отношении судьбы казачества, Украины и Кавказа. Акцентируется внимание на содержании мнений интеллектуалов русского зарубежья как возможном прогнозе политических действий постбольшевистской России в соотношении с фактами реальных исторических событий нынешней эпохи.

В статье использованы документы деятелей русской эмиграции, монографии, анкеты, протоколы заседаний эмигрантских объединений. Представленный анализ точек зрения авторитетных людей русской эмиграции по вопросу перспектив развития советской России с позиций видения и характеристики современных событий являет собой свершившийся прогноз по отдельным фактам истории.

Ключевые слова: эмиграция, государство, границы, нация, конфликт, окраина, Кавказ, Украина.

THE RATIO OF THE OPINIONS OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN EMIGRATION ABOUT THE NATIONAL-STATE STRUCTURE OF POST-SOVIET RUSSIA

The article examines the pluralism of opinions and ideas of leaders of foreign Russia in the first half of the twentieth century through the prism of modern history. on possible scenarios of the state structure of the future post-Soviet Russia. The specific views of emigrant ideologists on the issue of determining the status of the fate of the Cossacks, Ukraine and the Caucasus are critically evaluated. The article focuses on the content of the opinions of intellectuals of the Russian diaspora as a possible forecast of political actions of post-Bolshevik Russia in relation to the facts of real historical events of the current era.

The article uses documents of Russian emigration figures, monographs, questionnaires, minutes of meetings of emigrant associations. The presented analysis of the points of view of authoritative people of the Russian emigration on the issue of prospects for the development of Soviet Russia from the perspective of vision and characteristics of modern events is a fait accompli forecast for individual facts of history.

Key words: emigration, the state border, nation, conflict, the outskirts, the Caucasus, Ukraine.

В официальной отечественной историографии советского периода довольно долго приоритетной была точка зрения, указывавшая на причину появления русской эмиграции первой волны – антикоммунистической настроенности по отношению к событиям в новой России. На самом деле отъезд русских эмигрантов был обусловлен двумя факторами: одни уезжали из-за полного неприятия Советской власти, то есть покидали отечество «по политическим убеждениям»; другие были насильно высланы за рубеж. Но тем не менее независимо от причин так называемого отъезда судьба российской земли была им не безразлична, несмотря даже на то, что в то время в массовом российском сознании утвердилась мысль: среди эмигрантов доброжелательного отношения к родине и существующей власти быть не может. Именно поэтому интеллектуальные труды русского зарубежья долгое время были исключены из исследования зарубежной мысли и не под каким предлогом не принимались во внимание. Категоричная односторонняя реакция со стороны российской власти представляется сегодня не совсем правильной. Дело в том, что ограничиваться официальной историографией, посвящённой данной эпохе по меньшей мере однобоко. Не брать в расчёт мнение соотечественников означает умышленный отказ от использования значительного объёма ценных источников, что, в свою очередь, существенно снижает научную составляющую исследования.

Известно, что русская диаспора², оказавшись в силу различных обстоятельств за пределами России, остро переживала вынужденную разлуку с Родиной. Лучшие представители русской эмиграции, относясь к различным идеологическим течениям, размышляли над причинами событий, которые привели Российскую империю к краху в начале XX в. Они предполагали возможные сценарии путей дальнейшего развития своей отчизны. Особый интерес представляет оценка становления власти революционной России, данная русскими эмигрантами. Они объективно пытались описать успехи и промахи нового государства в сфере решения национальных проблем. Молниеносно и категорично эмигрантское сообщество реагировало на большевистские мероприятия национального устройства. Авторы русскоязычной газеты «Руль» показывали, что большевики, пытаясь возродить «единую и неделимую» Россию в виде союзных республик, на самом деле прикрывали реальное состояние дел по национальному вопросу. Русские изгнанники очень квалифицированно давали оценки и составляли прогнозы

¹ http://www.domrz.ru/press/news/11793_prezident_rossii_vladimir_putin_posetil_dom_russkogo_zarubezhya/ (дата обращения: 01.04.2020).

² В данной работе определение в словосочетании «русская диаспора» номинируется как собирательное, поскольку принято всю русскоговорящую часть эмиграции считать именно русской без непосредственного отнесения к национальному признаку.

ближайшего и весьма отдалённого будущего своей родины, именно поэтому, на наш взгляд, стоит внимательнее изучить существовавшие позиции русских эмигрантов по поводу различных вариантов политического будущего России, поскольку в некоторых теориях имеется прагматическое начало.

Помимо анализа новой формы правления, широким обсуждением в среде русских эмигрантов стали вопросы будущего политического статуса национальных территорий, в частности казачьих, Украины и Кавказа.

Надо подчеркнуть, что по проблеме этнической и государственной самостоятельности казачества и казачьих регионов в целом, в эмигрантской среде не было единства суждений. Спорили жестко и горячо и при встречах, и на страницах русскоязычной зарубежной прессы, и в письмах. Предметом непримиримой полемики были вопросы независимого существования казачьих регионов России, их экономической составляющей, культурной обособленности. Кстати, особого внимания заслуживает мероприятие анкетирования. В середине 20-х гг. XX столетия Казачий союз распространил анкету об отношении к идее казачьего сепаратизма. Материалы ответов на вопросы достаточно убедительно свидетельствовали о категоричной позиции лидеров теоретической и политической мысли зарубежной России. Поразительной особенностью ответов было то, что респонденты – выдающиеся общественно-политические деятели русского зарубежья, – придерживавшиеся диаметрально противоположных взглядов, пришли почти к одному и тому же знаменателю. Казалось бы, узкий вопрос о судьбах казачества в постбольшевистской России на самом деле затрагивал важнейшую проблему о типе политического строя и форме разрешения национального вопроса. Материалы анкетирования, опубликованные в 1928 г. в Париже и имевшие подзаголовок «Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества» стали в некоторой степени пророческими.

Вопрос о территориальной самостоятельности казаков был обусловлен самим менталитетом данной этнографической группы. Ценностные ориентации и установки казачества, по мнению казаков-эмигрантов, представлявших лагерь «отщепенцев», отличались от великороссов на самой заре появления этого сословия. Именно казаки, как люди сильной воли, не боялись опасности и стойко переносили мученическую смерть. Отталкиваясь от такого толкования, отдельные представители «казакийства» поддерживали идею сохранения казачьих вольностей, поскольку отрицательное воздействие на систему казачества было угрожающим.

Не последнее место в спорах русской зарубежной общины о постсоветском будущем занимали вопросы относительно Украины. Сегодня рассуждения некоторых эмигрантов в силу известных текущих политических и территориальных противоречий России и Украины звучат особенно актуально и злободневно.

Одни представители украинской диаспоры аргументированно и твердо заявляли о невозможности Украины оставаться в составе России. К примеру,

генерал П.П. Скоропадский¹, бывший гетман всея Украины, в 1921 году писал о том, что он категорически против вхождения Украины в состав нового большевистского государства. Именно позиция о самостоятельности Украины уберезит народ от ига новых правителей. Он считал, что в момент борьбы Украины за свое право на жизнь, не имея ниоткуда поддержки, разговоры о федерации с Великороссией означают для украинцев движение в пропасть [Ист. альманах 1993, с. 265, 267]. Надо подчеркнуть: позиция сторонников подобной точки зрения основывалась на концепции насильственной ассимиляции украинцев русскими. К примеру, представители таковых суждений аргументировали свои умозаключения давними историческими событиями, то есть считали, что Петр Первый, проводя реформы, дал серьезный толчок действиям насильственного преобразования украинских земель в великорусские, в результате чего, по их мнению, украинцы и русские начали «сливаться» под серьезным властным гнетом. Итак, по логике представителей украинской зарубежной диаспоры, получается, что большевистскую власть принял только великорусский народ, и вследствие этого в основе идеи антибольшевистской борьбы стоял вопрос национального самоопределения. Вполне приемлемым вариантом в разрешении принципиального вопроса им представлялся вооруженный конфликт Запада и советского государства, в результате которого должно быть поражение последнего, что вследствие приведёт к возникновению самостоятельности входивших в него народов. Реально оценивая ситуацию, доктор права, профессор Украинского университета в Праге С. Федоров² понимал, что постбольшевистская Россия никогда не допустит независимого существования кавказских территорий, Украины лишь потому, что это идет вразрез с ее геополитическими интересами, и в то же время как бы предчувствовал, что столкновение интересов постбольшевистской России и республик, входящих в состав СССР, может достичь стадии вооруженного конфликта. Как учёный, С. Федоров видел в будущем целую систему, то есть сложную иерархию отношений новых государств, которые возникнут на постсоветском пространстве. А потом новые государства, удовлетворив свои геополитические амбиции, будут мечтать об организации так называемой Черноморской Антанты как блока в противовес «реванистским устремлениям постсоветской Великороссии» [Казачество 1928, с. 314]. И тем не менее, ни учёный С. Федоров и его ярый сторонник И.Ф. Быкадоров³, ни другие их единомышленники, конечно, не могли даже предположить, что попытка

¹ Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) – украинский военный и политический деятель. Эмигрировал в 1918 г.

² С. Федоров – полковник Кубанского казачьего войска.

³ Генерал-майор Быкадоров Исаак Фёдорович (1882—1957) – донской казак, участник Первой мировой и гражданской войн; военный историк, исследователь истории казачества и его взаимодействия с Русью с доордынских времён до новейшей истории. Эмигрировал в 1920 г.

разъединить страну, в которой добрые отношения, сложившиеся в ходе столетий совместного проживания различных народов, приведет к кровопролитным столкновениям. Однако независимо от благих помыслов авторов таких идей действительность развивалась по наихудшему сценарию.

На самом деле в эмигрантской среде по вопросу судьбы Украины не было единого мнения. Образовавшиеся две коалиции по вопросу территориального устройства и постбольшевистского будущего России и Украины серьезно дискутировали. Сторонники сближения двух народов проводили закрытые собрания. Русские и украинские политические деятели стремились подвести под единую концепцию условия этого сближения. В отличие от защитников самостоятельности Украины сторонники идеи сближения с Россией утверждали, что полная самостоятельность Украины – утопия. Доказывая свою позицию, они подчёркивали, что защитники независимости и перехода взаимоотношений Украины с Россией в недружественную стадию, непременно получают поддержку со стороны Германии или Польши. А это по существу означало, что провозглашение самостоятельности и независимости от России на практике будет неминуемо включено в другую суверенную систему освободившихся территорий.

Кроме всего сказанного, надо обратить внимание и еще на один момент в заявлении П.Н. Милюкова. По его мнению, постсоветская Россия будет иметь совершенно четкие геополитические интересы в отношении Прибалтики, Кавказа и Закавказья, то есть включения этих регионов в сферу разрешения российских жизненно важных проблем, а возможно, даже прямого их официального присоединения в состав постсоветской Российской Федерации. Нужно заметить: риторика данного заявления имеет символическое значение. С одной стороны, его содержание не противоречит здравому смыслу политиков любого государства в сфере, прежде всего, экономических вопросов, с другой – являет собой отражение некоторых злободневных реалий.

Итак, взгляды эмигрантов на постбольшевистское государственное устройство Кавказа можно условно сгруппировать по двум направлениям: 1) Кавказ – в составе Российской империи; 2) Кавказ независим от России. Оба направления напрямую отражают точки зрения их теоретиков в отношении России.

Суждения русских мыслителей-эмигрантов, касающиеся мероприятий большевиков-идеологов советской России в сфере национальных взаимоотношений, формы территориального устройства советского государства и обоснований режима советской власти, на наш взгляд, стали некой отправной точкой в содержании реализованного сценария в процессе распада СССР. И сейчас мнения интеллектуалов русской эмиграции о возможных сценариях постбольшевистского развития отечества актуальны в некоторой степени как возможный исторический прогноз, частичная достоверность которого подтверждена уже сегодня примерами политических ситуаций – внутренние события в Ростове-на-Дону, в Крыму, на Кавказе.

Таким образом, на основе критического анализа можно констатировать, что картина научного предвидения будущего постсоветского пространства, нарисованная представителями русского зарубежья первой волны посредством анализа современной им действительности, являет собой не призрачное видение. Предполагая в будущем актуализацию проблем выделения суверенной Украины, идеологи-эмигранты заявляли также о неизбежности острейшего противостояния России и Украины за обладание «Донецким кряжем», «берегами Черного моря». Увы, сегодня мы можем лично убедиться, насколько были они прозорливы, озвучив более 100 лет назад прогнозы развития событий на своей родине.

Список литературы:

1. Бабич И.Л. Общественно-политическая мысль северокавказских эмигрантов о будущем своей Родины (1920–1930-е гг.) // Нансеновские чтения 2016. СПб., 2018. С. 117-133.
2. Белова Е.И. Народные социалисты о будущем России. // Нансеновские чтения 2016. СПб., 2018. С. 10-27.
3. Бочарова З.С. Евразийский взгляд на развитие российской и советской государственности // Нансеновские чтения 2016. СПб., 2018. С. 54-60.
4. Милюков П.Н. Россия и демократическая эмиграция. Доклад на первом публичном заседании Республиканско-демократического клуба в Праге 5 июля 1923 г. // Последние Новости. Париж, 1923. 7 июля.
5. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.
6. <https://big-rostov.ru/25-let-nazad-na-donu-mogla-poyavitsya-respublika-kazakiya/>. (дата обращения: 29.01.2020).
7. <https://hasid.livejournal.com/926911.html> (дата обращения: 01.04.2020).
8. <https://vk.com/public123928401> (дата обращения: 06.04.2020).
9. Из письма П.П. Скоропадского к Н.М. Могилянскому // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 265, 267.
10. Вольное казачество. Прага, 1928.
11. Воспоминания В.В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вероисповеданий в составе правительства гетмана П.П. Скоропадского. [1931 г.] Пять месяцев у власти // ГА РФ. Ф. 1826. Оп. 2. Д. 351. Л. 1–72 об; Д. 352. Л. 1–46 об; Д. 353. Л. 1–48 об; Д. 354. Л. 1–94 об; Д. 355. Л. 1–53.
12. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15/V–19/X 1918 г.). М., 1996.
13. Протоколы заграничных групп Конституционно-Демократической партии. Июнь-декабрь 1921 г. М., 1997. Т. 5.

Селюнина Н.В.

КОМСОМОЛ КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА

На основе определенного круга источников в статье анализируются основы молодежной политики. В советский период молодежная политика приобрела особую значимость для молодого государства, в силу достаточно сильной идеологической составляющей. Важным вектором развития России являлось формирование гражданского общества. В Советской России

государственная политика в отношении молодежи на законодательном уровне стала складываться после установления новой государственной системы.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, советское государство, гражданское общество, идеология, законодательная деятельность, кадровый потенциал, советское общество, молодежные организации.

Selyunina N.V.

KOMSOMOL AS A SUBJECT OF THE IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY IN THE USSR IN THE 20S OF THE XX CENTURY

The article analyzes the foundations of youth policy based on a number of sources. During the Soviet period, youth policy became especially important for the young state, due to a strong ideological component. An important vector of Russia's development was the formation of civil society. In Soviet Russia, state youth policy at the legislative level began to take shape after the establishment of the new state system.

Key words: state youth policy, soviet state, civil society, ideology, legislative activity, personnel potential, soviet society, youth organizations.

Государственная молодежная политика – это система мер законодательно-правового, управленческого, финансово-экономического, кадрового, научного, информационного характера, нацеленная на создание условий для активного участия молодежи в политической, социальной, профессиональной жизни общества на местном, национальном и международном уровнях. Молодежная политика – это не только деятельность организаций и учреждений в интересах молодых людей (молодежь – объект), но также и деятельность молодежи (субъекта) как активных участников общественных процессов.

Как социальное явление, молодежная политика типична для всех эпох человеческого развития и всех типов политического и социально-экономического устройства социума.

Всякое государство проводит такую политику, какую считает необходимой, которую в состоянии себе позволить, которая определяется идеологическими и политическими соображениями, финансовыми возможностями. В государственной молодежной политике выражается инстинкт сохранения и продолжения жизни государства и общества.

Сознательная и целенаправленная государственная молодежная политика – это способ упорядочивания отношений между поколениями, контроля над процессом развития общества и преемственности поколений.

В этом и заключается ключевой смысл молодежной политики во всех обществах и во все времена. Имея общую сущность, формы и виды молодежной политики имеют разное содержание, цели, объем, определяющиеся идеологией данных обществ.

По мнению И.М. Ильинского, вопрос целей, задач и содержания молодежной политики является чисто идеологическим. Тип и характер государственной молодежной политики определяется идеологией, открыто или же скрыто преобладающей в обществе [1].

Молодежная политика включает в себя законодательную деятельность органов государственной власти и общественных организаций, а также комплекс мер по реализации ее главных направлений. Политика в целом и ее элементы находятся в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

Субъект государственной молодежной политики – это государство в лице его специальных органов, чья деятельность связана с развитием человека в большей или меньшей мере (образование, здравоохранение, культура, физическое развитие, досуг, труд и т.д.) [2].

Начиная с 20-х гг. XX века, советское государство стало активнее реализовывать свою молодежную политику. Хотя изначально это течение имело название как молодежное движение, зародившееся в 1917 году. С Февральской буржуазно-демократической революции, включая начало 20-х годов, молодежное движение в России было в полном смысле совокупностью многообразных юношеских объединений, рожденных инициативой самой молодежи. Следует подчеркнуть, что юношеские объединения этого периода представляли собой объединения молодежи, а не организации для молодежи. В России молодежное движение с 20-х годов было многообразным по спектру политических, воспитательных, культурных объединений юношества. В юношеском движении реализовывался плюрализм политических взглядов, молодежные союзы выражали различные взгляды на общественную жизнь, государственное устройство, на формировавшуюся политическую систему. Молодежное движение 20-х годов носило массовое, самостоятельное, самоорганизующееся, множественное по характеру объединение. Оно включало в себя объединения молодежи различного профиля: политические, националистические, религиозные, патриотические, образовательные, культурно-просветительские [3]. Союзы молодежи создавались и действовали в городах, рабочих поселках, национальных территориях, городах. Неординарное значение для молодежного движения имеет такая характеристика, как стихийность. Молодежная организация – это, естественно, в первую очередь организованность. Юношеские союзы могут добиться успехов своей консолидацией, объединением усилий, что опять же достигается организованностью. Вместе с тем, молодежное движение не может обойтись без стихийности, самоорганизованности, самостоятельности каждой организации, каждого объединения. Молодежное движение вошло в общественную жизнь послеоктябрьской России в состоянии, которое естественно, было стихийным. Об этом говорилось, в частности, в «Воззвании к союзам молодежи» Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской

молодежи. Главной целью Воззвания было перевести стихийное молодежное движение в организованное объединение [4].

Нормативно-правовая основа государственной молодежной политики – это законодательство, законодательные акты различного уровня, нормативные правовые акты государственных органов и органов местного самоуправления.

Государственная молодежная политика СССР базировалась на правовых документах, регулировавших разные сферы жизни общества. Большую часть нормативных правовых актов Советского Союза по вопросам, касающимся воспитания, образования, службы в армии, трудоустройства, поддержки молодых семей и других вопросов молодого поколения, в дальнейшем уже составляли изначально постановления ЦК КПСС.

В Советском Союзе государственная молодежная политика не выделялась из общей государственной политики, направленной на все группы и категории населения. В СССР отсутствовало сводное законодательство по молодежной политике. Нормативно-законодательные положения по вопросам жизнедеятельности молодежи были включены в общие законодательные и нормативные акты. Все законодательные инициативы, относившиеся к сфере молодежной политики, исходили от партии большевиков. На протяжении всего существования Советского Союза проводником государственной молодежной политики выступал комсомол, который был неотделим от партии. В партийном Уставе указывалось, что «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – это самостоятельная общественная организация молодежи, активный помощник и резерв партии» [5]. Комсомол помогал партии воспитывать молодежь, вовлекал ее в практическое строительство нового общества, готовил поколение всесторонне развитых людей, которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме.

Компартия вырабатывала молодежную политику на теоретическом уровне, генерировала в своих документах партийно-политического характера, которая на уровне реализации государственным аппаратом управления становилась государственной, а точнее – партийно-государственной.

В основном обязанность контролировать и воспитывать молодое поколение лежала на ВЛКСМ, точнее на его руководящих органах – центральном и местных комитетах. Формально Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи был общественной организацией. Тем не менее, в изучаемый период комсомол не являлся независимым и находился под управлением партии и исполнял ее указания. Самые важные решения всегда сначала принимались на уровне руководства компартии [6].

В основе комсомола, созданного в 1918 г., были сформулированные идеологами большевизма идеи о революционности молодежи. В 1920–1940-е гг. силы комсомола задействовались для мобилизации молодых людей на решение социально-политических, экономических, а также военных проблем. Методы и принципы, которые в то время разработали органы

ВЛКСМ 20-х годах, использовались и в 1950–1960-е гг. как инструменты политического воспитания и контроля. Образы комсомольцев 1920–1940-х гг. представлялись идеалом советскости, опираясь на который, молодежь 1950–1960-х гг. формировала свою собственную идентичность. Эта практика удовлетворяла их стремление саморазвиваться и соответствовала доминирующей в советской общественной мысли концепции преемственности и смены поколений.

Партийное и комсомольское начальство считало, что ошибки и недочеты в политическом воспитании облегчали влияние на молодежь буржуазной пропаганды и комсомольская организация становилась как субъектом, так и объектом политического воспитания.

Все годы своего существования комсомольская организация занималась мобилизацией молодежи на различные большие общенародные дела и трудовые свершения, соответствовавшие требованиям времени. В ходе этих дел молодое поколение советского государства проходило социализацию, воспитание, а многие комсомольцы приобретали опыт организации больших масс людей и производства [7].

В СССР комсомолу была отведена главная роль в идеологическом воспитании молодежи. Комитеты ВЛКСМ не только должны были влиять на молодежь, но и контролировать процесс воспитания молодых людей. На руководящих органах комсомола лежала ответственность за «идеологическое здоровье» нового поколения.

В общественное сознание настойчиво внедрялось, что у молодежи капиталистических стран просто не может быть достижений советского государства, обеспечившего молодых людей необходимыми условиями для воспитания, предоставившего им право на образование, труд и отдых; оплачивавшего их труд наравне со взрослыми; установившее государственные стипендии; обеспечившего большинство студенческой молодежи общежитиями; установившее сокращенный рабочий день для подростков и т.п.

Советская молодежь отличалась простотой интеллектуальных и эстетических запросов и вкусов, инфантильностью (преданностью «своим» и нетерпимостью к «чужим»), несамостоятельностью мышления, отказом от критики), коллективизмом (стремлением быть «как все»), неприязнательностью (осуждением корыстолюбия, мещанства), готовностью самоотверженно служить Родине, народу, партии.

Вся идейно-воспитательная работа была направлена на то, чтобы сделать из каждого будущего молодого специалиста образец выполнения общественного и государственного долга, пример служения своему народу.

Молодое поколение в Советском Союзе 20-х годов имеет огромное значение для развития государства. Молодежь – это «резерв» общества, чье будущее и жизнеспособность во многом зависят от степени ее социализации. По этой причине для государства очень важен потенциал, который заложен в молодых людях, а также влияющие на их жизнь факторы [8].

Таким образом, в Советском Союзе прилагались настойчивые усилия, чтобы формировать и развивать молодежную политику. Однако усилия по созданию конкретных механизмов управления и реализации молодежной политики были эффективными не всегда. Партийно-государственное руководство являлось главным инициатором, а также координатором молодежной политики. При этом осознавалось, что ее реализация зависит от активной поддержки со стороны самой молодежи, от ее участия в осуществлении задач общества в целом. В целях успешного осуществления молодежной политики была создана обширная пропагандистская система. Была широко развернута комсомольская и партийная учеба. Для воспитания молодежи использовали пропагандистскую риторику, подкрепленную различными моральными стимулами. Все это было сделано для того, чтобы вовлечь молодых людей в строительство социализма.

Главный успех советской молодежной политики заключался в создании условий и механизмов, которые способствовали включению молодых людей в процессы экономического и социально-политического строительства. В то же время юноши и девушки были фактически лишены возможности выбора. Далеко не все молодые люди имели возможность приобщиться к интересным формам проведения досуга. Не зря импульс к развитию получили новые неконформистские поведенческие практики, наблюдавшиеся как в среде неорганизованной, так и комсомольской молодежи.

Список литературы:

1. XIV съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16-20 апреля 1962 года. Стенографический отчет. М., Молодая гвардия. 1962.
2. XV съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (17-21 мая 1966 г.): Стеногр. отчет. М., Молодая гвардия, 1966.
3. КПСС о комсомоле и молодежи: сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС, других партийных документов. 1917–1961. М.: Молодая гвардия, 1982.
4. Программа КПСС // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.10. С. 166–167.
5. Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. М.: Молодая гвардия, 1988.
6. Шелепин А.Н. Отчетный доклад ЦК ВЛКСМ XIII съезду ВЛКСМ (15 апреля 1958 г.) – XIII съезд ВЛКСМ. М., Молодая гвардия, 1959.
7. Аврус А.И. «Юность комсомольская моя...»: страницы воспоминаний. // История и историческая память. 2014. С. 214-232.
8. Бородай А.Д. Творческая молодежь и комсомол: в поисках идейных скреп // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 144–153.

Петров В.И.

ПРЕДПОСЫЛКИ СКЛАДЫВАНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

В.И. Ленин выступал за поддержку таких национальных движений, которые направлены на ослабление и свержение империализма. Советская Российская республика фактически была создана на основе свободного союза свободных наций, как федеративное объединение советских национальных республик.

Ключевые слова: революционный потенциал колониальных народов, национальный вопрос, образование союза национальных объединений.

Petrov V.I.

PREREQUISITES FOR THE FOLDING OF THE BOLSHEVIST NATIONAL POLICY BEFORE THE FORMATION OF THE USSR

V. I. Lenin advocated the support of such national movements that are aimed at weakening and overthrowing imperialism. The Soviet Russian Republic was actually created on the basis of a free union of free nations, as a federal union of Soviet national republics.

Key words: the revolutionary potential of the colonial peoples, the national question, the formation of the union of national associations.

В.И. Ленин в теории вопроса отношения к национальным объединениям внутри государства занял промежуточную позицию в общих подходах европейского марксизма. Надо отметить, что он не разделял точку зрения таких марксистских теоретиков как О. Бауэра и К. Реннера о нациях как об исторически перманентных общностях. По мнению Ленина, обособление нации и других социальных образований обусловлено экономическими потребностями. С другой стороны, он не соглашался и с позицией Розы Люксембург, по мнению которой сразу же после социалистической революции нации должны объединиться в одну единую мировую общность. Как и теоретики марксизма Ленин был склонен недооценивать национальное самосознание как социальную силу. Тем не менее, он прекрасно понимал, что в условиях, сложившихся в 1917 г., стремление бывших подданных Российской империи к независимости делало их мощными потенциальными союзниками. Пример Австро-Венгерской империи заставил Ленина осознать роль, которую национальные чувства играют в революции, названной им «буржуазной». «Вопрос стоит так: исчерпаны ли уже революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетенных стран, или нет, и если не исчерпаны, – есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической

буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего [1, с.141]?

Во время первой мировой войны на Ленина очень сильное впечатление произвел революционный потенциал колониальных народов, особенно азиатских. Для включения азиатских частей бывшей империи в орбиту новой народно-большевистской власти ленинцы с полным на то основанием надеялись даже на сотрудничество с исламом. Главным соприкосновением для этого должна была стать совместная борьба против империализма (против угнетателей с интересами мировых элит). В последствии оказалось, что повлиять на ислам для большевиков было намного сложнее, чем в случае с христианством. Ислам в организационном отношении был более аморфен. Он вовсе не так тесно был связан с культовыми постройками, и не имел аналогичного христианскому духовенства и строго определенного ритуала. Поэтому ислам в большей, чем христианство, степени связан с общиной, с самой основой жизнедеятельности народа. Ленин понимал все эти проблемы, и потому его подход к исламу был осторожен: в начале 1920-х гг. политика по отношению к исламу отличалась куда большей терпимостью, чем к большинству христианских церквей. По всей стране невоспрепятственно совершались публичные ритуалы, функционировали магометанские школы и суды шариата, а исламские священники сохраняли свои гражданские права в полном объеме и не попадали в число лишенцев [2, с. 237]. Все это переменится уже в середине двадцатых годов XX века, когда движение (первая волна) басмачей было почти подавлено, ЦК партии решил, что теперь можно действовать смело и началась ликвидация религиозных владений, упразднились вакфы (земельные владения при медресе или при мечети). Эти земли перешли в государственную систему земель (для больниц, школ).

В.И. Ленин отмечал, что не должен пролетариат поддерживать всякое национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях. Речь идет о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение [3, с. 144]. В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин пришел к заключению, что теперь классовая борьба осуществляется на международном уровне и колониальные народы в целом подвергаются эксплуатации со стороны промышленно развитых государств Европы и Северной Америки. Из этого следовало, что на данной стадии исторического развития революционным становится лозунг национального самоопределения. В наибольшей степени это было истинным для России, где надо бы теперь поощрять нерусских подданных империи к свержению угнетателей, свергнуть их и взять собственную судьбу в свои руки, даже, если необходимо, под руководством национальной буржуазии [4, с. 110]. Значит В.И. Ленин придавал национальному сознанию масс большое значение. Но он, вместе с тем, считал, что национальные устремления населения все же второстепенны. А так как Ленин был склонен надеяться, что национальный

вопрос в чистом виде как предмет территориального устройства вряд ли будет актуален первые годы после революции, то и его позиция поэтому была весьма двойственной в подходе к вопросу национального самоопределения народов России. Та же двойственность отличала и его послеоктябрьскую национальную политику. По мысли Ленина, народам бывшей Российской империи нужно было дать возможность либо провозгласить свою полную независимость, либо войти в Советскую Россию в качестве ее составной части. Промежуточные позиции он вообще не рассматривал. В реальной жизни получилось, что большинство народов в 1917 г. избрало не полную независимость и не окончательную ассимиляцию Россией, а либо форму мелкой ассоциации, либо автономный статус внутри многонациональной федерации. По мнению современных исследователей вопроса, в этом существенном пункте большевики не попадали в тон общих чаяний народов России. Более того – мировая революция так и не началась, и Ленин не мог предложить народам настоящий «истинный» интернационализм. Единственное, что он мог сделать, – это предоставить им возможность войти в состав многонационального государства, где русские преобладали бы количественно, господствовали в администрации и где доминировали бы русский язык и культура. Не обладая таким средством самозащиты, как федеральная структура, организованные национальные объединения, народы окраин оказывались перед опасностью полной русификации. Это было бы то же самое явление, против которого они боролись при царе, не без участия самого Владимира Ильича [5, с. 95]. Видимо, опасность эта еще усугублялась и теорией самого коммунизма, где национальный вопрос рассматривался как второстепенный по отношению к „пролетарскому интернационализму”. Правительство советской России с начала своего существования начало формировать федеральную структуру власти, которую еще критиковали, обсуждали и даже не принимали ее в теории, но на практике строили ее. В декларации «прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.) дано ясное определение нового советского государства как «федерации советских национальных республик». Тогда это было всего лишь декларацией, так как советская власть в это время еще не контролировала в реальности большую часть бывшей империи, где предполагалось создание национальных республик. Федерация была делом будущего, она считалась более желательной, чем дезинтеграция. Тем не менее само применение этого слова имело далеко идущие последствия. Оно хорошо сочеталось с «Декларацией прав...» (2 ноября 1917 г.), где провозглашались равенство и суверенность всех народов страны, ликвидировались все национальные привилегии и запреты и провозглашалось право наций на самоопределение «вплоть до отделения и создания независимых государств». С первых дней деятельности СНК национальный вопрос присутствовал в любой повестке. Сразу же, в первых декретах отражались интересы трудящихся национальных окраин страны. Так, уже на второй день после съезда в Смольном дворце принимаются два

важнейших политических документа учредительного характера для крестьянской и многонациональной страны – «Декрет о земле» и «Декрет о мире». В этих документах впервые обосновывалась законность национально-освободительной борьбы и сепаратистских движений, надо сказать, в «Декрете о мире» речь шла не только о нациях, но уже и о национальностях, каждая из которых, говоря словами Энгельса, должна была стать «вершителем собственной судьбы» [6, с. 319]. Совет Народных Комиссаров утвердил следующие начала своей деятельности по вопросу о национальностях, «ведущей к полному взаимному доверию народов России»:

- равенство и суверенность народов;
- право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;
- свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп [7, с. 107].

Таким образом, заявлено все, что возможно за исключением прав на культурно-национальную автономию. Получилось, что Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федеративное объединение советских национальных республик. То есть сразу заметно отсутствие положения о суверенности наций, хотя и провозглашалось право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В этом смысле понятие «советская национальная республика» отражает лишь форму политического строя в России – власть рабочих и крестьян, а не статус данного образования.

Затем Третий съезд Советов устанавливает право рабочих и крестьян каждой национальности принять решения на своих полномочных съездах своих советов об участии в единой федеральной системе власти России.

Таким образом, «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» восстанавливает марксистскую трактовку «принципа нации» и «принципа национальностей». Последний характеризует тот или иной объем самоуправления рабоче-крестьянских национальных административно-территориальных образований централизованного унитарного государства нового типа. Декларация как конституционный, учредительный акт была включена в первую Конституцию советской России. Изменение было лишь в том, что появился термин «автономия». Автономия в Конституции пояснялась тем, что Советы областей, отличавшихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, которые войдут на началах федерации в РСФСР. Но опять же не использовано было в Конституции 1918 года понятие «республика». Поэтому партии еще предстояло вести полемику до 1922 года по главному «водоразделу» в вопросе объединения национальных территорий. «Ленинский» и «сталинский» проект объединения народов в Союз будут обсуждаться, но в весьма ограниченном

круге ЦК партии. Учитывая, что РСФСР лишь формально отражала федеративный союз, можно сделать вывод, что РСФСР была еще переходным советским образованием, имевшим признаки союзного государства и федерации на основе областной автономии, то есть сочетавшим в себе «принцип нации» и «принцип национальностей» [8, с. 247].

Список литературы:

1. Ленин В.И. Собрание сочинение. Т. XXV. М. Издательство политической литературы. 1969. – С.141.
2. Москаленская Д. Н. (НГУ). Сборник "Репрессированная сибирская провинция". Новосибирск, 2013. – С. 237.
3. Ленин В.И. ПСС. Издание 5. Т. 27. Август 1915 – июнь 1916. М. Издательство политической литературы. 1969. – С. 144.
4. Касьянов В.В., Петров В.И. Социально-политическая характеристика российского общества XIX века (попытка макроисторического анализа). // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1-1. С. 108-113.
5. Петров В.И. Социально-политические аспекты развития общества в России в XIX веке. // Современные исследования государства и общества. 2016. № 3-4. С. 93-99.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40. Издание второе. М., Издательство политической литературы. 1975. – С. 319.
7. Пилюгина Т.В., Петров В.И., Бабкова Л.И. Развитие конституционного права граждан на информацию о деятельности органов публичной власти в современных условиях. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 104-109.
8. Ленин В.И. ПСС. Издание 5. Т. XXV. М. Издательство политической литературы. 1969. – С. 247.

Подхомутникова М.В.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СССР

Нынешнее состояние страны напрямую зависит от его исторического прошлого. Образование СССР в 1922 году стало одним из важнейших рубежей отечественной истории XX века. Бывшая Российская империя объединила 185 национальностей и народностей. Все они прошли общий исторический путь. В конце статьи дается значение образования СССР, его положительные и отрицательные стороны.

Ключевые слова: СССР, федерация, федеративное государство, автономизация.

Podkhomutnikova M.V.

EDUCATION AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET FEDERATION: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE USSR

The current state of the country directly depends on its historical past. The formation of the USSR in 1922 became one of the most important milestones in the national history of the twentieth century. The former Russian Empire united 185

nationalities and nationalities. All of them have passed a common historical path. At the end of the article, the meaning of the formation of the USSR is given, its positive and negative sides.

Key words: USSR, Federation, federal state, autonomization.

Пролетарская революция 1917 г. предприняла первые шаги по конкретному воплощению в России объединения республиканской формы правления и федеративного государственного устройства. Государственная стратегия власти большевиков основывалась на учении одного из российских теоретиков начала XX в. В. И. Ленина, который в 1917 г. пришёл к выводу о необходимости построения в новой России особого типа федерации.

Политические, экономические, социальные, духовные предпосылки для объединения советских республик в единое государство стали складываться еще в годы Гражданской войны. Война и иностранная интервенция вызвали потребность создания оборонительного союза большевистских сил центра и национальных регионов.

По декрету ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» было признано целесообразным провести объединение некоторых народных комиссариатов с тем, чтобы руководство отдельными областями общественной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий. В декрете от 1 июня 1919 года говорилось: «...стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма, и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1918 г., так и предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение 1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда Советских Социалистических Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий» [1, с. 354-355].

Объединение народных комиссариатов было юридически оформлено посредством соглашений между республиками – между РСФСР и Украинской ССР в рамках союзного договора от 29 декабря 1920 г., между РСФСР и Белорусской ССР на основании договора от 16 января 1921 г.

У членов союза существовали общие вооруженные силы и управление экономикой со стороны наркоматов РСФСР, в руководство которых были включены представители республик. Статус республик и их отношения четко определены не были, число советских республик менялось. Необходимо было создать единую систему государственной власти на месте разнородных

республик, образовавшихся в ходе революции и оказавшихся под контролем большевиков. В 1922 году существовали формально независимые советские социалистические республики (ССР): Азербайджанская, Армянская, Белорусская, Грузинская, Украинская, подконтрольными коммунистам были «народные» республики: Бухарская, Хорезмская, Дальневосточная.

После принятия декрета начали реализовываться меры по его практической реализации, но из-за свержения Советской власти в республиках Прибалтики претворить в жизнь положения декрета ВЦИК от 1 июня 1919 г. не удалось. При активной помощи стран Антанты началось наступление сил белого движения и к началу осени 1919 г. были упразднены все независимые советские республики кроме РСФСР. Генерал А.И. Деникин выступал с позиций «единой, великой, неделимой России...» [2]. Он считал, что все вопросы государственного устройства – внутреннее дело русских и право Учредительного собрания. Политика великодержавности встретила противодействие со стороны националистических партий и организаций Украины, Северного Кавказа, Закавказья. Белогвардейские власти столкнулись также с руководством донского, кубанского и терского казачества. В целом национальная политика белых правительств потерпела неудачу.

Рассматривались три возможные формы объединения: конфедеративный союз, вхождение других республик в РСФСР на правах автономии, федерация равноправных республик. Конфедерация была отвергнута [3, с. 94]. Соперничество развернулось между центристами и федералистами.

В.И. Ленин выступил организатором федерации, которая предусматривала согласие народов, областей, государств; разделение полномочий между центром и субъектами в рамках союзной Конституции; территории субъектов и их право на автономное управление.

10 августа 1922 г. Центральный Комитет Коммунистической партии создал комиссию, которая занялась проблемой объединения советских республик. Существующие проекты предлагали один из двух типов федерации – это федерация, основанная на автономии, или сохранение системы договорных отношений между республиками. В проекте И. В. Сталина указывалось, что советские республики – Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская – должны войти на автономных началах в состав РСФСР. Партийные организации национальных республик по этому вопросу представили разные ответы. Закавказский краевой комитет Коммунистической партии, ЦК Коммунистической партии Азербайджана и Армении одобряли проект И.В. Сталина. Против проекта выступили ЦК Коммунистических партий Украины и Грузии. Оппоненты «автономизации» исходили из того, что она повлечет за собой снижение суверенитета советских республик. За сохранение договорной системы высказался ЦК Коммунистической партии Белоруссии.

Различие в мнениях по вопросу о форме объединения советских республик были преодолены благодаря разумному руководству В.И. Ленина.

В. И. Ленин подверг проект «автономизации» глубокой критике и сформулировал (в своем письме от 27 сентября 1922 г.) [4]. идею образования союза суверенных советских социалистических республик. В. И. Ленин предложил создать общий ЦИК Союза Советских Республик, а не подчинять республики центральным органам РСФСР.

Результатом союзного государства, образованного в 1922 г. стала первая Конституция СССР 1924 г. В разработке текста Основного закона принимали участие шесть комиссий, которые начали работать в феврале 1923 г. В конце июня – начале июля 1923 г. проект Конституции СССР был обсужден на специальных сессиях ЦИК союзных республик. 6 июля 1923 г. подготовленный проект Конституции СССР был рассмотрен и одобрен сессией ЦИК СССР. На II съезде Советов СССР 31 января 1924 г. Конституция (с поправками и дополнениями). была утверждена. Конституция состояла из двух разделов: Декларации и Договора об образовании СССР. Конституция СССР 1924 г. включала в себя 11 глав и 72 статьи [5].

Принятие конституционных актов позволило законодательно закрепить создание СССР. На первом этапе Декларация и Договор об образовании СССР составили «Конституцию» нового союзного государства. Затем Основной Закон (Конституция) СССР 1924 года заменила ранее принятые конституционные акты и завершила конституционное оформление создания СССР.

Итак, к положительным сторонам СССР можно отнести: увеличение территории, авторитет в мире, боеспособная армия, объединение республик в Союз дало возможность направить все ресурсы на ликвидацию последствий Гражданской войны. Это дало толчок в развитии экономики, культуры, науки, образования, медицины, спорта. К отрицательным сторонам можно отнести: излишняя централизация управления, идеология одной партии, застойные явления в политике и экономике.

В заключение, отметим, что дискуссии о положительных и отрицательных сторонах созданного Союза ведутся до сих пор. Консенсуса так и нет.

Список литературы:

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1943. URL: [https:// www. istmat.info/node/38014](https://www.istmat.info/node/38014) (дата обращения: 26.08.2021).
2. Наказ А.И. Деникина особому совещанию (14 декабря 1919) // Программные заявления Белого движения. 1917 – 1920 гг. URL: <http://www.posev.ru/almanah/programm> (дата обращения: 26.08.2021).
3. Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?: [Сборник] / Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл., Центр. полит. и экон. истории России; [Сост. А. П. Ненароков и др.]. Москва: Терра, 1992. 558 с.
4. Письмо В.И. Ленина Л.Б. Каменеву о проекте резолюции Пленума ЦК РКП(б), подготовленном комиссией И.В. Сталина, о вхождении независимых республик в состав РСФСР. 27 сентября 1922 г. URL: <http://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/> (дата обращения: 26.08.2021).
5. Чистяков О.И. Конституция СССР 1924 года. Москва: Зерцало-М, 2004. 224 с.

Аверьянов А.В.

**К ВОПРОСУ О «ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМ ПОДХОДЕ»
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-е ГГ.**

Статья посвящена анализу механизмов национальной политики на Юге России в 1920-е гг. в отношении дисперсных этносов, проживавших за границами национальных территориальных автономий. Выявлены и охарактеризованы структуры советских и партийных органов, отвечавшие за работу в этнической среде.

Ключевые слова: Юг России, Северо-Кавказский край, национальная политика, этнические меньшинства, национальные меньшинства, националы, Национальная комиссия, Нацменкомиссия.

Averyanov A.V.

**TO THE QUESTION ABOUT THE "DIFFERENTIATED APPROACH"
IN THE NATIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1920s.**

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of national policy in the South of Russia in the 1920s in relation to dispersed ethnic groups living outside the borders of national territorial autonomies. The structures of the Soviet and party bodies responsible for work in the ethnic environment are identified and characterized.

Key words: South of Russia, North Caucasus Region, national policy, ethnic minorities, national minorities, nationals, National Commission, Commission of National Minorities.

Несмотря на то, что универсальным для обозначения всех нерусских народов в Советском государстве в 1920–1930-е гг. стал вполне официальный термин «национальные меньшинства (нацмены)», довольно скоро в Северо-Кавказском крае он получил вполне определённое содержательное наполнение. Он означал представителей этносов, которые жили в русских округах Северо-Кавказского края и не имели своих автономий в регионе. В современной научной литературе они обозначаются как дисперсные этносы, то есть этнические группы, проживавшие за пределами своих национальных очагов – союзных республик или областных автономий [1]. В свою очередь в отношении горских народов, имевших собственные национальные автономии, чаще использовался термин – «националы». Эта полуофициальное терминологическое разделение позволяет утверждать, что в отношении данных двух категорий этносов («нацмен» и «националов») проводилась дифференциальная политика, вытекавшая из различных условий их расселения, уровня социально-экономического, культурного и политического развития.

На II Всероссийском совещании уполномоченных по работе среди национальных меньшинств в 1926 г. отмечалась необходимость «установить более дифференцированный подход в деле обслуживания каждой отдельной национальности с учетом их бытовых особенностей, экономического и культурного уровня» [2, л. 3]. На том же совещании заместитель заведующего Отдела национальностей ВЦИК Р.А. Сабиров отмечал, что в РСФСР «до 12 млн. населения не объединены в национальные республики и области» [2, л. 70].

На I Северо-Кавказском краевом совещании нацменработников, прошедшем 20-23 декабря 1929 г., отмечалось, что 45,9% населения региона составляли русские (3 841,1 тыс. человек); 44,2% – национальные меньшинства, в том числе украинцы (3700,8 тыс. человек); 9,9% – «национальности горцев» (821,8 тыс. человек) [3, л. 21 об]. В числе крупнейших народов Северо-Кавказского края, кроме русских, согласно результатам переписи выделялись украинцы (3,1 млн), чеченцы (296,3 тыс.), армяне (162,2 тыс.), осетины (155,4 тыс.), кабардинцы (139,7 тыс.), немцы (93,9 тыс.) и др. [4] Подавляющее большинство дисперсных этносов (в советской терминологии – национальных меньшинств) проживало за пределами национально-территориальных автономий Северного Кавказа.

Специфика национальной политики в отношении «националов» и «нацменьшинств» определяла структуру советских и партийных органов, ответственных за работу в этнической среде. Работу среди «националов» и «нацмен» курировали различные инстанции, созданные при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) и Северо-Кавказском крайисполкоме: Национальная комиссия и Нацменкомиссия.

Национальная комиссия (Комиссия по национальной политике) Северо-Кавказского крайкома РКП(б) была создана решением III пленума Юго-Восточного (Северо-Кавказского) крайкома РКП(б) от 31 июля – 1 августа 1924 г. [5, л. 3]. Председателем Национальной комиссии был утверждён первый секретарь крайкома РКП(б) А.И. Микоян, а в её состав входили представители северо-кавказских автономий, в том числе И.В. Зязиков, Б.Э. Калмыков, Х.Н. Мамсуров, С.А. Такоев, Т.Э. Эльдерханов и т.д. [6] В сферу деятельности Национальной комиссии был включен широкий спектр проблем, связанных с развитием национальных автономий в Северо-Кавказском крае, борьбой с бандитизмом [7].

Параллельно с Национальной комиссией функционировала Нацменкомиссия (Комиссия по делам национальных меньшинств) при Президиуме Северо-Кавказского крайисполкома. Её целью провозглашалось «планомерное содействие скорейшему хозяйственному и культурному развитию нацменьшинств Северо-Кавказского края, согласование проводимых краевыми и местными советскими органами мероприятий, касающихся нацменьшинств края, а также для непосредственного наблюдения и контроля

за своевременным проведением в жизнь означенными органами возлагаемых на них центром и местной властью мероприятий по линии нацмен» [8, л. 373].

В состав Нацменкомиссии с решающим голосом кроме председателя входили по одному представителю от наиболее крупных представителей нацменьшинств в крае, председатели КрайОНО и КрайЗУ, нацменработники и национальные инструкторы крайисполкома. Председателем Нацменкомиссии являлся уполномоченный по делам нацменьшинств при президиуме крайисполкома Нагиев. В числе членов комиссии значились Гофферт, Гигоян, Капалииди, Пиастопуло, Достян и др. [8, л. 2] Раз в полгода Нацменкомиссия отчитывалась о своей работе перед Президиумом крайисполкома и Отделом национальностей ВЦИК. Она курировала работу в области хозяйственного развития, культурного, советского и партийного строительства среди национальных меньшинств региона, то есть в дисперсной этнической среде [8, л. 373-376].

Работу среди национальных меньшинств вели отделы пропаганды и агитации областных, краевых и окружных партийных организаций. В структуру агитпропотдела секретариата Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) входил подотдел национальных меньшинств, который имел в своём составе штатных инструкторов эстонской, польской, армянской, татарской, еврейской, латышской, греческой и немецкой секций [9, 21 об]. Стремление усовершенствовать работу подотдела обуславливало её реорганизации. С 1 сентября 1922 г. вместо существовавших инструкторов секций в аппарате секретариата Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) был оставлен только один инструктор, руководивший всеми секциями. Данное решение мотивировалось стремлением перенести центр тяжести работы секций нацменьшинств на места [10, л. 8 об].

Система национальных секций и инструкторов дублировалась на низовых уровнях. В составе партийных органов губернского, а затем окружного уровня, в частности при агитационно-пропагандистских отделах, создавались подотделы нацмен, которые в свою очередь подразделялись на национальные секции. Например, в подотделе национальных меньшинств при Кубано-Черноморском обкоме РКП(б) в 1922 г. функционировали западная и восточная секции. В 1924 г. они были разделены на греческую, армянскую, западославянскую и немецкую секцию, в состав которой кроме немцев входили также эстонцы и латыши [11, с. 186].

В основу выделения национальных секций были положены различные критерии, в том числе разделение по языку, культуре, этническому происхождению и уровню социально-экономического развития. В инструкции по работе среди национальностей при районных, окружных и городских советах указывалось на необходимость создания секций с любым числом нацмен на правах отдела. При этом указывалось, что секции можно создавать по национальному, религиозному или языковому признаку в случае если

нацменьшинства незначительны по своей численности (например, тюркская, западнославянская секции).

Главной задачей национальных секций провозглашалась организация и развёртывание «массово-агитационной и пропагандистской работы среди нацмен данного района» [12, л. 59]. В начале 1921 г. в структуру Ставропольского губернского комитета РКП(б) входил подотдел нацмен с немецкой, венгерской, латышской, эстонской, польской секциями [13, с. 26-27]. При отделе агитации и пропаганды Терского окружкома ВКП(б) до апреля 1928 г. действовал подотдел и коллегия нацмен, куда входили армянская, немецкая, греческая, еврейская, тюркская секции [14, л. 108]. При Донском окружкоме функционировало шесть секций: еврейская, ассирийская, немецкая, польская, армянская и татарская [15, л. 6]. Успех работы национальных секций зависел от наличия квалифицированных кадров, которых катастрофически не хватало, особенно из среды так называемых восточных народностей. В отчёте о деятельности Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в 1922 г. отмечалось, что «среди западных народностей работа поставлена шире и идет интенсивнее, чем среди восточных» [10, л. 7 об].

Таким образом, в первой половине-середине 1920-х гг. на Юге России стал складываться дифференцированный подход в рамках национальной политики применительно к различным этносам в зависимости от уровня их социально-экономического развития и характера расселения. Данный опыт наглядно отразился на структуре советских и партийных органов, отвечавших за проведение национальной политики в регионе.

Список литературы:

1. Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск, 2015. 302 с.
2. ГАРФ. Ф.Р–1325. Оп. 121. Д. 161.
3. ГАСК. Ф.Р.–1161. Оп. 1. Д. 1749.
4. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac26.php?reg= (дата обращения: 12.12.2019).
5. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3.
6. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 154.
7. Акопян В.З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 2. С. 76-79; Кокорхоева Д.С. Из истории организации Комиссии по национальной политике РКП(б)-ВКП(б) на Северном Кавказе: мотивы создания и роль в системе управления автономиями (1924-1927) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 3. С. 47-55.
8. ГАРФ. Ф.Р– 1235. Оп. 123. Д. 123.
9. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 9.
10. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 148.
11. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20 – 40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 244 с.
12. ГАСК. Ф.Р –1161. Оп. 1. Д. 1723.

13. Путеводитель по фондам ГАНИСК. Ставрополь, 2011.
14. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 28.
15. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14.

Хубулова С.А.

«СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-Е ГГ.¹

В статье осуществлена постановка проблемы претворения на практике основных направлений политики государства, которая получила позже название «советский проект». Наряду с несомненными успехами общесоюзной политики на Северном Кавказе следует отметить и тот неоспоримый факт, что нивелирование традиционной специфики региона приводило к торможению и даже отторжению некоторых планов советской власти, имелись не те результаты, на которые рассчитывала центральная власть, нередко вызывая в обществе напряжение, отрицание и противодействие (в качестве примера: установление народной власти; решение земельных проблем; коллективизация; коренизация; национальное размежевание и др.).

Ключевые слова: модернизация, национальные районы, специфика, рефлексия.

Khbulova S. A.

THE "SOVIET PROJECT" AND ITS IMPLEMENTATION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920S.

The article presents the problem of putting into practice the main directions of state policy, which was later called the "Soviet project". Along with the undoubted successes of the all-Union policy in the North Caucasus, it should also be noted that the leveling of the traditional specifics of the region led to the inhibition and even rejection of some plans of the Soviet government, there were not the results that the central government expected, often causing tension, denial and opposition in society (as an example: the establishment of people's power; solving land problems; collectivization; korenization; national demarcation, etc.).

Key words: modernization, national areas, specificity, reflection.

Исследование советской государственной политики 1917-1920-х гг., которую нередко в историографии называют «советский проект», на общенациональном и региональном уровнях в исторической ретроспективе имеет непреходящее значение, т.к. охватывает всю совокупность направлений социальной, политической, экономической и культурной деятельности органов государственной власти и во многом закладывает перспективы

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008 СССР.

устойчивого развития страны и общества в будущем. Обращение к данной проблематике в рамках междисциплинарного подхода обусловлено переоценкой значения, места и роли федерального Центра в распространении советской модели общества на периферию страны, конкретно – на национальные районы Северного Кавказа. Эта обусловленность связана с трансформацией идеи развития всех регионов СССР по единому идеологическому образцу 1917-1920-х гг. и возникшей к этому периоду насущной потребности формирования основных направлений в изучении советского опыта и его особенностей в разных субъектах страны.

Выбранные хронологические рамки воплотили основные этапы претворения идей советской модернизации, которая не ограничивалась лишь экономическими составляющими, но имела результаты в социокультурной, политической и национальной жизни Северного Кавказа. Это также во многом предопределило необходимость специального изучения исторического опыта взаимодействия Центра и субъектов Северного Кавказа, потребность в научном исследовании концептуальных подходов к развитию последнего и более углубленном осмыслении региональных проблем в конкретно-историческом пространстве страны.

Исследование исторических обстоятельств и условий реализации государственной политики актуально на двух взаимосвязанных уровнях – федеральном (общесоюзном) и региональном, на которых один задает векторы ее реализации, а другой – реализует, адаптируя под локальные особенности. Проблема адаптации основных положений «советского проекта» связана с тем, что районы Северного Кавказа (объектом изучения будут области Центрального Кавказа в границах 1920-1930-х гг.) отличались не только от российских регионов, но и между собой по уровню социально-экономического и культурного развития, представляя отчасти достаточно развитый капиталистический уклад в Осетии и казачьих районах, феодальный – в Кабарде и Балкарии, родовой – в Чечне и Ингушетии.

По этой причине общероссийские планы иногда претворялись на местах с большими издержками, имели не те результаты, на которые рассчитывала центральная власть, нередко вызывая в обществе напряжение, отрицание и противодействие (в качестве примера: установление народной власти; решение земельных проблем; коллективизация; коренизация; национальное размежевание и др.).

Изучение научной природы процессов рецепции модернизационных планов необходимо для того, чтобы уяснить их значение в деле формирования социалистического строя как определенного исторического феномена [1; 2]. В последние постсоветские десятилетия для анализа предшествующей эпохи стали использоваться разнообразные методологические подходы и теории: цивилизационный, формационный, модернизационный и др.

Потенциал концепта «советский проект» как «оформляющего» понятия дает новые возможности в трактовке советского периода истории страны.

«Советский проект» имел целью построение в России социалистического общества, основанного на принципах равенства и справедливости, но привел к формированию тоталитарного государства [3]. Тем важнее понять, почему так произошло, почему результат советского проекта кардинально отличался от запланированного? Любая реформа представляет собой проект, который направлен на получение определенного результата либо в узкой сфере, либо же столь масштабен, что должен изменить всю общественную практику. Последние изменения особенно характерны в эпоху модернизаций, которые проявляются не только в социально-экономической, но и политической, социокультурной сферах общественной жизни.

Идеологический концепт «советского проекта» отрицал необходимость учета неоднородности проживавших в стране этносов, имевших не только разный экономический, но и культурный и общественный уровень развития. Претворяя в реальность основные конструкты проекта, большевики высоко подняли планку, что приводило к частичному или полному краху их реформаторских настроений.

Главная идея этого проекта состояла в учреждении общества, основанного на принципах равенства и свободного от эксплуатации человека человеком. Изучение рецепции «советского проекта» в условиях Северного Кавказа, не только моделировавшей образ эпохи социальных перемен 1920-х гг., но и отразившей несбывшиеся надежды и ожидания, важно для реконструкции советской истории.

«Советский проект», реализуемый в национальных районах Северного Кавказа, является в этом смысле примером осмысления и реконструируется как уникальный источник знаний о сущностных чертах советской истории, в котором в полной мере отражены основные этапы модернизационных, политических и идеологических процессов эпохи.

Исходя из сказанного, объектом изучения является региональный вариант советского проекта как объект и пространство экономического, социального и культурного конструирования, а предметом – механизмы проведения модернизационных реформ в 1920-е гг. Эти соображения и обусловили обращение к отмеченной проблеме, анализ которой осуществлен на материалах Северного Кавказа.

Как справедливо указывают специалисты-кавказоведы, в отечественной историографии прочно утвердилась концепция «единого потока», когда культурно-историческое своеобразие региона растворилось в формационной схеме, в которой можно было различать передовые и отсталые народы в результате преобразований, нивелировавших свое своеобразие и уровень развития. Эта обусловленность связана с трансформацией идеи развития всех регионов СССР по единому большевистскому образцу 1917-1920-х гг. и возникшей к этому периоду насущной потребности формирования основных направлений в изучении советского опыта и его особенностей в разных субъектах страны.

Как и по всему СССР, процессы модернизации в районах Северного Кавказа, регулировавшиеся решениями центра, носили идеократический характер.

В конце XX в. в отечественной исторической науке на смену выдержанному в жестких советских методологических скрепах формационному подходу к освещению исторических периодов пришли новые концепции – цивилизационная и модернизационная. Наибольшее число приверженцев получила последняя, особенно в интересующем нас русле советской истории.

Опыт федерализма с этническим компонентом, как один из вариантов для крупных наций с внутренними конфликтами и этнорелигиозным сепаратизмом, и другие мировые практики). Было бы неправильно утверждать, что вопросы социалистического реформирования 1920-х гг. на материалах Северного Кавказа являются научной лакуной; еще в историографии советского периода многие вопросы реконструкции экономики и общества анализировались. Но, находясь в жестких рамках большевистской идеологии, исследователи могли писать только о несомненных успехах, абсолютно не учитывая местной специфики, традиций и отношения населения к этим новациям. В современной региональной историографии реализации «советского проекта» появились интересные работы, которые дают возможность проследить некоторые аспекты проблемы [4; 5; 6; 7]. Нисколько ни умаляя проделанной работы, следует отметить, что авторы, как правило, выбирали в качестве объекта лишь одну сторону «советского проекта». Это не давало возможности проследить весь спектр перемен и их последствий для северокавказского социума. Можно представить лишь небольшой список работ, в которых предпринимались попытки всесторонне показать особенности осуществления «советского проекта» в условиях Северного Кавказа [8;9;10;11;12]. Даже самый поверхностный обзор проблемно-тематических сдвигов в региональной историографии свидетельствует, что она вплотную подошла к постановке проблемы, чрезвычайно важной для целостного видения национальной истории.

Из известных на сегодняшний день работ, посвященных разработке концепции «советский проект» применительно к истории народов Северного Кавказа в рамках научной историографии можно назвать работу Борова А.Х. [13]. В работе проведен комплексный анализ и дано целостное представление об основополагающей проблеме российско-кавказского исторического процесса – проблеме социально-культурного синтеза. Таким образом, даже беглый историографический обзор позволяет заключить, что отечественная гуманитарная наука сделала большой рывок по сравнению с зарубежными школами и теориями, т.к. существенно обогатила концепцию модернизации, определив ряд направлений, которые стали возможны на материалах советской эпохи. Региональная историография этой проблемы вплотную подошла к постановке проблемы, чрезвычайно важной для целостного видения

национальной истории, которую можно представить как проблему континуитета и прерывности, или же как проблему идентичности ее исторического субъекта. По этой причине должно делать упор на значимость изучения теоретико-методологических и историографических аспектов темы. Они непосредственно выходят на проблемы построения обобщающих концепций национальной истории самой России и ее народов, рассматриваемой как цивилизация и культурное сообщество.

Список литературы:

1. Семенникова Л.И. «Советский проект» как теоретический инструмент исследования отечественной истории. // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 2. С. 3-15.
2. Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л.Н. Мазур; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 561 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Советский проект и крах СССР. http://www.situation.ru/app/j_art_672.htm (дата обращения 15.09.2021)
4. Бугай Н.Ф. «20-е годы: становление демократических форм правления на Северном Кавказе». / «Северный Кавказ: выбор пути национального развития». Майкоп, 1994. С. 33-99.
5. Гурфова С.А. Особенности индустриализации промышленности в КабардиноБалкарии. //Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2016. №3(13). С. 82-86
6. Фидарова И.Б. Крестьянство Северной Осетии в условиях социально-экономических преобразований: конец 1920-х – начало 1930-х гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. 26 с.
7. Матвеев В.А. Красный бонапартизм как разновидность политики и последствия ее проведения на Юге России (1917-1921 гг.). Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 183 с.
8. Клычников Ю.Ю. Российскость как форма исторического партнёрства: ментальная и социокультурная предрасположенность участников на примере русско-северокавказских отношений. //Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2017. С. 87-89
9. Скорик А.П., Бондарев В.А. Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт // Научно-педагогические школы ЮРГТУ (НПИ): История. Достижения. Вклад в отечественную науку: Сб. науч. ст. Т.2. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2007. С. 684-693
10. Дзамихов К.Ф. Северный Кавказ и Россия: исторические циклы и переходные периоды. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда учёных кавказоведов. / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов-н/Д., 2000. С. 48-55.
11. Котов В. Северный Кавказ в 30-40-е годы. Проблемы этнодемографического развития. //Россия в XXI в. 1996. №1. С. 66-80.
12. Гутиева М.А. Формирование советской модели социально-экономического развития республик Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. //Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. №4. С. 4-11.
13. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. 299 с.

Бородина С.Н.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВКП(б) КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КАДРОВ В СССР

В статье рассматриваются проблемы и политика руководства СССР по формированию национальных военных кадров в составе РККА. Обращается внимание на опыт решения проблем национальной безопасности при формировании национально-территориальных военных формирований.

Ключевые слова: национальная политика, безопасность государства, национальные военные кадры.

Borodina S.N.

NATIONAL POLICY OF VKP (b) AS A MECHANISM FOR FORMING NATIONAL MILITARY PERSONNEL IN THE USSR

The article discusses the problems and policy of the USSR leadership on the formation of national military personnel in the Red Army. Attention is drawn to the experience of solving national security problems in the formation of national-territorial military formations.

Key words: national policy, state security, national military personnel.

Национальный вопрос и межнациональные отношения во всем мире всегда являлись проблемными, сложно решаемыми. Проявление национализма и сепаратистских тенденций как на территории бывшего СССР, так и Российской Федерации являются одной из проблем, необходимой для пристального изучения. В связи с чем представляет интерес рассмотрение опыта национальной политики и межнациональных отношений в СССР в 1920-1930 при формировании национальных военных кадров.

В истории много примеров господства одной нации и народа над другими. Опора на политику шовинизма, превосходства одних народов над другими, позволило создать колониальную систему, способствующую развитию одних стран и народов и экономическому и культурному упадку других. Развал Российской империи в ходе Великой Российской революции способствовал формированию национальных республик на территориях ранее входящих в империю. Однако в период интервенции остро встали вопросы защиты этих национальных государственных образований от претензий ряда европейских государств.

Небольшим национальным военным формированиям, не являвшимся регулярной армией, сложно было противостоять военной мощи интервентов, претендующих на главенство в политической и экономической сфере на захваченных территориях. При этом Гражданская война и интервенция на территории РСФСР способствовала формированию такой мощной военной силы как Красная Армия, и именно ее успехи в освобождении территории своего государства стали важным фактором для складывания военного

сотрудничества между РСФСР и национальными республиками. В ходе такого сотрудничества были освобождены территории Закавказья, Украины и Белоруссии. Полиэтнический характер формирующего военного союза опирался на объективные факторы, такие как: историческая общность, общероссийский рынок, транспортная система, связывающая центр с национальными окраинами, культурные контакты. По своему привлекательной для новых национальных лидеров была и политика партии большевиков по национальному вопросу, в которой было заявлено о «национальном самоопределении» бывших территорий Российской империи. Таким образом необходимость освобождения и защиты национальных территорий привела к военному союзу, который стал первым шагом к объединению и созданию в будущем нового союзного государства.

Однако строители первого в истории социалистического государства не смогли избежать проблем и ошибок в межнациональной политике. К сожалению не всегда учитывались местные социально-экономические, культурные, конфессиональные реалии. У народов бывшей Российской империи в ходе процесса формирования своей государственности пробуждалось не только национальное самосознание, опирающееся на развитие национальной экономики и культуры, но и к сожалению проявлялись негативные элементы национализма. Чаще всего это было связано с территориальным делением или административным представительством. В связи с этим постепенно начали проявляться элементы формирования моделей как великорусского, так и национального шовинизма. В докладе «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», с которым Сталин выступил на XII съезде партии в 1923 году отмечалась проблема формирования великорусского и местного шовинизма, особенно в республиках, где проживало несколько национальностей. По его мнению, местный шовинизм, получивший развитие в период НЭПа, «представляет опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма» [1].

В данной ситуации для решения назревающих вопросов, а также в связи с необходимостью иметь свои профессиональные кадры, руководством СССР в 1920-х годах началась проводиться политика получившая название «коренизации». В ней был сделан упор на ускоренное политическое, культурное и экономическое развитие ранее отсталых народностей России. В ходе данной политики проходила подготовка национальных кадров не только для административных и управленческих аппаратов республик, но и национальных военных кадров. Формирование национальных военных кадров должно было решить несколько задач. Первой являлось организационная работа по созданию национальных военных школ, целью которых было обучение и воспитание национальных военных спецов, в дальнейшем входящих в руководящий ресурс Красной Армии. Второй – это участие национальных военных кадров в блокировке и подавлении

националистических выступлений на их территориальном образовании, борьба с бандитизмом и басмачеством, сепаратистскими мятежами. И, конечно, участие в организации защиты СССР в случае угрозы извне. Отмечая значимость национального состава Красной Армии И. Сталин отмечал, что армии старого, дореволюционного типа были армиями угнетения, а Красная Армия опирается на узы «дружбы между нациями нашей страны, на идее освобождения угнетенных народов, на идее защиты свободы и независимости социалистических республик, входящих в состав Советского Союза.

В этом второй и основной источник силы и могущества нашей Красной Армии. В этом залог того, что наша армия в критическую минуту найдет величайшую поддержку в миллионных массах всех и всяких наций и национальностей, населяющих нашу необъятную страну» [2]. То есть формирование военных кадров на национально-территориальной основе соответствовало интересам государства на данном этапе. В связи с чем военные формирования делились на кадровые и национально-территориальные или милицейские.

Уже в 1924 г. военные части, сформированные по национально-территориальному признаку, были созданы в Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской СС, Украинской ССР, Белорусской ССР, Бухарской ССР, Дагестанской АССР, Крымской и Якутской АССР.

Выступая на пленуме Реввоенсовета СССР в ноябре–декабре 1924 г., нарком по военным и морским делам М. Фрунзе отметил необходимость формирования национальных кадровых и территориальных военных подразделений в РККА, комплектуя эти части «командным, политическим и красноармейским составом соответствующей национальности» [3]. Обращалось внимание, что большинство командиров Красной Армии являются выходцами из крестьян и необходимого профессионального образования не имеют. Эта проблема способствовала созданию национальных военных школ, которые уже к концу 1924 г. «составили 21% общего числа военно-учебных заведений в стране. Формирование новых проходило частью заново, частью – путём переформирования «русских» школ и курсов. Свои вузы имели польский, украинский, белорусский, татарский, башкирский, киргизский, туркменский народы, грузины, армяне, азербайджанцы, горские народы Северного Кавказа» [4].

Политика руководства страны в отношении национальных военных кадров оказалась действенной. Уже к середине 1930-х годов национальные формирования РККА «характеризовались достаточно высокой выучкой командного состава, насыщенным партийно-комсомольскими кадрами, что оказывало существенное влияние на общее состояние национальных военных формирований» [5]. В Краснодаре в 1924 г. открылась Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей и уже в этом году в ней было 320 курсантов. Первым начальником этой школы был Л.Я. Вайнер, который в годы Гражданской войны командовал Особой кавалерийской бригадой в

Первой конной армии. Курсовым командиром в школе будет осетин Исса Плиев, ставший впоследствии генералом армии и дважды Героем Советского Союза. С 1924 по 1933 гг. преподавателем школы будет еще один осетин – Хаджи-Умар Мамсуров, ставший не только Героем Советского Союза, но и легендой советской разведки.

Школа была расположена в здании бывшего Мариинского училища. Учеба планировалась на пять лет, но чаще всего курсанты сдавали предметы экстерном, что сокращало сроки их обучения. Не все курсанты, некоторые из которых не имели и среднего образования, знали русский язык, в связи с чем к школе были приписаны переводчики из числа некоторых курсантов и преподавателей. Так как преподавание велось на русском языке. Высокие требования в учебе для будущих национальных кадровых военных иногда приводили к отсеву из школы неуспевающих. Но такая ситуация наблюдалась и в остальных военных школах. Среди преподавателей были и бывшие царские офицеры. Кроме военных дисциплин курсантам преподавали сценическое искусство и танцы.

К середине 1930-х гг. политика формирования РККА по кадровому и национально-территориальному принципу начинает претерпевать изменения, в связи с чем ряд военных школ, в том числе и Северо-Кавказская кавалерийская школа горских народностей, будут расформированы. Армия становится полностью кадровой и выпускники школы в итоге войдут в кадровый состав Красной Армии.

Получая блестящее образование, они становились новой военной элитой Красной Армии проходя при этом военную службу в различных родах войск. В этой школе в разное время учились и закончили ее Герои Советского Союза чеченец полковник М. Висаитов; грузин, генерал-полковник А.Н. Инаури; абхаз, генерал-лейтенант Х.Л. Харазия; осетин, генерал-майор И.М. Дзусов; русский, маршал СССР, министр обороны, дважды Герой Советского Союза А.А. Гречко; менгрел, генерал-майор Ш.Н. Кирия; ингуш Я.А. Абадиев и еще много-много других, как представителей народов Северного Кавказа и Закавказья, так и выходцев с Дона, Кубани и Ставрополя. Эта яркая плеяда военачальников, для которых фраза «Честь имею!» оказалась не пустым звуком, свидетельствует, что политика формирования национальных военных кадров в СССР на базе Северо-Кавказской кавалерийской школы горских народностей была успешной.

Список литературы:

1. Сталин И.В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Собр. соч. Т. 5. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/stalin-pss18-05/stalin-pss18-05.html#s005002>
2. И. Сталин О трех особенностях Красной Армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г. Собр. соч. Т. 11. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/stalin-pss18-05/stalin-pss18-05.html#s005002>

3. О пятилетней программе национального строительства в Красной Армии и об установлении добавки в 16 199 чел. к численности Красной Армии для выполнения этой программы. Доклад зам. председателя РВС СССР М.В. Фрунзе в ЦК РКП(б) о пятилетней программе строительства в РККА. URL: http://www.xliby.ru/istorija/reforma_v_krasnoi_armii_dokumenty_i_materialy_1923_1928_gg/p66.php

4. Безугольный А.Ю. Национальное военное строительство в РККА и Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей. URL: <http://history.milportal.ru/nacionalnoe-voennoe-stroitelstvo-v-rkka-i-severo-kavkazskaya-kavalerijskaya-shkola-gorskix-nacionalnostej/>

5. Bezugolnyi A. National Units of the Red Army in the 1930s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-formirovaniya-rkka-v-1930-e-gg/viewer>

Сивков С.М.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-1930-Е ГГ.

В докладе проводится исторический анализ административно – территориальных преобразований, происходивших на Северном Кавказе в период 1920-1930-х гг. Дается характеристика национальных районов и национальных сельсоветов.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, государственные образования, многонациональные автономии, национальные автономии, национальные сельсоветы.

Sivkov S.M.

SPECIFIC FEATURES OF NATIONAL AND STATE CONSTRUCTION IN THE NORTHERN CAUCASUS IN 1920-1930s.

The report makes a historical analysis of the administrative-territorial transformations that took place in the North Caucasus in the period 1920-1930s. It gives a description of national districts and national village councils.

Key words: national-state construction, state entities, multinational autonomy, national autonomy, national village councils.

Приближается 100-летний юбилей со дня образования СССР. Уже на подготовительном этапе его образования наметилась тенденция решения национального вопроса на территории бывшей Российской империи. Сегодня можно рассуждать об этом эксперименте со многих точек зрения, но факт остается фактом, что реально очень много сделано для реализации прав национальных меньшинств, в том числе и на территории Северного Кавказа. Большинство интеллигенции Республик Северного Кавказа на сегодняшний день, положительно оценивает опыт советского национально-государственного строительства.

За последние годы по итогам изучения этого вопроса опубликовано значительное количество научных работ, в т.ч. представителями Северо –

Кавказской науки, в такими как Аверьяновым А.В. [1], Акопян В.З. [2], Иванцовым И.Г. [3] Кринко Е.Ф. [4], Скориком В.П. [5], Хлыниной Т.П. [6] и многими другими [7].

Национально-государственное строительство в Советской России вступило в активную фазу сразу же после окончания гражданской войны. Сложилось два взгляда на его реализацию: образование федеративного государства по примеру Американских Соединенных Штатов, которого придерживался В.И. Ленин и создание национальных автономий, сторонником которого выступил И.В. Сталин.

Активно выступали за реализацию первого варианта большевики Грузии и Украины, что привело к возникновению так называемого «грузинского дела». В результате данного конфликта В.И. Ленину пришлось идти по пути создания федеративного государства. Однако И.С. Сталин не отступил и от своей идеи о национальных автономиях.

Ростовские исследователи Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко выделили четыре основных этапа его реализации на Северном Кавказе. В качестве первого этапа указывался период 1917-1920 гг., когда в регионе начинали образовываться автономные республики, в том числе и антиденикинские и антибольшевистские государственные образования.

На втором этапе с 1920 по 1925 гг. появляется такая специфическая форма советской национальной государственности как автономные области. На первом этапе существовали некоторые крупные государственные образования, очень похожие на области и губернии бывшей Российской губернии.

Таблица 1.

Крупные государственные образования Северного Кавказа на втором этапе национально-государственного строительства

№ п/п	Наименование региона	Дата создания	Дата ликвидации
1.	Донская область	20 марта 1920 г.	13 февраля 1924 г.
2.	Кубано- Черноморская область	29 марта 1920 г.	13 февраля 1924 г.
3.	Ставропольская губерния РСФСР	начало апреля 1920 г.	16 октября 1924 г.
4.	Терская губерния	20 января 1921 г.	9 марта 1944 г.
	Объединение 4-х образований: Донской, Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний		
5.	Юго-Восточная область	13 февраля 1924 г.	16 октября 1924 г.
7.	Северо – Кавказский край	16 октября 1924 г.	13 марта 1937 г.

Третий этап с 1926 по 1936 гг. характеризовался созданием автономных округов, преобразованием ряда областей в автономные республики, а также появлением новых союзных республик.

Таблица 2.

Крупные государственные образования Северного Кавказа на третьем этапе национально-государственного строительства

№ п/п	Наименование региона	Дата создания	Дата ликвидации
Разделение Северо-Кавказского края			
1.	Азово-Черноморский край	10 января 1934 г.	13 сентяб. 1937 г.
2.	Северо-Кавказский край	10 января 1934 г.	13 марта 1937 г.

Четвертый этап начался в 1937 г. На этом этапе произошли достаточно крупные преобразования.

Таблица 3.

Крупные государственные образования Северного Кавказа на третьем этапе национально-государственного строительства

№ п/п	Наименование регионошр	Дата создания	Дата ликвидации
Разделение Азово-Черноморского края			
1.	Краснодарский край	13 сентября 1937	до наст. времени
2.	Ростовская область	13 сентября 1937	до наст. времени
Выделение автономий из состава Северо – Кавказского края			
3.	Кабардино-Балкарская АССР	5 декабря 1936 г.	8 апреля 1944 г.
4.	Северо-Осетинская АО	5 декабря 1936 г.	9 ноября 19993 г.
5.	Чечено-Ингушская АО	5 декабря 1936 г.	7 марта 1944 г.
Переименование Северо – Кавказского края			
6.	Орджоникидзевский край	13 март 1937	12 января 1943 г.

Уже на первом из указанных выше этапе образуются две крупные многонациональные автономии: Горская и Дагестанская республики.

На втором этапе идет процесс вхождения автономных образований в состав Северо – Кавказского края.

После принятия в 1937 г. Конституции СССР происходит дробление края по административно-территориальному признаку.

Декретом от 20 января 1921 г. ликвидируется Терская область (казачья), а не ее территории образуются Горская АССР, что привело к потере терским казачеством своего государственно-территориального образования. В результате этого преобразования Кубано-Черноморская область также потеряла часть территории Баталпашинского отдела.

Уже на начальном этапе государственного строительства в Горской АССР возникли некоторые национальные противоречия, приведшие к образованию автономных округов, преобразованных позже в автономные области.

Таблица 4.

Даты создания автономных округов в Горской АССР

№п/п	Автономный округ	Дата создания
1.	Кабардинский автономный округ	1 сентября 1921 г.
2.	Карачаевский автономный округ	12 января 1922 г.
3.	Балкарский автономный округ	16 января 1922 г.
4.	Чеченский автономный округ	30 ноября 1922 г.

Вследствие нерешенности земельного вопроса, местная администрация Кабарды приняла решение о выходе из состава Горской АССР и это подкреплено решением Пленума Кавбюро ЦК РКП(Б) 3 июля 1921 г. в Тифлисе, а 1 сентября того же года документом ВЦИК РСФСР о выделении из ГАССР «автономной области кабардинского народа....»

В январе 1922 г. решением этого же органа образована Балкарская автономная область.

Однако не следует считать, что основной тенденцией становились разъединительные процессы, одновременно происходили и процессы интеграции, в результате которых в это же время образуется Карачаево-Черкесская автономная область, куда вошла и часть Баталпашинского отдела бывшей Кубанской области.

В первой половине 1921 г. из частей бывшей Дагестанской и Терской области появляется новое государственное образование- Дагестанская Автономная Социалистическая Советская Республика (ДАСССР, к концу года на учредительном съезде Советов принявшая свою собственную Конституцию.

Большие территориальные изменения произошли на Дону, причем в сторону урезания в пользу Донецкой губернии УССР. К сожалению, результаты этого преобразования Российская Федерация ощущает и в современной геополитической обстановке.

20 марта 1920 г. Область Войска Донского упразднена и семь её округов вошли в новую административную единицу в составе РСФСР, Донскую область. С центром в г. Ростове-на-Дону. Она просуществовала до 13 февраля 1924 г.

В очередной раз территория бывшей Донской области была изменена летом 1924 г. Четыре округа из её состава вошли в Юго-Восточную область, как частью Юго-Восточного края, а три в состав Царицынской губернии.

Похожие события происходят в это время на Кубани. После установления власти Советов в этом регионе начинаются административные и национально-территориальные преобразования. Впервые появилось название Кубано-Черноморская область, а к лету 1920 г. она уже входит в подчинение Ревсовету

Трудовой армии Юго – Востока России, созданному 7 августа 1920 г. Решение адыгейского вопроса было предпринято 27 июля 1922 г., когда часть территории Майкопского и Краснодарского отделов, объединяется в Черкесскую (Адыгейскую) автономную область.

30 ноября 1922 г. была решена судьба чеченского народа. Из Чеченского национального округа Горской АССР выделена Чеченская автономная область с административным центром в г. Грозный, имевшим до этого времени статус автономного города.

Характерной особенностью периода середины 1920-х годов, стала более масштабная реализация идей И.В. Сталина о национальных автономиях в малых формах, например создании национальных районов и сельских советов в условиях компактного проживания больших этнических групп. Для Северного Кавказа эта идея реализуется в виде семи национальных районов: Армянского, Ванновского (немецкого), Греческого, Мясниковского (армянского), Туркменского и Шапсугского, четыре из которых – на территории будущего Краснодарского края.

Национальные районы представляли собой своеобразные «эрзац-автономии» регионального значения. В некоторых случаях они создавались как альтернатива национальным территориальным автономиям [1. с.37.]

Таблица 5.

Национальные районы Северного Кавказа

№ п/п	Наименование района	Дата создания	Дата ликвидации
1.	Армянский	24 марта 1924	22 августа 1953 г.
2.	Ванновский (немецкий)	27 февраля 1928	4 мая 1941 г.
3.	Греческий	27 февраля 1930	22 февраля 1938 г.
4.	Калмыцкий	29 апреля 1929	9 марта 1944 г.
5.	Мясниковский (армянский)	10 мая 1926	
6.	Туркменский	3 апреля 1920	Конец 1930-х гг.
7.	Шапсугский	6 сентября 1924	Конец 1930-х гг.

Оценивая деятельность «малых» форм автономии, А.В. Аверьянов делает вывод о том, что «национальные районы стали альтернативной формой самоопределения дисперсных этносов в условиях невозможности создания автономии более высокого уровня» [1. с.73]

По оценке ростовского исследователя Аверьянова А.В. в этот же период создаются свыше ста национальных сельских советов. «Они не упоминались в Конституции СССР и РСФСР, их деятельность регламентировалась на региональном уровне. В августе 1926 г. Малым Президиумом Северокавказского Крайисполкома было принято «Положение о нацменовских районах, входящих в округа и автономные области Северо- Кавказского края»» [1. с.174]. Они оказались менее исследованы на сегодняшний день, но скорее

всего в последующие годы эти исторические лакуны будут ликвидированы, регламентирующие нормативные акты по организации их деятельности будут изучены.

Выводы:

1. Результатом национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. стало формирование устойчивых этнических общностей, сложившихся на основе многочисленных субэтнических, этносоциальных и сословных групп, которые образуют современный этнический ландшафт в регионе [А, с. 40]

2. При реализации программы создания «малых форм автономии» регион столкнулся с множеством проблем, так например, отсутствием в составе районных администраций, людей, способных вести документацию на национальных языках, невозможность вести деловую переписку с соседними администрациями, без использования языка межнационального общения и т.д.

3. Создание Горской АССР привело в действие механизм дезинтеграции, когда отдельные этнические группы и сообщества заявили о своем нежелании участвовать в деятельности данного полиэтнического образования. Хотя следует отметить, что наблюдались и обратные тенденции.

4. Проведенные на Северном Кавказе национально-территориальные мероприятия привели к территориальным изменениям таких образований, как бывшие Область Всевеликого Войска Донского, Кубанская область, Терская область.

Таким образом, в 1920-1930-е годы были сделаны серьезные заделы в области национально-государственного строительства на Северном Кавказе, которые дали как положительные, так и отрицательные результаты.

Список литературы:

1. Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920-1930-е гг./диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук/ Ростов-на-Дону, 2021.- 701 с.

2. Акопян В.З. Дискуссия по вопросу об административном центре Мясниковского района (1920-е гг.) / В. З. Акопян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №2. – С.8-16.

3. Иванцов, И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа) / И. Г. Иванцов. – Краснодар: Альфа-Принт, 2013. – 128 с.

4. Кринко, Е. Ф. Национальная политика и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы / Е.Ф. Кринко // Гуманитарная мысль юга России. – 2005. – №1. – С. 57-78.

5. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

6. Хлынина, Т. П. Горские народы Кубанской области: большевистская модель решения национального вопроса / Т. П. Хлынина // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). – Майкоп : Меоты, 1992. – С. 52–64.

7. История Северного Кавказа / Абазов А.Х., Зеленский Ю.В., Кринко Е.Ф., Сень Д.В., Сивков С.М., Такова А.Н., Трапш Н.А., Урушадзе А.Т, Просолов Д.Н. Ростов-на-Дону, 2017.

8. Сивков С.М., Иванцов И.Г. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917-1930-х гг.//Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований.2013. Т.6. №3. С.96-101

Городецкая Е.Г., Чигрин В.А., Чигрина Н.В.
**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ НАКАНУНЕ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

В докладе актуализированы вопросы межэтнических отношений на примере Республики Крым. Внимание сконцентрировано на анализе этнической ситуации в Крыму накануне образования АР Крым и, позднее, СССР.

Ключевые слова: этническое пространство, регионализация, межэтнические конфликты, группы риска.

Gorodetskaya E.G., Chigrin V.A., Chigrina N.V.
**INTERETHNIC RELATIONS IN THE CRIMEA EVE
OF THE FORMATION OF THE USSR**

The report updates the issues of interethnic relations on the example of the Republic of Crimea. Attention is focused on the analysis of the ethnic situation in the Crimea on the eve of the formation of the Autonomous Republic of Crimea and, later, the USSR.

Key words: ethnic space, regionalization, interethnic conflicts, risk groups.

Характерной чертой общества конца XX – начала XXI в. является сосуществование двух противоположных тенденций – постепенной «полирегионализации», «поликонфессионализации», «полиэтнизации» и мультикультурализации социума, и, в то же время, всплесков этнической нетерпимости, неприятия ряда религий или конфессий, межрегиональных конфликтов экономического, языкового и даже исторического характера.

Целесообразно допустить, что все эти коллизии являются обратной стороной процесса глобализации, который охватил почти все, не изолированные наподобие Северной Кореи, страны мира. Собственно, как и все другие процессы Большого Социума, глобализация детерминируется диалектикой его возникновения, функционирования и развития, и предусматривает, во-первых, наличие объективных противоречий, а, во-вторых, волнообразность влияния на общий процесс, в первую очередь, этнонационального и регионального факторов, которые или подключают другие факторы, или на время оставляют их вне процесса.

Все это делает этнонациональные и региональные отношения (в понимании, которое мы изложили выше) безусловным предметом философского, социологического, политологического и культурологического дискурсов. Особенно это важно в таких регионах, каким является Крым.

18 октября 1921 года Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров издали декрет, в котором постановили «образовать Автономную Крымскую Социалистическую Республику как часть РСФСР в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского».

close

100% Как свидетельствует интернет-издание «Газета» [1], через три дня в газете «Жизнь национальностей», выпускаемой Народным комиссариатом РСФСР по делам национальностей, вышла статья «К провозглашению Крымской Республики». Как говорилось в статье, вопрос о создании в Крыму национальной автономии решался в условиях жарких споров. В ней упоминалось, что «заинтересованность всей Федерации в Крыму может иметь свои положительные результаты лишь в попутном удовлетворении насущных нужд местного коренного населения, нельзя было оставить без внимания то важное обстоятельство, что самая компактная часть крымской деревни – татары, составляющие вместе с немногочисленным пролетариатом городов базу советской власти в Крыму, в течение долгих лет подвергались физической и культурной деградации благодаря тем экономическим условиям, в которые они были поставлены старым режимом».

За пару недель до этого, 10 октября 1921 года, «Жизнь национальностей» выражала недовольство разрывом между интересами населения и политикой власти и утверждала, что «в конце 1920 года почти все слои населения (даже средняя буржуазия) встретили Советскую власть как избавительницу, а начиная с ранней весны 1921 года и все усиливаясь к лету, стал замечаться процесс изоляции Советской власти». Статья признавала, что из-за отношения к Крыму как ко всероссийской здравнице и утверждала, что «без правильной, удовлетворяющей татарскую бедноту и трудовую интеллигенцию политики Советского Крыма мы ни в каком случае не усилим симпатии к нам трудящихся масс Востока». Крым рассматривался ими как «всероссийское окно в Турцию и на Восток».

Коренными национальностями советская власть признала два народа – крымских татар и караимов, небольшую этническую группу, произошедшую от тюрков. Вопрос самоуправления других групп решили путем создания национальных районов и сельсоветов. Неужели правы «специалисты по крымскому вопросу», которые подобно утверждениям статьи в «Живом журнале» Андрея Илларионова [2], бывшего советника по экономике Президента РФ, сбежавшего в США и занимающего радикальные русофобские позиции, вписавшие в закон Украины практически аналогичную статью?

Разберемся с этим подробнее.

Крымская АССР просуществовала до 1945 года, когда она была указом Сталина переименована в Крымскую область. Этому предшествовала массовая депортация крымских татар в Узбекистан и соседние районы Казахстана и

Таджикистана – по мнению Лаврентия Берии, они были враждебным народом, угрожавшим национальной безопасности СССР. Такие выводы он сделал, основываясь на информации о дезертирстве 20 тыс. крымских татар из Красной армии и принудительной депортации «комитетами крымских татар» из Крыма на работы в Германию около 50 тыс. советских граждан. Кстати, депортации подлежали не только они, но и ряд других этнических групп крымчан, о которых наши оппоненты почему-то помалкивают.

В феврале 1954 года Крымская область была передана Украинской ССР, как гласил указ о передаче, в связи с «общностью экономики, территориальной близостью и тесными хозяйственными и культурными связями между Крымской областью и Украинской ССР».

Как видим, путаницы в этнической истории Крыма было очень много. Это объясняется многочисленными переходами полуострова под власть разных народов и государств и естественными процессами оседания части этих народов на крымской земле.

Говоря о разнообразии **народов Крыма**, надо сделать хотя бы краткий экскурс в этническую историю. Откуда и как появились различные народы в Крыму? Без ответа на этот вопрос не понятны исторические переплетения, да и нынешняя ситуация в Крыму.

Через крымскую землю прошли разные народы. Одни остались здесь навсегда, другие лишь мелькнули в череде веков. Попробуем обозначить те этносы, о пребывании которых в Крыму достоверно известно из письменных или иных источников и которые оставили заметный след в истории полуострова. При этом будем стараться придерживаться хронологии, не определяя, в силу ограниченного объема материала, роль и значение того или иного народа.

Античное время (X в. до н. э. – III в. н. э.). В этот период на территории Крыма проживали тавры, позднее сюда проникали киммерийцы, скифы, древние греки (эллины), сарматы, древние римляне. Все они, кроме последних, расселялись на полуострове, перемешивались, формируя этническую основу местного населения.

Раннее средневековье (III – XI вв.). В это время в Таврике появились аланы (поздние сарматы), готы, гунны, ранние тюрки (хазары и др.) византийцы (греки), хазары, евреи, протоболгары, мадьяры, печенегы, древние славяно-русы. Часть их оседала на полуострове. Распространение христианства привело к смешению всех племен и заметному культурному влиянию на них Византии.

Позднее средневековье (XI – XVIII вв.). В этот период на полуостров разными путями попали половцы, турки-сельджуки, армяне, татары-ордынцы, венецианцы, генуэзцы, гурки-османы, еще ряд народов. В это время в результате долгих процессов межэтнического взаимопроникновения, на основе своего вероисповедания образовались и чисто Крымские этносы – крымские греки, крымские армяне, караимы и крымчаки.

Позднее довольно неоднородное **тюркское население Крыма** (половцы, ордынцы и др.) и потомки христиан, принявшие ислам стали единым этносом крымских татар.

Естественно, что все эти народы вступали в различные отношения друг с другом, иной раз не очень мирные и почти всегда – непростые. Тем не менее процессы межэтнического взаимопроникновения ассимиляции и образования новых этнических групп шли в Крыму в это время довольно активно.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г на территории Крыма наряду с крымскими татарами, караимами, крымчаками и местным христианским населением (армяне, крымские греки и др.) стали расселяться русские и украинцы, греки и болгары, а также немецкие чешские, эстонские и польские колонисты.

Здесь, пожалуй, стоит сказать чуть подробнее о греках, поскольку часто возникает путаница вокруг них. Различают три разных этноса, проживавших на полуострове в разное время, – античных греков-эллинов, средневековых (крымских) греков, а также новогреков, которые появились в Крыму после присоединения Крыма к России.

Вывод: Как древнейшая культурная территория, не раз подвергавшаяся завоеваниям, попадавшая в зависимость от разных империй и держав, Крым несколько раз менял состав народов населявших его, религиозную и политическую ориентацию. Несколько десятков народов прошли в разное время через Крым. Они принадлежали к разным культурам, их мировоззрения и образ жизни были порой диаметрально противоположными. Случались и острые противоречия, переходившие в войны. Но, в конце концов, все мирно уживались на крымской земле.

В связи с этим, сегодня следует учитывать, что, во-первых, Республика Крым является одним из наиболее населенных регионов, с такими специфическими отраслями, как мореходство, рыболовство и рыбообработка, туризм, санаторно-курортное обслуживание. Это приводит к разнообразию социальных проблем, с которыми сталкивается наш регион. Естественно, осмысление этих проблем разными этническими, территориальными и социально-профессиональными группами населения, их перевод в сферу повседневных и инновационных социальных практик не является, да и не может быть единообразным. Об этом упоминали многие исследователи [3, 4, 5, 6].

Во-вторых, это проблема взаимодействия культур, языков, конфессий, которой, как показывает практика, украинские власти не озаботились в должной мере за все 23 года «независимости». В результате мы сталкиваемся с тем, что в некоторых основных этнических группах населения Крыма имеются немногочисленные, но политически активные элементы, выступающие с националистических позиций, и видящие, вслед за М. Джемилевым и Р. Чубаровым, своей целью превращение своего народа в титульный этнос полуострова. С другой стороны, другие представители

крымско-татарского, украинского, российского и других этносов, формирующих полиэтничный социум Крыма, представляют и воплощают в своих социальных практиках принципиально иную модель менталитета, которую можно определить формулой «Мы – крымчане».

Таким образом, главной особенностью крымского социума является его этническое многообразие, корни которого уходят вглубь веков. Около 50% от общей численности русских Крыма и большинство украинцев – около 70% – не родились на полуострове и, по сути, являются укоренившимися здесь мигрантами.

Дисперсное расселение русских и украинцев, а также в значительной части – крымских татар, особенно в городских населенных пунктах, отсутствие между ними языкового барьера, культурная близость приводят к большому количеству смешанных браков. Многим из тех, кто родился в таких семьях, трудно определить достаточно четко свою национальную принадлежность. В Крыму давно шел процесс межэтнической миксации восточнославянских этносов, к которому в последние годы стали присоединяться и другие этносы, сохраняющие свою культурную самобытность.

За два последних десятилетия этнический портрет Крыма существенно изменился. Произошел быстрый механический прирост инонационального населения – татар. По данным Совета министров Республики Крым на 01.01.2015 года в республике проживало 266 855 татар или 13,5% от всего населения республики. В процессе массового и быстрого переселения татар крымское общество стало более полиэтничным, а предпосылки этнических конфликтов присутствуют в любом полиэтничном обществе.

Следует отметить, что среди других этнических групп Крыма татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплоченности, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу. В процессе переселения и вызванных этим трудностей произошла этнополитическая мобилизация татар.

К сожалению, крымский социум при Украине превратился в общество с достаточно высоким потенциалом возможного этнополитического конфликта.

Его главной идеологической составляющей являлась идея о том, что государство есть атрибут и гарант сохранения этногрупповой целостности. Это означает, что все то, что составляет государство (территория, общественное устройство, институты власти), должно иметь этнонациональный характер и быть элементом какой-то одной культурной системы. Именно эту идею положили в основу своей политической программы лидеры националистического движения татар Крыма. Во всех основных документах самопровозглашенных органов власти татар «курултая» и «меджлиса»

утверждается имманентная приоритетность суверенитета в Крыму их этнической группы.

Госдеп США, спецслужбы стран блока НАТО, всячески поддерживали и поддерживают данный политический тезис, выдвигаемый «меджлисом» и на различных уровнях внедряют его в политическую и юридическую практику.

В результате Украина фактически спровоцировала Крым на этнополитический конфликт, который, к счастью, имел вялотекущий характер. Попытки обострить ситуацию накануне воссоединения Крыма с Россией, используя небольшую часть крымскотатарского этноса (изнутри) и украинских националистов (извне), провалились. И здесь западные и украинские политики правого толка и обслуживающие их социологи не учли того, что в среде крымских татар формируется новый менталитет принадлежности к общности «Мы – крымчане». Наши фокус-группы, а также исследования коллег из Москвы показывают отсутствие статистически значимой тенденции на противостояние с Россией, на самоизоляцию Крыма от России.

Список литературы:

1. Интернет-издание «Газета». – Текст : электронный. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/10/18_a_10256213.shtml.
2. Илларионов А. «Живой журнал» / А. Илларионов. – Текст : электронный. – URL: <https://aillarionov.livejournal.com/607335.html>.
3. Водарский Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX в.: численность, размещение, этнический состав / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан; Институт российской истории РАН. – Москва : ИРИ РАН, 2003. – 160 с. – Текст : непосредственный.
4. Чигрин В. А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум / В. А. Чигрин. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 4. – С. 84–94.
5. Ерохина О. В. Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации / О. В. Ерохина. – Текст : электронный // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). – 2016. – № 2 (7). – URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>.
6. Самсонова Т. Н. К вопросу о консолидации современного российского общества / Т. Н. Самсонова, Е. С. Шпуга. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 104.

Ефимов С.А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В КРЫМУ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Анализируются изменения административно-территориального устройства Крымской АССР в двадцатых годах XX века

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, Крымская АССР, уезд, округ, район.

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORMS IN THE CRIMEA IN THE 20S OF THE XX CENTURY

Changes in the administrative-territorial structure of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the twenties of the twentieth century are analyzed

Key words: administrative-territorial structure, Crimean ASSR, county, okrug, region.

К осени 1920 года маятник военного успеха качнулся в сторону Красной Армии и 16 ноября М.В.Фрунзе телеграфировал из г. Джанкоя В.И.Ленину о ликвидации Южного фронта. В третий раз большевикам предстояло решать проблему административно-территориального статуса Крыма. Несмотря на уже имевшийся опыт функционирования двух советских республик (подробнее об этом см. [1]), ЦК РКП(б) не стал развивать заложенные в декрете ВЦИК от 1 июня 1919 года наработки, оставив данный вопрос открытым для его дополнительного изучения. Вся полнота власти на полуострове с 16 ноября 1920 года «впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов» перешла к образованному двумя днями ранее реввоенсоветом Южного фронта и Крымским обкомом РКП(б) Крымскому революционному комитету (Крымревкому) [2, с. 669].

Хотя работа по определению административно-политического статуса Крыма, включавшая соответствующую дискуссию среди работников партаппарата и партактива полуострова, растянулась почти на год, окончательное установление власти (правда, пока еще без избранных Советов, а в виде системы разноуровневых ревкомов) положило начало череде динамичных административно-территориальных инноваций.

Унаследованное дореволюционное трехзвенное (Крым – уезд – волость) административное устройство стало оперативно переформатироваться под новые управленческие потребности. Обеспечению единого подхода к базовому уровню способствовало образование на базе бывших градоначальств-округов Севастопольского (15 декабря 1920 г.) и Керченского (25 декабря 1920 г.) уездов.

Уже 8 января 1921 года – спустя всего лишь полтора(!) месяца после начала своей деятельности – Крымревком утвердил принципиально новое четырехзвенное (Крым – уезд – район – сельревком) административное разделение Крыма на 7 уездов, 20 районов и 298 сельревкомов (впоследствии – сельсоветов), базировавшееся на экономическом районировании с учетом национального состава населения (см. рис.1). Эта колоссальная, проведенная под руководством перешедшего на советскую службу опытного статистика М.Е.Бененсона в крайне сжатые сроки работа, предвосхитила утвержденные в марте Общие положения об установлении границ административно-

хозяйственных районов, разработанные административной комиссией ВЦИК РСФСР.

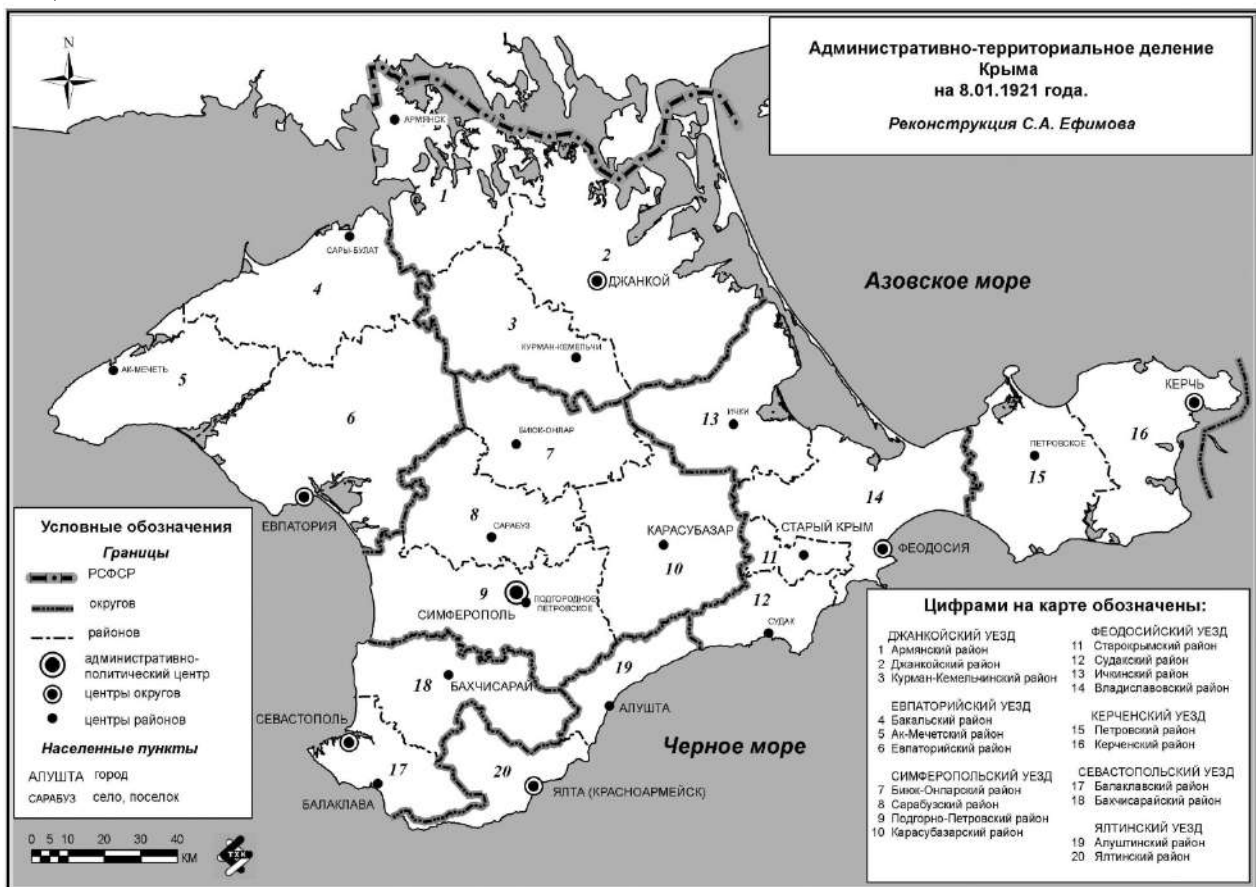

Рис. 1. Карта административно-территориального деления Крыма на 08.01.1921 года

В новых границах были переформатированы 7 уездов, на базовом уровне было образовано 20 административных районов (в Джанкойском уезде – Армянский, Джанкойский и Курман-Кемельчинский районы; в Евпаторийском уезде – Ак-Мечетский, Бакальский и Евпаторийский; в Керченском уезде – Керченский и Петровский; в Севастопольском уезде – Балаклавский и Бахчисарайский; в Симферопольском уезде – Биюк-Онларский, Карасубазарский, Подгорно-Петровский и Сарабузский; в Феодосийском уезде – Владиславовский, Ичкинский, Старо-Крымский и Судакский; в Ялтинском уезде – Алуштинский и Ялтинский районы). Территории районов, в свою очередь, были разделены на 298 сельревкомов, составивших первичный уровень административно-территориального устройства. Иными словами, как отмечает один из разработчиков осуществленной реформы П.Софийский, «дореволюционное деление, преследовавшее главным образом фискальные цели и основанное на численности населения и естественных границах (горы, реки, дороги и пр.) административных единиц, было заменено в 1921 г. делением, произведенным по принципу экономического районирования. Основными районообразующими признаками при этом служили однородность производственного направления хозяйства, тяготение населения к

определенным экономическим и культурным центрам и однородность национального состава населения» [3, с.38].

Отдельно укажем, что в описываемый период в Крыму была осуществлена и первая топонимическая инновация: в январе 1921 года Крымревком переименовал Ялту в Красноармейск [4], однако 25 августа того же года городу было возвращено историческое имя (подробнее об этом см. [2, с.673]). Данную инновацию проф. П.М.Полян ошибочно связал с депортацией крымских татар в 1944 году [5, с. 127].

11 апреля из Красноармейского района был выделен 21-й район – Коккозский, центр Армянского района перенесен в с. Воинка, а сам район переименован в Воинский [6]. Все последующие изменения административно-территориального устройства Крыма базировались в основном на районировании 1921 года, настолько удачным и продуманным оказался предложенный им базовый уровень.

18 октября 1921 года длительная многотрудная работа по определению политико-правового статуса Крыма была завершена принятием Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об автономии Крымской Советской Социалистической Республики» [7, с. 254-256]. Данным постановлением предписывалось «1. Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского». Таким образом, крымские уезды переименовывались в округа. В примечании к ст.1 данного постановления указывалось: «Для разрешения вопросов о северных границах Крыма образовать комиссию в составе представителей НКВД РСФСР, У.С.С.Р., Кр.ССР и Наркомнаца, решение которой утверждает ВЦИК». В связи с этим отметим, что еще на подготовительном этапе комиссия по выработке Конституции Крымской республики 25 июня 1921 года констатировала необходимость присоединения части территории, непосредственно примыкающей к Крыму, а именно: Чонгарского полуострова и района, расположенного севернее и западнее его, включая г. Геническ, общей площадью 89809 десятин. В качестве мотивов данного подхода указывались необходимость концентрации в Крымском совнархозе вопросов добычи соли по всему Сивашскому соляному бассейну и необходимость увеличения продовольственного потенциала полуострова за счет включения хлебородной территории. Данное предложение комиссии, направленное на согласование во Всеукраинский ЦИК, не встретило поддержки. Еще один проект расширения КрССР, предусматривавший присоединение уже вчетверо большей территории площадью 375000 десятин с населением до 90000 человек, подготовленный Комиссией по административно-экономическому районированию, образованной постановлением КрымЦИК и КрымСНК

от 3 октября 1922 года, также не был поддержан. Руководство Советской Украины твердо стояло на позициях III Универсала Центральной Рады.

Окончательное политико-правовое оформление третьей крымской республики осуществил 1-й Всекрымский Учредительный Съезд Советов, принявший 10 ноября 1921 года «Конституцию Крымской Социалистической Советской Республики» [7, с. 256-262]. Особо отметим, что как в официальном названии, так и в тексте конституции отсутствовало указание на «автономный» характер республики, но особый акцент делался на том, что «КрымССР заявляет о своей твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской Республики на началах теснейшего и полного политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество коммунистической революции. Исходя из этого, КрымССР принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все действующие законодательные акты РСФСР, как опубликованные доньше, так и издаваемые впоследствии, оставляя за собой право видоизменять их согласно условиям и особенностям Крыма».

Укажем также, что широко используемое название «Крымская АССР», неявно распространяемое большинством исследователей на весь период существования третьей крымской республики, начало появляться только во второй половине 1925 года (после принятия Конституции РСФСР от 11.05.1925) и окончательно было закреплено лишь в конституции, принятой 5 мая 1929 года VI Всекрымским Съездом Советов.

Вернемся, однако, в начало двадцатых годов. В апреле 1922 года Алуштинский район из Ялтинского округа был перечислен в Симферопольский; Коккозский район был присоединен к Бахчисарайскому, а последний в своем новом составе был выделен из Севастопольского округа и также включен в Симферопольский округ. Данное решение носило вынужденный ситуативный характер из-за необходимости более эффективного обеспечения населения продовольствием в условиях разразившегося голода [8, с.27].

В 1923 году существенные трудности, связанные с невозможностью формирования значительного количества бездефицитных местных бюджетов, повлекли укрупнение административных единиц: были ликвидированы округа и образованы 15 районов: Ак-Мечетский (объединенный с Бакальским районом), Алуштинский, Армянский, Бахчисарайский, Джанкойский (объединенный с Курман-Кемельчинским), Евпаторийский, Карасубазарский, Керченский (объединенный с Петровским), Сарабузский (объединенный с Бююк-Онларским), Севастопольский, Симферопольский (б. Подгорно-Петровский), Старо-Крымский, Феодосийский (объединивший Владиславовский и Ичкинский районы) и Ялтинский.

Вскоре на административное структурирование территории вновь оказал мощное воздействие финансовый фактор: многие районы и большинство сельсоветов при существовавшей тогда системе налогообложения опять

оказались неспособными сформировать свои минимально полноценные местные бюджеты. Наиболее дефицитными оказались бюджеты южнобережных районов. Приемлемые варианты решений виделись в очередном укрупнении районов. Но укрупнение административно-территориальных единиц существенно ограничивало возможности учета этнического фактора. По свидетельству П.М.Софийского, если объединение Ялтинского и Алуштинского районов, "однородных в экономическом и национальном отношении" выглядело естественным, объединение степных районов "по национальным соображениям также не представляло затруднений ввиду отсутствия в них компактной национальной массы", то районы Бахчисарайский, Карасубазарский и Судакский, "несмотря на их бюджетную дефицитность вследствие национальной однородности и невозможности слияния их с соседними районами, должны были остаться самостоятельными" [3, с.405].

В итоге 4 сентября 1924 года Президиумом Всероссийского ЦИК на основании ходатайства ЦИК Крымской АССР было принято решение об упразднении пяти районов и включении территории ликвидируемых единиц в состав других районов (Ак-Мечетского в Евпаторийский, Армянского в Джанкойский, Сарабузского в Симферопольский, Старо-Крымский (за исключением селений Эльбузлы-Шах-Мурза и Каргалык, присоединявшихся к Судакскому району) в состав Феодосийского, Алуштинского (за исключением селения Ускут, присоединявшегося к Карасубазарскому району) в состав Ялтинского района (см. рис.7). При этом ВЦИК указал «КрымЦИК-у на нецелесообразность частого административного перекраивания границ» [9, с. 305]. Столь жесткое замечание обеспечило стабильность административно-территориальных единиц базового уровня: они сохранились неизменными вплоть до начала 30-х годов XX века (см. рис. 2).

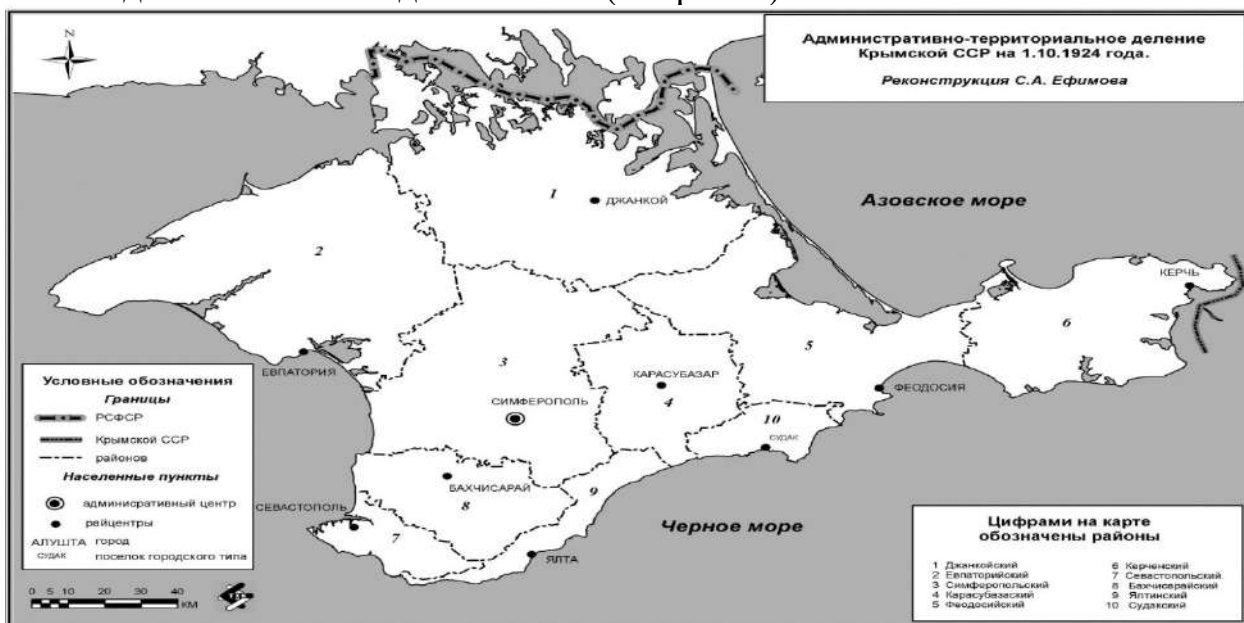

Рис. 2. Карта административно-территориального деления Крымской ССР на 1.10.1924 г.

Сеть сельсоветов после многих изменений преимущественно в сторону укрупнения также сократилась с 298 в 1921 году до 143 в 1924 году и представляла собой неоднородную структуру разновеликих объектов, объединявших в степных районах до 20 населенных пунктов (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 10 верст), а в предгорных районах – до 10 населенных пунктов (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 5 верст).

Вместе с тем, потребности управления и задачи усиления партийного влияния на население требовали приближения партийного и советского аппарата к селу, к крестьянским массам. В апреле 1925 года совещание по советскому строительству при Президиуме ЦИК СССР отметило, что осуществлявшееся в силу бюджетных затруднений укрупнение сельсоветов привело к неадекватному увеличению их территорий, вследствие чего создались неудобства для населения, низовые органы советской власти отдалились от людей, ослабились возможности вовлечения сельского населения в повседневную практическую работу советов. Было признано необходимым приступить к разукрупнению сельсоветов с тем, чтобы расстояние от центра сельсовета до крайнего селения, как правило, не превышало 3 верст. В развитие этого решения Административная комиссия ВЦИК дополнила основания разукрупнения указанием на необходимость обязательного учета национального состава населения при построении сети сельсоветов.

Предварительно предполагалось, что новая сеть разукрупненных сельсоветов будет состоять из 550-600 единиц [10,с.407]. На практике, однако, их количество не превысило 443 (1934 г.). Сведения о развитии в предвоенные годы в Крыму сети сельсоветов, в том числе национальных, приведены в таблице 1[11, с. 106].

Таблица 1

Развитие сети сельсоветов в Крыму в 20-е годы XX века

	Дата	Количество сельсоветов												
		всего по Крыму	в том числе:											
			русских	украинских	татарских	немецких	болгарских	греческих	еврейских	армянских	чешских	эстонских	смешанных	прочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	1924	143	57		51	26	6	1				1		1
2	1925	345	112		135	29	7	5	1	1				55
3	1926	345	102		145	29	7	5	1	1	1	1	53	
4	1929	418		3	141	32	9	8	5	2	1	2		
5	1930	427	106	3	145	27	8	6	14	1		3	114	

Таким образом, административно-территориальные инновации 20-х годов ознаменовались следующим:

- было сокращено количество уровней управления с четырех до трех;
- последовательно осуществлялось укрупнение районов – административно-территориальных единиц базового уровня;
- на первичном уровне – уровне сельсоветов – двухкратное укрупнение их территорий в 1922 году с лихвой было компенсировано последовавшим разукрупнением в 1925 году.

Впоследствии процессы социально-экономического и национально-государственного строительства вызвали к жизни новую волну административно-территориальных инноваций, начавшуюся в 1930 году.

Список литературы:

1. С.А.Ефимов. Первые опыты крымской государственности: административно-территориальное деление советских республик конца 10-х – начала 20-х годов XX века
2. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: Антиква, 2008. – 728 с.
3. Софийский П. Новое административное деление Крымской АССР // Экономика и культура Крыма.-1930.-№2.-с.37-49
4. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 13. Л. 22
5. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР М.: Изд-во "ОГИ-Мемориал", 2001. – 328 с.
6. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 21. Л. 91-об.
7. Крымская АССР (1921-1945) / Сост. Ю.И. Горбунов.- Симферополь: Таврия, 1990.- 320 с.
8. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. / А.Г. Шевчук, И.Г. Беднарский, А.Б. Швец, С.А. Ефимов, Л.П. Кравцова / Региональный филиал Национального института стратегических исследований в г. Симферополе. Симферополь: Таврия, 2006. 72 с.
9. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг.: справочник /Пред. редколл. С.А.Ефимов. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
10. Весь Крым. 1920-1925. Юбилейный сборник.- Симферополь: Издание КрымЦИК, 1926.- 527 с.
11. Ефимов С.А. Этнический вектор административно-территориальных инноваций в XX веке в Крыму /Проблемы и перспективы инновационного развития экономики в XXI веке //Мат-лы XX-й междунар. научно-практич. конф.- Симферополь-Алушта: КИПУ, 2015.- С.104-111

Тур В.Г.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ» В КРЫМСКОЙ АССР (1921-1939 ГГ.)

Статья посвящена особенностям проведения национальной политики в Крымской АССР. Автор отмечает, что Советское правительство, в отличие от иных национальных автономий, приняло неверное решение по проведению политики "коренизации" в многонациональном регионе, опираясь на татарское

население, не являвшееся большинством. В итоге мероприятия не дали ожидаемых результатов и были свернуты в конце 1930-х годов.

Ключевые слова: Крымская АССР, коренизация, национальная политика.

Tur V.G.

FEATURES OF THE "KORENIZATION" POLICY IN THE CRIMEAN ASSR (1921-1939)

The article is devoted to the peculiarities of the national policy in the Crimean ASSR. The author notes that the Soviet government, unlike other national autonomies, made the wrong decision to pursue a policy of "korenization" in a multinational region, relying on the Tatar population, which was not the majority. As a result, the events did not give the expected results and were curtailed in the late 1930s.

Key words: Crimean ASSR, korenization, national policy.

Среди многочисленных преобразований первых лет советской власти, особое внимание в 20-х годах XX в. уделялось национальной политике. Важнейшей задачей руководства Советских республик и ВКП(б) стало преодоление неравенства народов в части их социального положения, культурного развития, включая образование. Под равенством понимались не только экономическая развитость, но и участие в управлении национальными территориями представителей коренных народов. Такая политика должна была способствовать утверждению советской власти в регионах, привлечь на сторону большевиков национальную интеллигенцию и оппозицию, часто представлявших Россию в качестве колонизатора. Предполагалось через развитие национальной культуры, победу безграмотности и активное участие в управлении на местах представителей нацменьшинств, найти поддержку широких народных масс многонационального населения молодого Советского государства как необходимое условие дальнейшего вовлечения национальных окраин в социалистическое строительство, развитие промышленности и технически развитого сельского хозяйства.

Следует отметить, что марксисты рассматривали нацию как порождение капитализма, которая в процессе развития, как разделяющий общество фактор, должна была исчезнуть. Предполагалось, что для нации характерны следующие обязательные признаки: общий язык, общая территория, общая история и общий национальный характер. Все остальные этнические группы, не имевшие хотя бы одного из перечисленных признаков, были отнесены к народностям и национальным меньшинствам. Поэтому, при формировании структуры государства, республики создавались не только исходя из экономических связей, но, прежде всего, по национальному признаку. Это,

впрочем, позволяло создавать внутри автономии для представителей народностей, компактно проживающих на определенных территориях.

Юридической основой для проведения национальной политики в Советском государстве становятся принципы "коренизации", принятые на XII съезде партии в 1923 г. Тем не менее, не все регионы вписывались в созданную схему, а в ряде случаев провозглашенный принцип "коренизации" стал восприниматься национальными элитами регионов как исключительное право на власть представителей национальных групп даже там, где численность такой группы значительно уступала, например, представителям титульной русской нации. Все это не только не способствовало объединению народов, но и стимулировало развитие идей национализма. Именно к таким сложным регионам относился Крымский полуостров.

18 октября 1921 г. была образована Крымская АССР. В отличие от иных автономных образований, в основе которых лежал этно-национальный принцип, Крым, насчитывающий после потерь Гражданской войны 720 тыс. человек, являлся многонациональным регионом. На момент создания республики на его территории проживали представители 70 наций и народностей (по иным источникам – 59). При этом русские (вместе с украинцами) составляли 51,5 %, крымские татары – 25,9%, евреи (вместе с крымчаками) – 6,86 %, немцы – 5,88%, греки – 3,31%, армяне – 1,67%, болгары – 1,57%, поляки – 0,8%, караимы – 0,77%, эстонцы – 0,4%, чехословаки – 0,2%, прочие – 1,14% [5, с.64]. Поэтому Крымская АССР была образована по территориальному принципу.

В то же время, несмотря на то, что татары составляли только четвертую часть населения полуострова, согласно декрету ВЦИК и СНК фактически игнорируя интересы иных национальностей, прежде всего русско-украинского, фактически узаконивается проведение в Крыму политики татаризации всех сфер общественной и политической жизни. Это было связано не только с укреплением политики Советов на данной территории, но и политическими событиями в соседней Турции, где разгорелась гражданская война за национальное освобождение во главе с Мустафой Кемалем. Надо учитывать, что в отличие от представителей иных этнических групп из числа населения Крыма, в ходе революции и гражданской войны татары проявили высокую этническую мобильность и оказались способны сформировать органы управления и даже успели после революции провозгласить государственность. При этом, не смотря на победу в Гражданской войне, органы советской власти и большевики по-прежнему не пользовались доверием большинства в местах их компактного проживания. Поэтому привлечение второго по численности народа Крыма к советскому строительству рассматривалось как крайне важный вопрос.

В газете "Жизнь национальностей" И. Вернер в преддверии принятия решения по статусу Крыма, публикует статью «Наша политика в Крыму», в которой описывая ход революционных процессов и гражданской войны на

полуострове, четко определяет цели, которые ставила советская власть в регионе. Он пишет: "Комиссия ВЦИК по делам Крыма выполнила большую работу и отчетливо закрепила в сознании местных работников, что Крым – не русская губерния, что интересы татар – интересы первостепенные для Советской власти в Крыму. Комиссия подвела Крым вплотную к проведению в жизнь требований, диктуемых нашей национальной политикой и ликвидировала в значительной степени уродливое следствие политики первых месяцев Советской Власти в Крыму, когда беднота обезземеливалась и бежала в горы. Руссотяпская политика в окраинах, населённых тюрко-татарскими народами, ещё в сильной степени проникнутых национальными тенденциями, вызывали нередко бегство части туземной интеллигенции, даже и радикальной, на Восток, где они по-своему информировали о действиях Советской власти. Наши ошибки становились известны нашим врагам, которые ими успешно оперировали, подрывая наш авторитет.

Без правильной, удовлетворяющей татарскую бедноту и трудовую интеллигенцию, политики Советского Крыма, мы ни в каком случае не усилим симпатии к нам трудящихся масс Востока.

Крым – всероссийская здравница, но ещё более всероссийское окно в Турцию и на Восток." [1]. Таким образом, проведение политики "коренизации" было ограничено интересами татарского населения в Крыму.

Р.А. Хаяли в своем диссертационном исследовании отмечает, что правовое обеспечение проведения политики "коренизации" в республике нашло отражение в Постановлении ЦИК и СНК Крымской АССР от 10.01.1922 г., в котором отмечалась необходимость татаризации всего советского аппарата и применения татарского языка в делопроизводстве. Через месяц (10.02.1922 г.) Крым ЦИК принял и соответствующий декрет. Главной целью объявлялось широкое вовлечение трудящихся масс в советское строительство. Создавалась и специальная комиссия при Крым ЦИКе по татаризации советского аппарата в составе Председателя Крым ЦИКа Ю.Гавена, И.Фирдевса, С.Меметова, Б.Чобан-заде и других. Данная комиссия отвечала за разработку мероприятий в политической, социально-экономической культурно-образовательной сферах [9]. В 1923 г. III Всекрымский съезд Советов, указал на приоритетность идеологического воспитания крымских татар с целью пробуждения "классового сознания", а в обкоме партии создается подотдел по работе с татарским населением – Мусульманская секция, в последующем переименованная в «Татарскую секцию». Деятельность секции позволила привлечь к сотрудничеству часть радикальной старой интеллигенции и молодое поколение леворадикальных сил национального движения. Характерно, что, например, по инициативе Крымоблтатбюро при обкоме партии было принято решение об учреждении выходных дней в дни мусульманских праздников Курбан байрам, Рамазан-байрам, Мусульманский новый год и день рождения пророка Мухаммеда в противовес решениям, принимаемым в отношении христианских церквей.

Первоочередной целью ставилась татаризация всей системы управления в районах с компактным проживанием крымско-татарского населения. В апреле 1921 г. была выдвинута еще одна цель татаризировать аппараты Наробраза, Земотдела, Здраводела, отдела управления и Президиумы руководящих органов, Наркомата юстиции и судебной системы. Также шел процесс татаризации учреждений культурно-бытовой сферы (ЗАГС, народный суд и пр.). Например, в 1924 – 1926 гг. в составе КрымЦИК 52,0% составляли крымские татары, а по результатам выборов 1927 г. в ЦИК из 75 человек было избрано русских – 26, крымских татар – 26, евреев – 6, немцев – 2, греков – 2, болгар – 1, армян – 1, украинцев – 5, прочих – 6. Из 15 наркомов русских – 7, крымских татар – 5, латышей – 2, армян – 1. К 1930 г. число прокуроров из числа крымских татар составило 33,2%. Изменился и национальный состав председателей сельсоветов по результатам последних выборов. Русские составили – 30,5%, украинцы – 7,2%, крымские татары – 45,3%, евреи – 0,2%, немцы – 9,9%. [9]. В то же время, участие крымских татар в городских органах самоуправления было значительно скромнее из-за их численности. Даже в условиях политики "коренизации" процент членов городских советов не превышал 14-15%.

В ходе административной реорганизации в 1924 г. на территории Крыма было создано 345 национальных сельсоветов, в том числе 145 крымскотатарских. В 1927 г. в Крымской АССР функционировало 404 сельсовета, из них русских – 136, крымскотатарских – 167, других национальностей – 51 и смешанных – 50 [2, л.9]. В составе сельских советов при числе избирателей 35,2% было избрано 37,4% крымских татар. В большинстве крымскотатарских сельсоветов делопроизводство велось на национальном языке.

В конце 1930 г. в Крымской АССР было проведено новое административное районирование. Было образовано 426 национальных сельсоветов, из них крымскотатарских – 144, где делопроизводство велось на родном языке и работали, как правило, представители крымских татар [3, с. 78]. Вместо десяти прежних районов было создано 16, из них 5 крымскотатарских, 1 украинский, 1 немецкий и 1 еврейский. К крымско-татарским районам относились Судакский, Алуштинский, Бахчисарайский, Ялтинский и Балаклавский [5, с. 66; 7].

Еще одним важным направлением политики "коренизации" стало пополнение партии и комсомола представителями национальных общин. Только к 1932 г. прослойка татар-коммунистов составило 14,8%. Таким образом, татаризация партии в Крыму не достигла столь высоких результатов как в исполнительной системе и в других национальных автономиях, где она еще в 20-х годах превысила 30%. Для укрепления партийного влияния в Крым были даже направлены коммунисты из поволжских татар, но это не дало результатов. Не исключено, что здесь повлияли две причины: с одной стороны коммунистическая идеология не была воспринята крымско-татарским

населением, занимавшим в основном враждебную позицию по отношению к большевикам в годы Гражданской войны, с другой – секретариат Крымского обкома партии не проявлял особой инициативы в решении данного вопроса вопреки директивам центра.

Наибольшей эффективности в политике "коренизации" удалось добиться в сфере образования. К 1932-1933 гг. в Крыму насчитывалось 360 татарских школ 1-й ступени и 41 – 2-й ступени. Школ национальных меньшинств соответственно 135 и 14. Обучение велось на 13 языках. Из общего числа обучающихся в школах (121,3 тыс.), в татарских школах обучалось по данным 1932/1933 учебного года около 30 тыс. детей. Оставалась актуальной проблема подготовки учителей, особенно для национальных школ. Их обучением занимался Симферопольский пединститут, в котором, например в 1930/1931 учебных годах обучалось 43,6% татар, 7,2% украинцев, 2,7% немцев, 5% евреев, 0,5% греков, 1,1% болгар и 0,5% армян. 39,4% студентов составляли русские и представители иных национальностей.

Бесспорно политика "коренизации" в Крыму, учитывая особенности развития региона, многонациональный состав и наследие времен революции и Гражданской войны могло сгладить многие противоречия, способствовать развитию культуры и позволить приобщить все население к активному строительству социалистического государства. В то же время, проведение мер по указанию сверху, отсутствие должного числа национальных кадров не способствовали ее успешному внедрению. Прежде всего данная политика коснулась перераспределения квот и должностей в органах исполнительной власти как на республиканском, так и на местном уровне. Объявив татар и караимов коренными народами, основной упор в политике "коренизации" был сделан на крымских татар, составлявших всего четвертую часть населения полуострова. В то же время, представители иных народов включая титульную нацию – русских, какими-либо привилегиями не пользовались. Назначение или избрание татар на управленческие должности привел к диспропорции в соотношении с составом населения и фактически к процессу не "коренизации", а татаризации. Отсутствие должного числа грамотных специалистов и низкая партийная прослойка среди данных национальных управленцев способствовала привлечению к работе широкого круга людей хоть и грамотных, но далеко не всегда бывших лояльными к Советской власти, националистов. Примером тому исключение 581 члена партии из числа татар в 1934 г. в основном по идеологическим мотивам, что составило почти половину всех коммунистов-татар в республике [9]. Следом были упразднены даже национальные учебные заведения [8, с. 81].

Несмотря на преодоление экономического послевоенного кризиса, заигрывание советских властей перед т.н. коренным населением, так и не снизило этно-конфессиональной напряженности в крае, не способствовала его промышленному и сельскохозяйственному развитию через социалистическое воспитание национальных кадров. Ошибки в проведении политики

"коренизации" в Крымской АССР, а по факту татаризации, неоднократно фигурировали в различных отчетах 30-х годов, что в конечном итоге привело к ее сворачиванию в регионе и даже арестам некоторых руководителей. К 1939 году был взят курс на удовлетворение запросов всех национальных групп населения Крыма. В организации управления и социалистическом строительстве делается упор не на национальные кадры, а на профессионалов-специалистов и преданных идее членов партии. Однако, завершению данного процесса декоренизации помешала война.

Список литературы:

1. Вернер И. Наша политика в Крыму (К предстоящему провозглашению Крымской Советской Республики) // Жизнь национальностей: газета. Орган Наркомнаца. – (119) от 10.10.1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://ndkt.org/nasha-politika-v-krymu.html> (дата обращения: 21.09.2021)
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 636.
3. Зінченко Ю.І. Кримські татари: історичний нарис. – К.: Видавництво мовами національних меншин. – 1998. – 206 с.
4. К провозглашению Крымской республики // Жизнь национальностей: газета. Орган Наркомнаца. – № 23 (121) от 25.10.1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://ndkt.org/nasha-politika-v-krymu.html> (дата обращения: 21.09.2021)
5. Крым многонациональный / Сост. Н.Г.Степанова. – Симферополь: Таврия, 1988. – 144 с.
6. Пашеня В. Н. Этнонациональный вопрос в государственном строительстве Крыма в первой половине XX в. (1900–1945 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 90. – С. 8-70.
7. Постановление ВЦИК от 30.10.1930 "О реорганизации сети районов Крымской АССР" // [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=22821&req=doc#J4JT3kSQEN3Yf459> (дата обращения: 21.09.2021).
8. Прохорчик М.В. Национальные школы Крыма в 1920-1934 гг. // Ученые записки. Крымский государственный университет, 1998. – № 6. – С.71-82.
9. Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920-1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 21.09.2021).

Матвеев В.А.

УКРАИНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ НАСАЖДЕНИЯ В СССР И ПОЛЬШЕ В 20–30-ЕЕ ГГ. XX В.

В статье представлен фрагмент исследования последствий насаждения украинской идентичности в СССР и Польше в 20–30-е гг. XX в. По мнению автора, с нарушением исторической справедливости закреплялось одно из процессуальных состояний, которое отнюдь не являлось преобладающим. Проводится сравнительный анализ с тем, что наблюдалось в среде оставшегося в Польше восточнославянского населения.

Ключевые слова: интегрирующая тенденция, национальная сегментация, перепись населения, процессуальное состояние, русские славяне, украинская идентичность, этническая общность.

Matveev V.A.

UKRAINIAN IDENTITY: PROCESS STATE AND FEATURES PLANTS IN THE USSR AND POLAND IN THE 20-30-ITS. XX century

The article presents a fragment of the study of the consequences of the planting of Ukrainian identity in the USSR and Poland in the 20-30s of the XX century. According to the author, one of the procedural states was fixed with a violation of historical justice, which was by no means predominant. A comparative analysis is carried out with what was observed among the East Slavic population that remained in Poland.

Key words: integrating trend, national segmentation, population census, procedural state, Russian Slavs, Ukrainian identity, ethnic community.

Оценивая связанные с насаждением идентичности перемены, Д.И. Дорошенко вынужден был с сожалением констатировать отсутствие в них предполагавшихся результатов. По его наблюдению «большинство квалифицированной интеллигенции», несмотря на то, что советская власть заставляет ее «говорить, писать, преподавать, печатать по-украински», не сочувствует политике украинизации и продолжает верить в «прежние общерусские идеалы» [1, с. 537]. В этом как раз и проявлялась историческая кодификация, связанная с ней тенденция национального сплочения всего восточнославянского сообщества. Политика украинизации опиралась на отвергавшиеся ранее ее ходом состояния, пережиточность которых осознавалась немалой частью населения, включенного в проект национального государства. Благодаря сохранению единства с Россией протесты не принимали более острых форм и ограничивались неприятием, имевшим массовый характер. Но вопреки всему политика украинизации продолжалась [2, с. 114].

Проводилась она с первой мировой войны в среде восточнославянского населения и за рубежом. Вопреки ожиданиям организаторов, последствия украинизации в Польше в 20–30-е гг. XX в. также оказывались не столь значительными. Официальная же политика в этой стране имела в тот промежуток времени иную направленность. После отхода к Польше по рижскому договору «русских территорий» на них с 1921 г. в очередной раз предпринимались весьма жесткие усилия по изменению общерусского кода восточнославянской идентичности. Православные храмы, способствовавшие ее сохранению на протяжении многих веков, подвергались разрушению. Оставшиеся нетронутыми должны были проводить службы не на церковнославянском, а на польском языке. Все русские школы были закрыты

[3, с. 16]. Затронуло это и те учебные заведения, которые открывали на частные пожертвования белые эмигранты [4, с. 98], оказавшиеся после окончания гражданской войны в Польше.

Тем самым русские диаспоры в этой стране лишались возможности культурной организации даже на таком уровне. Однако итог полонизации восточнославянского населения также не оправдал в полной мере ожиданий. Относительные же успехи политики украинизации, судя по всему, являлись в том числе реакцией восточнославянского населения на попытки осуществления полонизации. При проведении переписи в 1931 г. часть населения Галиции (более 1 млн. чел.) причислила себя к «русским» [5, с. 36].

Отсутствие соответствующей пропаганды и давления со стороны националистов могли сделать этот показатель еще более значительным. Однако при анализе результатов следует учитывать и то, что немалая часть населения Галиции свою идентичность воспринимала формально. Определившегося национального самосознания у нее к тому времени не сложилось. По переписи 1931 г. в Польше прослеживается, на мой взгляд, в том числе масштаб и последствия политики украинизации в СССР. Вне его пределов осуществление таких намерений наталкивалось на высокую религиозность населения и приверженность православию судя по всему служила, как и в прошлом, фактором защиты русской идентичности. Однако в СССР наметившаяся еще в имперский период тенденция снижения религиозности усилилась. Существенное воздействие на это оказывала проводившаяся атеистическая пропаганда.

Политика украинизации наиболее результативной оказывалась там, где население вследствие общегражданской интегрированности имело склонность к ее восприятию. Политикой же украинизации в СССР закреплялось лишь одно из существовавших процессуальных состояний, несмотря на то, что оно не утратило признаков переходности и отнюдь не являлось преобладающим. Тем самым нарушался и критерий исторической справедливости. Подвергавшееся украинизации в СССР население так же, как и в Польше, между тем сохраняло приверженность общерусскому единству. Неточность статистики, включенной в материалы переписи 1931 г., предопределялась и фальсификацией их с целью повышения численности поляков. Приблизительные же подсчеты показывают, что доля восточнославянского населения в Галиции достигала 60–65% [6, с. 3].

Не только у него, но и у других этнических групп наблюдалась невосприимчивость к любой национальной идеологии. Исключением не являлись и западные славяне, в том числе и поляки, имевшие «галицийское» происхождение. В общей численности населения края они составляли 22–26%. Процесс украинизации в 20–30-е гг. XX в. в той или иной степени затрагивал и эти этнические группы. Насаждавшуюся идентичность в ряде случаев воспринимали и поляки, особенно при смешанных браках. Это являлось показателем усиления этнического поля у данной разновидности восточных славян в условиях обретения украинского национального вектора. Между тем

в тот период при опросах жители Галиции все еще продолжали испытывать затруднения при необходимости назвать родной язык и национальность. Зачастую им было безразлично, какую идентичность и вероисповедание им припишут [6, с. 3–4].

В этом крае восточнославянские (русинские) и польские села обладали своим особым диалектом, имевшем за счет заимствований, наряду с различиями, и признаки сходства. Но отождествление «русин, русский» в тот промежуток времени в Галиции имело еще распространение. Такая идентификация сохранялась преимущественно в сельской местности, а в городах наблюдалось ее вытеснение. Соответствующую пропаганду проводили и представители католического духовенства. Прихожан они призывали считать себя «не русинами, а украинцами» [6, с. 4–5]. Приверженцы насаждавшейся национальной идентичности производили при сохранении текстов даже в традиционных для населения песнях замену сочетаний «Русь, русин» на названия «Украина, украинец» [6, с. 5].

Несмотря на предпринимаемые усилия, осознание принадлежности к русскому народу в среде восточного славянства в Польше в 20–30-е гг. XX в. еще сохранялось. Существовало там тогда и «москвофильское движение». К нему принадлежала немалая часть греко-католического духовенства и русинской интеллигенции. При возникавших затруднениях «москвофильское движение» пытались использовать польские власти, когда это было необходимо для противодействия перераставшей ожидания украинизации края. Но оно постепенно ослабевало [6, с. 7]. Отсутствие устойчивого самосознания являлось одной из важнейших предпосылок в восприятии населением украинской идентичности.

Именно поэтому националистические группировки в Галиции могли вовлекать в свое движение какую-то часть населения. По подсчетам специалистов, численность сторонников «украинства» в 30-е гг. XX в. достигала уже 200–300 тыс. Они составляли всего 10% от всего восточнославянского населения края, но это меньшинство опиралось на мифологизированные идеалы национальной исключительности и действовало активно [6, с. 9–10]. Такая практика имела опробированность в европейских странах и при определенных обстоятельствах оказывалась привлекательной для масс.

По поводу поддержки «москвофильства» в среде восточнославянского населения Галиции профессор Д.И. Дорошенко утверждал, что она наблюдалась у меньшинства. Изложенная же статистика показывает обратное. Но на приписках как раз и утверждался украинский национализм. В меньшинстве в тот период, как проясняют сведения статистики, были именно его сторонники. По мнению Д.И. Дорошенко, «москвофильство... уродовало национальное самосознание... украинцев», способствовало ослаблению «сопротивляемости полонизму» [1, с. 543–544]. Однако свою разъединяющую

роль для восточнославянского сообщества он уже сыграл на предшествующем этапе.

Польские власти действительно в украинском национализме видели угрозу и поддерживали как противовес «москвофильство» для ее ослабления. Приверженцы его вряд ли представляли «собой наиболее податливый элемент» для изменения идентичности, как считал Д.И. Дорошенко. Свою точку зрения, несмотря на заявление о наличии «множества примеров», фактами с опорой на достоверные источники он так и не подкрепил. Без каких-либо оговорок к украинцам между тем отнесены, в том числе буковинские и угорские русины [1, с. 543–544]. Самосознание же, подпитывавшее «москвофильство», являлось отражением исторической кодификации восточнославянской этничности, насаждавшееся же украинство выступало в качестве в значительной мере привносимой альтернативы. Предпосылки для такого смещения, безусловно, тоже существовали. В их формировании польское влияние в прошлом сыграло исключительную роль [1, с. 544].

Одним из факторов этнического надлома являлось нищенское существование, способствовавшее восприятию и насаждавшейся украинской идентичности. На копировании опыта «одна нация – одно государство», исключавшего иные варианты объединения, основывалась и политика по ее насаждению, проводившаяся в тот же промежуток времени в СССР. Однако под прикрытием интернационализма, она обретала свою специфику. Националистическое начало в ней было менее выражено. Изменение же самосознания на украинскую идентичность и в восточнославянских поветах Польши не обретало всеобщности.

Оказывавшееся такое же воздействие в СССР под прикрытием иной идеологии давало не те результаты, на которые рассчитывали. Встречавшиеся затруднения проясняли неадекватность предпринимаемых воздействий сложившимся разновидностям исторической кодификации в восточнославянской этнической среде. Однако мировой и отечественный опыт позволяет сделать вывод и о том, что этнические особенности при определенных условиях оказываются подверженными национальной организации с утверждением соответствующих государственных проектов.

Список литературы:

1. Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007.
2. Борисенок Е. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно» // Российский исторический журнал «Родина». 2014. № 11.
3. Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М., 2005.
4. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986.
5. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Новочеркасск, 2010.
6. Федевич К.К. Украинцы и не только. (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы) // Славяноведение. 2014. № 5.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВКОМОВ В КУБАНСКИХ СТАНИЦАХ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассматривается деятельность кубанских ревкомов в первые годы советского строительства. Анализируются специфика формирования ревкомов на низовом уровне, практиковавшие избрание в управленческие образования из казачьей и иногородней среды.

Ключевые слова: ревком, станица, хутор, казачество, советская власть.

Fedina I.M.

REVKOM ACTIVITIES IN KUBAN STANITS 1920s

The article examines the activities of the Kuban Revolutionary Committees in the first years of Soviet construction. The specificity of the formation of revolutionary committees at the grassroots level, practicing election to administrative formations from the Cossack and nonresident environment, is analyzed.

Key words: revolutionary committee, stanitsa, farm, Cossacks, Soviet power.

Исторически первые ревкомы в населенных пунктах Кубанской области появились в краткий период существования советской власти ещё в 1918 г. Тогда на проходивших общих собраниях беднейших казаков, рабочих и иногородних общим голосованием избирались отдельные члены и председатели ревкомов. Однако такая ситуация на Кубани не являлась повсеместной: ревкомы создавались только в крупных населённых пунктах: в городах, станционных посёлках, больших станицах и хуторах, где ревкомы как органы власти находили социальную поддержку.

После окончательного установления советской власти на Кубани, с марта 1920 г. во всех станицах и хуторах стали организовываться местные органы управления. К тому времени накопился определённый опыт работы ревкомов в центральной России, и большевикам удалось отработать типовые нормативные документы, регулировавшие повседневную деятельность ревкомов. На Кубани в течение 1920 г. на местах создавались только ревкомы, а уже с 1921 г. преимущественно формировались местные (станичные, хуторские, поселковые и др.) советы и исполнительные комитеты (исполкомы) этих советов.

Новая власть проявляла существенную заботу о местных органах управления. Члены ревкомов получали индивидуальные революционные пайки от потребительских обществ и соответствующее денежное содержание от отдельных ревкомов, которым они непосредственно подчинялись по сложившейся управленческой иерархии. Руководство станичных и хуторских ревкомов избиралось не только из числа местных жителей, но и из кандидатур, рекомендованных «сверху» отдельским ревкомом. В отдельных структурах

подбирали для этих целей активистов и красноармейцев, имевших опыт командирской работы, чтобы гарантировать управляемость станичных и хуторских ревкомов.

Чтобы представить состав ревкомов, раскрыть процесс их становления, обозначить проблемы в работе, рассмотрим ряд исторических примеров деятельности военно-революционных комитетов в станицах и хуторах Кубани. В станице Новолеушковской Ейского отдела (ныне станица Новолеушковская входит в состав Павловского района Краснодарского края) ревком создаётся 7 марта 1920 г. с приходом в станичное поселение советских войск. С помощью представителей Красной Армии сразу же избирается ревком в количестве 7 человек [1, л.2]. Каждому члену ревкому определялась своя сфера компетенции, чётко регламентировались функциональные обязанности, а в структурном отношении ревком делился на управленческие отделы.

Первым председателем Новолеушковского ревкома стал тогда, говоря советской терминологией, товарищ Никитин. Однако ровно через месяц с 7 апреля 1920 г. председателем ревкома избирается Карп Ефимович Мирошниченко, «бывший в центре и знакомый с постановкой дела, но, прослуживши с 7 по 13 апреля, заболел тифом и проболел до 16 мая, что не могло не отразиться на постановке дела» [2, л.2.]. В июне 1920 г. ещё неокрепший от тяжёлой болезни К.Е. Мирошниченко передал все ревкомовские дела товарищу Павленко. Но уже в июле 1920 г. председателем Новолеушковского ревкома становится Г. П. Пасичный. С октября 1920 г., в связи с назначением предревкома Г.П. Пасичного на аналогичную должность в другую станицу Ейского отдела, председателем Новолеушковского ревкома избрали Ивана Яковлевича Убийконь, его товарищем (заместителем в данном случае) – И. И. Белогуба. Очевидно, Г.П. Пасичного, как зарекомендовавшего себя в реальном деле опытного управленца, перебросили в другое место для налаживания работы другого ревкома. Такая практика подбора кадров весьма характерна для первых лет советского строительства на Кубани. Нередко командно-административный подход к кадровой работе преобладал: ревкомы распускались, формировались заново, назначались сверху, даже создавались вместо советов, если того настоятельно требовала конкретно сложившаяся управленческая ситуация.

Новолеушковский ревком в структурном отношении включал два отдела: продовольственный и земельный, что наглядно отражало преимущественную аграрную направленность его хозяйственной деятельности на подведомственной территории.

О большевистском характере мировосприятия и понимания смысла управленческой деятельности ревкома свидетельствует проведение реквизиций с целью установления новой, советской справедливости с уравнительным принципом распределения всех социальных благ и с непременным учётом классового подхода. Новолеушковские ревкомовцы решили просто отобрать имущество у местных состоятельных граждан и

распределить его среди нуждающихся, естественно, не забыв о своих собственных потребностях. По решению Новолеушковского ревкома от 11 ноября 1920 г. провели учёт и последующую экспроприацию вещей и мебели у бывшего полковника Луценко и станичного заводчика Георгия Хлуса. Изъятые имущество распределили между местным детским приютом, коммунистическим клубом и служащими ревкома, которым досталось «во временное пользование» обмундирование «бывших богачей». Проведённую в станице Новолеушковской экспроприацию одобрил Ейский отдельский ревком и разрешил «реквизировать верхнее платье у гражданина Хлуса и конфисковать все верхние платья у контр-революционера Луценко и Неронова, передав всё это отделу собеса» [3, л.42.].

По-коммунистически задиристо выглядит решение Новолеушковского ревкома «о прекращении колокольного звона для всякой тревоги», принятое 9 октября 1920 г.: «Согласно распоряжению Павловского военрука тов. Пащенко, прекратить во время тревоги колокольный звон. Установить для этой цели столб на площади около старой церкви, обвить соломой и облить нефтью и во время контрреволюционного выступления зажечь; чтобы не получилось изменнической тревоги, восстановить возле этого столба часового. Часовому исполнять зажигание только по распоряжению предревкома» [4, л.56]. Это вполне очевидное проявление латентной борьбы местных ревкомовцев со значительным влиянием приходской церкви на станичное население, ибо колокольный звон являлся более безопасным, привычным для людей, но по новым временам считался контрреволюционным делом.

Поскольку с окончанием Гражданской войны началось восстановление разрушенного хозяйства, то возник большой спрос на строительные материалы. Кирпичный завод в станице Новолеушковской, ранее принадлежавший Георгию Хлусу, ревкомовцы взяли на свой учёт, но предприятие, к сожалению, не работало. Естественно, провести экспроприацию имущественного комплекса кирпичного завода оказалось проще, чем наладить реальное производство, ведь ревком не имел «технических сил», да и «постройки и инвентарь, находящиеся на заводе, приходят в ветхость, а с оборудованием этого завода, который мог бы обслуживать не только станицу, но весь район, как это было и раньше [А] теперь не только ревком, но и все граждане ст. Новолеушковской и прилегающих к ней станиц и хуторов остро нуждаются в жжённом кирпиче. Недостатка в материале для выделки жжённого кирпича, как-то песка и глины, не будет» [5, л.115]. В орбиту управленческого воздействия Новолеушковского ревкома входило не только население самой станицы, но и ряда близлежащих юртовых поселений. По данным заведующего земельным отделом станичного ревкома В. Абакуна, датированным 28 августа 1920 г., в станице Новолеушковской проживало 4321 душ мужского пола и 5099 душ женского пола [6. Л.46], что явно свидетельствовало о людских потерях в результате Гражданской войны.

Новолеушковских ревкомовцев сильно волновал также вопрос о новом административном подчинении станицы, поскольку с марта 1920 г. отдельский центр Ейского отдела перенесли в г. Ейск, который располагается от станицы на расстоянии более 170 километров, если сегодня следовать по автомобильной дороге. Население Новолеушковского юрта традиционно экономически более тяготело к крупной станице Тихорецкой и большой станице Павловской. Председатель Новолеушковского ревкома И. Белогуб считал лучшим вариантом в качестве административного и экономического центра для своей станицы всё же Павловскую, что собственно в настоящее время и соответствует действительности.

В кубанской станице Украинской (ныне она входит в состав Павловского района Краснодарского края) станичный ревком начал функционировать с 11 марта 1920 г.

В своей повседневной деятельности Украинский станичный ревком опирался на широкую поддержку местного населения. С целью консолидации внимания на обстоятельном решении злободневных проблем ревком решил создать рабочие комиссии из числа самих членов ревкома и представителей станичной общественности. В состав санитарной комиссии, образованной ревкомом «в связи с эпизоотическими болезнями рогатого скота», вошли: И. Каламбет, И. Любарец, А. Руденко, П. Скрипка, И. Юрченко. Работы для этой комиссии хватало, ибо в своём протоколе от 12 августа 1920 г. Украинский станичный ревком признавал, «что в станице ещё свирепствует болезнь на рогатом скоте»[7, л.11]. Именно поэтому «фельдшер является крайне необходимым для борьбы с болезнью», и ревком постановил «временно оставить фельдшера Бондаря на своём месте, платя ему содержание из средств общества. Одновременно с сим возбудить ходатайство перед отдельским земельным отделом об оставлении такового в станице за счёт государства».

Насущные заботы по восстановлению довоенного уровня развития животноводства на территории станичного юрта подтолкнули ревком к формированию рабочей комиссии «по определению племенного скота». Поскольку на свою малую родину после окончания Гражданской войны вернулось много красноармейцев, и они начали заниматься хозяйственными делами, испытывая значительные трудности, ревком решил создать специальную комиссию по урегулированию этого комплекса вопросов.

За предшествующие годы социальных конфликтов и Гражданской войны в станичном юрте накопилось много общественных работ по обеспечению нормального функционирования поселения. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» всё трудоспособное население, независимо от характера своей занятости, привлекалось к обязательному выполнению различных трудовых заданий. Согласно названному декрету, при Совете обороны учреждался Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (или сокращённо: Главкомтруд) во главе с Ф.Э. Дзержинским. На территории всей страны создавались по

решению властей местные комитеты по проведению трудовой повинности (Комтруды). Под пристальным вниманием комиссии и заведующего местным советом народного хозяйства (совнархозом) в станице производился ремонт ветхих и неисправных мостов на всей подведомственной территории. По решению ревкома от 2 августа 1920 г. необходимые для ремонта материалы заготавливались «из общественного сада».

Окончание Гражданской войны вызвало волну дезертирства из воинских подразделений РККА, поэтому местные органы власти были вынуждены реагировать на эту проблему. Украинский станичный ревком решил создать комиссию «по борьбе с дезертирством». Функционировали при Украинском станичном ревкоме и иные рабочие комиссии, ибо неотложных забот у ревкомовцев и местной общественности хватало. Так, в разгар знойного лета их беспокоила проблема пожароопасности на территории поселения. Поэтому в протоколе от 2 августа 1920 г. ревком зафиксировал: «Подтвердить населению станицы, чтобы воздерживались от приготовления пищи и др. на открытых дворах, т.к. от неосторожности может произойти несчастье. Не исполнившие распоряжения ревкома привлекаются к ответственности»[8, л.12.].

Украинский станичный ревком проявлял настоящую революционную бдительность и вёл непримиримую борьбу с врагами советской власти. Так, в его протоколе от 7 августа 1920 г. записано: «Настоящим подтверждаем, что арестованный гражд[анин] Ефрем Леанукало действительно в 1918 году отличался крайней жестокостью по отношению к большевикам и их семьям. По приходу Красной Армии в пр[ошлом] году также враждебно относился к советской власти. Копию настоящего послать в Чрезвычайную Следственную Комиссию (областную) при протоколе дознания»[9,11].

Большое внимание Украинский станичный ревком уделял организации и функционированию местного детского приюта, который открыли в сентябре 1920 г. В результате удалось провести необходимый ремонт и оборудование помещений за счёт материально-финансовых средств ревкома. Для обеспечения работы приюта туда по решению ревкома от 8 августа 1920 г. целевым образом направляли даже «товары, отобранные у спекулянтов».

Значительной хозяйственной победой Украинского станичного ревкома стало завершение ремонта и начало работы общественной вальцовой мельницы, ибо она могла принести не только существенный доход в казну ревкома, но и зримо подтверждала состоятельность новой местной власти, её способность решать серьёзные общественные проблемы. Примечательно, что ревкомовцев в станице Украинской волновали, наряду с исключительно хозяйственными задачами, вопросы высокого искусства. В целях организации в станице кружка любителей драматического искусства они привлекли члена Ейского отдела Всероссийского профессионального союза работников искусств.

В целом же, в 1920-е гг. поселенческие структуры подверглись колоссальным социально-экономическим преобразованиям, в корне

изменивших их сущность. Исторически сложившуюся характеристику хуторян и отрубников как «хозяйственного и старательного» меньшинства следует считать вполне справедливой. Действительно, большинство лиц из этой своеобразной агрокорпорации представляло собой самостоятельных, инициативных и предприимчивых сельских хозяев, недовольных определённым консерватизмом общины и стремившихся путём административно-экономического выделения из неё обрести хозяйственную свободу для развития инновационной деятельности в сфере аграрного производства.

Список литературы:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. Р-649, оп. 1, д. 45.
2. Там же.
3. ГАКК, ф. Р-649, оп. 1, д. 26.
4. Там же.
5. Там же
6. Там же.
7. ГАКК, ф. Р-649, оп. 1, д. 43.
8. Там же.
9. Там же.

Бершадская О.В.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ (1920-Е ГГ.)

В статье рассматриваются такие направления национальной политики, реализуемой в Черноморском округе в 1920-е гг., как: повышение экономического и культурного уровня, общественно-политической активности представителей многочисленных этнических групп, населяющих регион.

Ключевые слова: национальная политика, Черноморский округ, национальные меньшинства, землеустройство, культурно-просветительская работа.

Bershadskaya O.V.

MAIN DIRECTIONS OF NATIONAL POLICY IN THE BLACK SEA DISTRICT (1920s)

The article considers such areas of national policy implemented in the Black Sea District in the 1920s as: increasing the economic and cultural level, socio-political activity of representatives of numerous ethnic groups that inhabit the region.

Key words: national policy, Black Sea district, national minorities, land management, cultural and educational work.

Черноморский округ являлся самостоятельной административно-территориальной единицей в составе Северо-Кавказского края. Одной из

особенностей региона был довольно пестрый этнический состав. В 1920-е гг. местные власти уделяли значительное внимание работе с так называемыми «нацменьшинствами», которые составляли свыше 40 % населения округа. По состоянию на 1927 г. из общего числа жителей округа 65,9 % приходилось на долю русских и украинцев; 10,4 % – армян; 10,2 % – греков; 3,5 % – молдаван; 2 % – черкесов; 1,5 % – грузин; 1,3 % – немцев; 1,1 % – чехов; 0,9 % – эстонцев; 0,5 % – поляков; 2,7 % – представителей прочих этнических групп [1].

Такая структура населения стала складываться на рубеже XIX–XX вв. в результате привлечения в качестве переселенцев представителей различных этнических групп Российской империи и иностранцев христианского вероисповедания, обладающих опытом хозяйствования в горных условиях или высоким уровнем агрикультуры [2, с. 15]. Активные переселенческие процессы в округе продолжались до середины 1920-х гг. Большинство переселенцев предпочитало обосноваться в сельской местности и заниматься земледелием.

В национальной политике, осуществляемой в округе в рассматриваемый период, можно выделить следующие направления: а) экономическое; б) культурно-просветительское; в) повышение общественно-политической активности.

Экономическое направление подразумевало, в первую очередь, решение земельного вопроса. Представители ряда национальных меньшинств сохраняли иностранное подданство, что препятствовало получению земельных наделов. Так, потомственные табаководы армяне и греки, прибывшие из Османской империи и Греции, вынуждены были арендовать землю под плантации табака. После установления советской власти одной из основных задач стало проведение землеустройства в черноморской деревне, в том числе наделение земель безземельных нацмен, осевших в округе в период с 22 мая 1922 г. по 1 января 1926 г. [3, с. 45]. Например, в 1924 г. Постоянная комиссия СТО по иммиграции распорядилась наделить землей из колонизационного фонда 430 армян-беженцев, «принудительно высаженных турецкими властями на Черноморское побережье» [4, с. 14].

Землеустройство нацменьшинств проводилось наравне с другими категориями населения по классовому принципу «в направлении организации территории, способствующем к переходу на общественную обработку земли (групповые сады, виноградники и т.д.)». Местные власти неоднократно подчеркивали необходимость учитывать «специальный наклон хозяйствования нацменов» при распределении земли [3, с. 47–48].

Целью землеустройства было не только упорядочивание земельных отношений, но и повышение доходности сельского хозяйства округа, переориентация крестьян на производство товарных культур. При этом, в соответствии с директивами высших органов власти, уделялось большое внимание организации колхозов. К 1927 г. в Черноморском округе было

организовано 38 национальных колхозов, из них: 10 – армянских; 5 – греческих; 4 – эстонских; 3 – молдавских; 2 – черкесских [3, с. 54].

Культурно-просветительское направление заключалось в открытии национальных школ и организации просветительской работы на родном языке, а также в борьбе с религиозными предрассудками.

Представители разных этнических групп отличались друг от друга по уровню грамотности. Наиболее грамотными были эстонцы, немцы и чехи, среди которых умели читать и писать 73,4%, причем соотношение грамотных мужчин и женщин было одинаковым. На противоположном полюсе находились молдаване – 19,9% грамотных, при этом численность грамотных женщин была почти в три раза ниже мужского. Весьма низким был уровень грамотности у черкесов – 27,0%. У них же зафиксирован самый низкий процент грамотных женщин – 9,6. У армян и греков доля грамотного населения была 32,2 % и 39,2 % соответственно, у грузин – 42,5 % [1].

Отношение к школе у представителей различных народностей во многом определялось общим уровнем культурного развития и религиозными традициями. В ряде национальных деревень священнослужители пользовались значительно большим авторитетом по сравнению с работниками образования и просвещения [5, с. 74]. У нацменов, сохраняющих патриархальный уклад, в частности, у шапсугов, дети не посещали школу, так как были заняты в домашнем хозяйстве. Самых национальных школ было недостаточно, практически отсутствовала учебная литература на родном языке [5, с. 109–110]. В избы-читальни поступали центральные и местные газеты на русском языке, поэтому работники читален часто устраивали коллективные читки газет вслух, с последующим переводом на родной язык, а также разъясняли советские законы, давали ответы на вопросы по землеустройству и налогообложению [5, с. 102–104].

В сельских поселениях округа, где проживала подавляющая часть нацменьшинств, культурно-просветительской работой занималось 460 человек, из них 412 человек являлись школьными учителями. Почти все учителя и работники культуры были украинцами и русскими, что затрудняло распространение просвещения среди нацмен [1].

Уровень организации культурно-просветительской деятельности в значительной степени определял общественно-политическую активность населения национальной деревни. В тех районах, где культурно-просветительская работа была организована должным образом, нацмены довольно активно участвовали в работе сельских советов и кооперативных организаций, вступали в партию и комсомол. В населенных пунктах, где не хватало народных школ и отсутствовала изба-читальня, а население довольствовалось редкими лекциями заезжих работников культпросвета, отмечалось «безразличное» отношение к участию в работе органов власти и организации партийных и комсомольских ячеек.

В целом представители национальных меньшинств отдавали предпочтение работе в сельских советах, комитетах крестьянской взаимопомощи и зачастую игнорировали участие в деятельности партийных органов [5, с. 74–79]. В директивах, направляемых в районные и сельские советы, краевые и окружные власти подчеркивали необходимость вовлечения нацменов в советскую работу и выдвижения их кандидатур в руководящий аппарат [6, с. 45].

В рассматриваемый период по инициативе местных властей регулярно проводились обследования экономического положения нацменьшинств, выявлялись проблемы культурной и общественной жизни, предпринимались меры к укреплению политического доверия представителей многочисленных этнических групп.

Список литературы:

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927-1929 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16538-vyp-10-naselenie-soyuza-ssr-po-polozhениyu-v-zanyatii-i-otraslyam-narodnogo-hozyaystva-1929> (дата обращения 05.08.2021).
2. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX-начале XX вв. Сочи, 2000.
3. Управление Архива МО г. Новороссийск (далее – УАМОН), ф. Р-9, оп. 1, д. 993.
4. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 478, оп. 7., д. 2148.
5. УАМОН, ф. Р-9, оп. 1, д. 685.
6. УАМОН, ф. Р-9, оп. 1, д. 694.

Трут В.П.

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ НА ПРИГРАНИЧНОЙ С УССР ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются вопросы практической реализации советской национально-государственной политики в 1920-х годах на примере административно-территориальных трансформаций на приграничной с УССР территории Донской области. Раскрывается конкретное содержание процесса передачи донских территорий. Характеризуется недостаточно исследованные аспекты данного вопроса. Показывается непродуманность и конрпродуктивность названных мероприятий.

Ключевые слова: национально-государственное устройство, административно-территориальные изменения, Донская область, Донецкая губерния, территории, передача.

**IN SEARCH OF NATIONAL-TERRITORIAL BORDERS
(ON THE EXAMPLE OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL
TRANSFORMATIONS IN THE BEGINNER FROM THE UKRAINIAN
SSR TERRITORY OF THE DON REGION)**

The article considers the issues of practical implementation of the Soviet national-state policy in the 1920s on the example of administrative-territorial transformations on the territory of the Don region bordering with the Ukrainian SSR. The specific content of the process of transferring the Don territories is revealed. The insufficiently researched aspects of this issue are characterized. The ill-considered and counterproductive nature of these measures is shown.

Key words: national-state structure, administrative-territorial changes, Don region, Donetsk province, territories, transfer.

Вопрос национально-государственного устройства любой страны имеет, пожалуй, самое главное значение для её нормальной жизнедеятельности. Даже гораздо более простые вопросы административно-территориального деления, в зависимости от его обоснованности и оптимальности, могут оказать позитивное или, наоборот, негативное, влияние на функционирования отдельных регионов и государства в целом. Особую важность и поистине колоссальное значение данные и первый, и второй вопросы имеют в странах с традиционным полиэтническим составом населения. Особое значение проблемы национально-государственного устройства имели для нашей многонациональной страны. Актуальны они и в настоящий период времени. Поэтому анализ имеющегося в данной области исторического опыта имеет очень важное значение.

Значительный интерес представляет советская национально-государственная политика периода 1920-х годов и обусловленные ею многочисленные административно-территориальные трансформации в самых разных регионах страны. Достаточно активно они осуществлялись и на приграничной с УССР территории Донской области.

Ещё до окончания Гражданской войны, в марте 1920 г. было принято решение об упразднении Области войска Донского как административно-территориального образования. Вместо неё создавалась Донская область РСФСР с административным центром в городе Ростове-на-Дону.

15 марта 1920 г. в состав создаваемой новой Донецкой губернии УССР, которая официально была образована 24 марта, были переданы значительные донские территории. Передавались, в частности, весь Таганрогский округ, станицы Гундоровская, Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская, волость Карпово-Обрывская Донецкого округа, станица Владимирская, Александровская Черкасского округа. Помимо значительных по своему размеру территорий, передаваемых в состав УССР, к ней отходили и такие

крупные промышленно-экономические единицы, как г. Макеевка, Амвросиевка, Таганрог, Шахты. Необходимо отметить, что решения о передаче значительных донских территорий принимались явно поспешно, без необходимого всестороннего и обстоятельного анализа, социально-экономического обоснования. Это свидетельствовало, что основным в данных мероприятиях были не столько какая-либо экономическая целесообразность, хотя официально говорилось именно об этом, а очевидный политический шаг с целью потворствования общего курса тогдашнего украинского партийно-государственного руководства на включение в состав УССР как можно большего количества исконно русских территорий из состава РСФСР. Примечательно, что данные решения получали свою практическую реализацию также довольно быстро. Уже 2 апреля 1920 года Совнарком РСФСР утвердил уточнённую границу между Донской областью и Донецкой губернией УССР, в соответствии, с которым в состав последней предавались весь Таганрогский округ, станицы Гундоровская, Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская и Карпово-Обрывская волость из Донецкого округа, станицы Александровская и Владимирская, а также Сулиновская и Фёдоровская волости и северные половины станиц Аксайской и Грушевской из состава Черкасского округа Донской области.

Примечательно, что факт передачи в состав Донецкой губернии северных половин станиц Аксайской и Грушевкой в историографии практически не освещается. Данный факт, по нашему мнению, заслуживает особого внимания, поскольку весьма красноречиво свидетельствует, что в угоду требованиям украинского руководства, стремившегося получить как можно больше традиционных казачьих территорий, грубыми административными решениями разделялись даже такие существовавшие крупные населённые пункты, как названные станицы. Помимо таких негативных последствий данной поспешной и непродуманной передачи донских территорий, как явная управленческая и социально-экономическая неразбериха, она невольно способствовала и существенному росту здесь проявлений повстанческого антисоветского движения. Треть из примерно пятидесяти **повстанческих формирований, действовавших в то время на всей территории Донской области, действовала именно в этих районах. В случае необходимости отряды повстанцев быстро переходили из Донской области в Донецкую губернию и обратно, используя в своих интересах то обстоятельство, что оперативное пространство чекистских и регулярных красноармейских частей ограничивалось пределами РСФСР и УССР и для решения возникавших в этой связи вопросов им требовалось время.**

Но этими решениями передача донских территорий УССР не прекратилась. 12 июля 1920 г. вышел приказ № 11 Донецкого губернского исполнительного комитета, в котором говорилось о вхождении станиц Луганской и её окрестностей вплоть до реки Деркул, являвшейся притоком реки Северский Донец, находившиеся в составе Донской области, в состав

Донецкой губернии УССР. И только 31 августа 1920 г. Донской областной исполнительный комитет принял соответствующее постановление, подтверждающее передачу станицы Луганской из состава Донской области в состав УССР.

Настойчивые попытки украинских партийно-советских властных структур получить в состав УССР всё новые российские территории отмечались и в начале 1923 года. Так 20 января Донецкий губисполком ходатайствовал о присоединении к губернии Приморской волости Ростовского округа Донской области, а 3 февраля того же года секция районирования Донецкого губисполкома, явно с подачи местного партийно-советского руководства, официально заявила о необходимости присоединения к Донецкой губернии Миллеровского участка и всего Александро-Грушевского района Донской области. Однако данные требования и пожелания не получили дальнейшей практической реализации. (Примечательно, что именно в это же самое время, в начале 1923 г. руководство УССР озвучило свой проект о пересмотре границ с РСФСР, требуя включения в свой состав значительной части Курской, Брянской и Воронежской губерний.

Осознав очевидную социально-экономическую несостоятельность решений о передаче территорий Донской области в состав Донецкой губернии УССР, в 1924 г. они были пересмотрены. В соответствии с принятыми решениями союзного руководства начался процесс обратной передачи донских территорий в состав РСФСР. С этой целью 24 июля 1924 г. была образована специальная так называемая паритетная комиссия Донецкого губисполкома и Юго-Восточного крайисполкома для установления территориальных границ районов, отходящих обратно из УССР в состав РСФСР. С 1 октября 1924 г. в состав РСФСР передавались Шахтинский, Сулиновский, Владимировский, Усть-Белокалитвенский, Ленинский, Глубокинский, Федоровский, Каменский, Николаевский, Матвеево-Курганский, Советинский районы, части Алексеевского, Екатерининского, Голодаевского и Сорокинского районов, а также город Таганрог.

Постановлением Президиума ВЦИК от 16 октября 1924 года Юго-Восток России был преобразован в Северо-Кавказский край. Декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. было утверждено "Положение о Северо-Кавказском крае" с центром в городе Ростове-на-Дону. Этим положением край делился на 10 округов, в том числе Таганрогский и Шахтинский округа, которые с 1920 г. относились к Донецкой губернии Украины, и 4 автономных области. Каждый округ делился на районы. В 1925 г. Донецкая губерния была ликвидирована, а УССР также перешла на новое окружное административное деление.

Непродуманные и контрпродуктивные решения о передаче в состав УССР ряда приграничных донских территорий, обусловленные известными политическими факторами поощрения центральным советским партийно-государственным руководством известного курса украинского

республиканского руководства на «украинизацию» и приращение новых территорий в состав УССР, привели к усложнению административного и экономического управления и другим негативным последствиям и после непродолжительного периода времени отменены.

Рвачева О.В.

РАЗДЕЛ ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1920-Х ГГ. КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

Статья посвящена рассмотрению территориальных переделов в отношении донского казачества в контексте развития национальной политики большевиков. Отмечено, что раздел территории бывшей Области войска Донского должен был способствовать «растворению» казачества в крестьянстве. Особое внимание уделено передаче территорий ряда округов Донской области в состав Царицынской губернии. Выявлено, какое это оказало влияние на социальное состояние губернии и управленческую политику партийно-советских органов Царицынской губернии.

Ключевые слова: донское казачество, территория, территориально-административное деление, настроения казачества.

Rvacheva O.V.

DIVISION OF THE TERRITORY OF THE DON'S ARMY REGION IN THE 1920s. AS A PART OF THE NATIONAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS

The article is devoted to the consideration of territorial changes in relation to the Don Cossacks in the context of the development of the national policy of the Bolsheviks. It was noted that the division of the territory of the former Region of the Don army was supposed to contribute to the "dissolution" of the Cossacks in the peasantry. Particular attention is paid to the transfer of territories of a number of districts of the Don region to the Tsaritsyn province. It was revealed what effect this had on the social condition of the province and the managerial policy of the party-Soviet bodies of the Tsaritsyn province.

Key words: Don Cossacks, territory, territorial-administrative division, mood of the Cossacks.

Национальную политику, проводимую властью принято рассматривать как политику в отношении этносов и этнических групп. В связи с этим, политика большевиков в отношении казачества на Юге России рассматривается как национальная тогда, когда речь идет о взаимодействии казачества с неславянскими этническими группами. В этом контексте характеристика территориальных переделов, например, в Терской области, в районах проживания терского казачества, как этнической перегруппировки

населения [1, с. 41] не вызывает сомнения. Гораздо сложнее дело обстоит там, где территориальные манипуляции большевиков бывшими войсковыми территориями не носили выраженный характер этнического управления народами. Однако результаты и последствия таких действий во многом напоминали национальную политику. Таковой, на наш взгляд, являлась политика в отношении донского казачества, с самого начала направленная на раздел территории Области войска Донского.

По окончании Гражданской войны и установлении большевистской власти на территории проживания донского казачества начался сложный, и во многом болезненный процесс вовлечения казачества в советское строительство. Главным его итогом должно было стать «растворение» казачества в крестьянстве. Одним из важных факторов преодоления сплочения казачества, влиявшего на его идентичность и социальное поведение, стали территориальные переделы Области войска Донского.

Данная территориально-административная единица была упразднена в 1920 г. и вместо нее появилась Донская область. Уже тогда часть территорий области были переданы недавно созданной Украинской советской социалистической республике. Впоследствии территории Донской области были разделены между несколькими областями. Наиболее значительная часть отошла в 1921 г. к Царицынской губернии. Согласно Декрету ВЦИК от 4 апреля 1921 г. три округа бывшей ОВД были включены в состав данной губернии [6]. Обосновывая данное территориальное изменение, И. В. Сталин отмечал, что это повлияет на ускорение процесса разложения казачества [1, с. 43].

По мнению исследователей проблемы территориально-административного строительства, в первые годы советской власти данный процесс был напрямую связан повышением политической роли пролетарских центров в организационно-управленческом процессе [9, с. 63]. Царицын, не будучи казачьим городом (он не входил в состав ОВД) и сыгравшим большую роль в победе большевиков на Юге России вполне подходил на роль такого пролетарского центра. Ряд территориальных перетасовок в 1920-1921 гг. способствовали усилению присутствия крестьянско-пролетарского населения губернии. В итоге в 1921 г. здесь было четыре уезда с неказачьим населением и три округа с преимущественно казачьим населением [8, с. 7-10]. В результате территориально-административных трансформаций 1921-1923 гг. в 1923 г. губерния в административном отношении поровну была разделена на казачьи и неказачьи территории: три уезда (Ленинский, Николаевский, и Царицынский) и три округа (2-й Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский). Доля территорий Донской области, переданных в Царицынскую губернию составлял 58 % от общей территории губернии [7, с. V].

Чтобы понять важность и сложность такого деления, следует также отметить, что три бывших казачьих округа являлись административными единицами, в которых процент казачьего населения был одним из самых

высоких в ОВД. Такая ситуация сохранялась и в рассматриваемое время. По данным Сталинградского губисполкома за 1926 г. в процентном соотношении казачьего и неказачьего населения в данных округах казаки составляли более 70 % [2, л. 1]. Кроме этого, в период 1920-1922 гг. данные районы стали ареной вспыхивавших конфликтов, вооруженных восстаний против советской власти. В сентябре 1920 г. на Верхний Дон совершала рейды армия Махно, рассчитывая на поддержку казачества. В этом же году в Усть-Медведицком округе вспыхнуло восстание командира караульного батальона К.Т. Вакулина, затронувшая впоследствии и Хоперский округ. В 1921 г. в районах Верхнего Дона действовали отряды мятежного красного командира Г.С. Маслакова. Весьма привлекательным для всех повстанческих вождей был именно казачий контингент населения, который определялся как потенциально антибольшевистский.

В связи со всеми перечисленными обстоятельствами, губернские власти проводили политику пристального контроля настроений казачьих территорий с целью выработки эффективной управленческой политики.

В 1923 г. в Царицынской губернии исчезает название «станция» и вместо нее появляется «волость» [8, с. 10.]. С целью «размывания» исторических границ казачьих населенных пунктов происходила их передача из одного округа в другой. Например, шесть станиц из 2-го Донского округа были переданы в Царицынский уезд [8, с. 10].

В 1924-1925 г. в казачьих округах губернии проводится регулярный сбор информации о хозяйственном состоянии данных районов и, главное о социальных настроениях и поведении населения. Помимо фиксирования наличия/отсутствия контрреволюционных выступлений, фактов политического бандитизма и политического недовольства, власти обращали внимание на другие стороны общественных настроений, позволявших понять нюансы социального климата. Это, например, отношение к лозунгу «лицом к деревне», проявления сословной вражды между казаками и крестьянами, участия в беспартийных крестьянских конференциях и т.д. [5, л. 17, 22, 48 об., 49 и др.].

Подобные обследования имели большое значение в связи с проведением политики «лицом к казачеству» и ее реализации в Царицынской/Сталинградской губернии. Мониторинг казачьих настроений проводился на протяжении 1924-1926 гг. и позволял получать подробную информацию о состоянии казачьих территорий, а значит держать ее под контролем.

Следует отметить, что переделы казачьих войсковых территорий имели важное значение для формирования настроений казачества, как социальной общности. К началу XX века, казачество относилось к территории своего проживания как к «своей» территории, на которую оно имеет право, как народ-первопоселенец [4, с. 133]. В связи с этим, территориальные переделы нередко воспринимались казаками как попытка лишить их своей земли. Донское

казачество также косвенно, но все же продемонстрировало такое отношение к своей территории. Так, в период проведения политики «лицом к казачеству» возвращение территорий Донской области, переданных в 1920 г. УССР, в состав РСФСР способствовало улучшению взаимоотношений казачества и власти, так как было воспринято, как воссоединение казачества [3].

Впоследствии, уже в период казачьего возрождения в конце XX века идея восстановления целостности казачьей территории как самостоятельной административной единицы и передачи контроля над ней казакам уже всецело развивалась в контексте этнонациональной идеи казачества.

Список литературы:

1. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы). М.: Б.и., 2000.
2. Доклад Сталинградского губисполкома о состоянии советской работы в казачьих округах // ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 874.
3. Перехов Я.А. Власть и казачество. Поиск согласия. Ростов н/Д: Гефест, 1997.
4. Рвачева О.В. «Своя земля»: фактор территории в развитии донского казачества. Исторические, политические и социокультурные аспекты // Новое прошлое. Ростов н/Д, 2020. № 4. С. 130-143.
5. Информационный отчет о состоянии Арчединско-Чернушкинской волости УМО (25.12.1924 – 25.03.1925); Доклад Перекопского волостного исполкома УМО Сталинградской губернии о работе с 25.12.1924 по 25.03.1925 и др. // ГАВО. Ф. Р-1722. Оп. 2. Д. 283.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Режим доступа: <https://istmat.info/node/46028> (дата обращения: 19.09.2021).
7. Список населенных мест Сталинградской губернии. По материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Сталинград: Изд. губисполкома, 1928.
8. Справка по истории административно-территориального деления Волгоградской области. Б.м., Б.и., 1994.
9. Сухова О.А., Филенкова О.А. Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х гг.: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // Новейшая история России. СПб., 2017. № 1. С. 62-77.

Людоровская Т.Ю.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

В статье рассматривается политика советского государства по национальным вопросам и ее реализация на территории Донецкой губернии в 1920-е гг. В этот исторический период на данной территории совместно проживало большое количество этнических групп, которые выработали образцы межэтнического взаимодействия. Анализируется влияние власти на представителей разных национальностей в бытовой, социальной, культурной сферах жизни.

Ключевые слова: национальная политика, Донецкая губерния, русские, украинцы, национальности, коренизация, украинизация.

**NATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE AND ITS
IMPLEMENTATION IN THE TERRITORY
OF DONETSK PROVINCE IN THE 1920S.**

The article analyzes the policy of the Soviet state on national issues, and also considers its implementation on the territory of the Donetsk province in the 1920s. During this historical period, a large number of ethnic groups lived together in this territory, which developed patterns of interethnic interaction. The author analyzes the influence of the authorities on the representatives of these nationalities in the domestic, social, and cultural spheres of life.

Key words: national politic, Donetsk province, Russians, Ukrainians, nationalities, korenization, ukrainization.

Донбасс всегда имел сложную национальную структуру. Кроме русских и украинцев на его территории проживают греки, цыгане, немцы, евреи, армяне и представители других национальностей. Рассматривая процесс осуществления национальной политики советской власти, нельзя оставить без внимания ее последствия для отдельных меньшинств региона.

Целью данной публикации является исследование особенностей проводимой советским государством национальной политики на территории Донецкой губернии в 1920-е гг.

Истории основных этнических групп Донбасса в отечественной историографии уделялось много внимания как в советское время, так и сейчас. Политику коренизации исследовала Н. Красножон и Н.Г. Малярчук [1]. Судьбам отдельных национальностей в изучаемый период посвятили свои работы следующие отечественные ученые: Я.Р. Дашкевич – армянам [2] В.М. Васильчук [3] и А.А. Дынгес – немцам [4], А. Глазовой [5] и А.В. Беликов – цыганам [6], Е.Ю. Сучкова – евреям [7] и т.д. Однако этих исследований недостаточно для глубоко анализа национальной политики, проводимой советским государством на территории Донбасса в указанный период.

Еще в ноябре в 1917 г. после образования Донецко-Криворожской Советской Республики, исполнительный комитет совета ДКСР принял резолюцию, согласно которой следовало «развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской Республики, и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области» [8, с. 47]. Эта установка стала стержневой для руководства ДКСР, вызвав недовольство со стороны руководства Украинской Народной республики.

В 1920-е гг. на территории Донецкой губернии была большая концентрация русского населения, особенно городского. Высокий уровень урбанизации, хозяйственная специфика региона повлияли на его социальную структуру и обусловили преимущество среди русских трудящихся,

работавших в фабрично-заводской промышленности, тогда как в целом по СССР русские, как и украинцы, в большинстве своем были заняты в сельском хозяйстве.

В 1920-е гг. в губернии украинцы избегали работы в горной индустрии, поскольку традиционно ориентировались на работу в других отраслях промышленности, к тому же имела место высокая степень товарности крестьянских хозяйств, смежных с Донецкой губернией украинских регионов, поэтому в этом секторе доминировали русские рабочие. С целью изменения такого важного хозяйственного региона, как Донбасс, правительство УСРР всячески поддерживало иммиграцию русских на территорию Донбасса [8, с. 194].

Именно в 1920-е гг. закладывались основы советской национальной политики, целью которой было привлечение этнических групп к строительству нового социалистического общественного строя, и закреплению в сознании национальных меньшинств доверия к большевистской идеологии.

Стоит отметить, что в первый период введения политики коренизации, а на территории Донецкой губернии в 1920-е гг. осуществлялась политика украинизации, изучение украинского языка в неукраинских и нерусских культурно-образовательных учреждениях сначала было необязательным – вместо него можно было выбрать русский язык.

Впоследствии партийное руководство УСРР осознало, что такое «равенство» не может способствовать успеху украинизации. При фактической необязательности изучения и употребления украинского языка государственными служащими, она так и осталась бы на обочине государственного строительства. Поэтому был осуществлен ряд мероприятий, которые способствовали углублению украинизации, что, в свою очередь, автоматически обострило «русский вопрос».

С нарастающей насильственной украинизацией Донецкой губернии руководству УСРР предъявлялось ущемления прав русского населения, искусственное ограничение сферы применения русского языка, в частности, в учебных заведениях. Именно в это время русско-украинские взаимоотношения, особенно в восточных регионах УСРР, приобрели признаки конфронтации [9, с. 95].

В казацких районах Луганского округа украинизация даже вызвала реакцию в виде призывов присоединиться к Северо-Кавказскому краю РСФСР. Чтобы нейтрализовать возникшее межнациональное напряжение, украинские чиновники прибегли к созданию национальных русских административно-территориальных единиц [10, с. 71].

Заметим, что на первых порах украинизации, русские в УСРР считались особой национальной группой, рассматривались как опора, национальное большинство в союзном масштабе и к национальным меньшинствам не относились. А в 1927 г. резолюцией ЦК КП(б)У «Об итогах украинизации» русские были признаны национальным меньшинством. В резолюции

требовалось обеспечивать культурные интересы русских наряду с другими этническими группами, а за русским языком признавался приоритет по отношению к языкам других этносов. Это объяснялось тем, что русский язык являлся языком большинства трудящихся, работающих в фабрично-заводской промышленности Донбасса. В виде исключения, в некоторых городах Донецкой губернии разрешалось преподавание русского языка в школах, публикация правительственных документов наряду с украинским также и русским языком [11].

На самом деле, партийное руководство стремилось таким образом в условиях политики украинизации сохранить влияние русского языка и культуры не только в украинских городах, но в селах.

Для сдерживания политики украинизации было решено создать русские национальные районы как основное звено национально-административного обустройства русских. И с лета 1927 г. начали действовать 9 национальных русских районов, оформленных в законодательном порядке, из них в Донбассе находились три: Петровский, Сорокинский, Станично-Луганский (Луганского округа). В ряде русских районов, еще до их юридического оформления, были приняты меры по обслуживанию русского нацменьшинства на родном языке [12, с. 82].

Недопустимым было выделение национальных районов в городах Донецкой губернии, где во второй половине 1920-х гг. проживала подавляющая часть русских, учитывая то, что города округа являлись экономическими, политическими и культурными центрами, и выделение русских городов могло привести к разрыву «культурной связи рабочего класса с крестьянством, которое подавляющим большинством было украинское» [13, с. 42].

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. административно-территориальное деление происходило довольно часто и предопределялось большей частью политическими факторами, не отвечая при этом экономическим и социально-культурным интересам населения. Следовательно, последствия осуществления национальной политики советской власти для каждого из этносов, проживавших на территории Донецкой губернии, были разными, и имели свои особенности в воплощении. Тем не менее, можно выделить и тенденциозные закономерности для всех этнических групп. Одной из них была насильственная украинизация всего населения региона. Отсутствие школ с национальным языком обучения делало невозможным знакомство с родной культурой и историческим наследием.

Единственным местом, где люди могли разговаривать на родном языке, была семья. Однако, ввиду политической ситуации в стране в целом, и Донбассе в частности, во время проведения переписей родители (даже в том случае, если ни один из них не был украинцами) должны были записывать своих детей украинцами. Те традиции и обычаи народов, которые не удовлетворяли украинскую власть, насильно запрещались и преследовались

законом. Представители тех национальностей, которые были позже репрессированы, постоянно воспринимались через призму «предателей» и «врагов народа». Антисемитизм приобрел новую силу. Ликвидация церквей всех конфессий на территории Донецкой губернии в 1920-е гг. привела к потере связей представителей национальностей со своим историческим наследием. Все это сопровождалось активной кампанией в средствах массовой информации, направленной на оправдание государственной политики украинизации и формирование новой общности – советского народа.

Список литературы:

1. Красножон Н. Русифікація національних меншин України (1944-1953) / Н. Красножон // Етнічна історія народів Європи. – 2000. – №5. – С.123-125; Малярчук Н.Г. Особливості розміщення російського населення в Донбасі та динаміка його чисельності у 20-30 рр. ХХ ст. // Праці наукової конференції Донецького національного університету за підсумками науково-дослідницької роботи за період 2003-2004 р. – Донецьк: Вид – во ДонНУ, 2005. – С. 69 – 70.
2. Дашкевич Я. Р. Вірмени в Україні: дорогами тисячоліть : зб. наук. пр. / Ярослав Дашкевич ; Львів. від-ня Ін-ту укр. археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України. – Л.: Логос, 2012. – С. 1072-1074.
3. Васильчук В. М. Німці в Україні. Історія і сучасність (друга половина ХVІІІ – початок ХХІ ст.) / В. М. Васильчук; Київський національний лінгвістичний ун-т. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2004. – 341 с.
4. Немцы Украины – жертвы сталинских репрессий, 1929-1955 гг.: сб. док. / Ю.А. Дынгес, сост. А. А. Дынгес ; Донецк. нац. культ. о-во немцев "Видергебурт". – Донецк: Апекс, 2002. – 124 с.
5. Глазовий А. Циганська рапсодія / А. Глазовий // ПіК. – 1999. – № 27. – С. 28-30.
6. Беліков О. В. Державна політика стосовно циганського населення на українських землях / О. В. Беліков // Етніческие сообщества Украины : история, современность, будущее: сб. ст. / під ред. А. А. Дингеса, С. Ю. Кузнецовой. – Донецьк: Апекс, 2006. – С. 159-226.
7. Сучкова О.Ю. Форми прояву антисемітизму в Донбасі в 1920-30-ті рр. // Історичні і політологічні дослідження. – 2004. – № 4 (22). – С.101 – 111; Вовлечение евреев Украины в промышленность Донбасса (1920-30-е гг.) // Тирош – труды по иудаике. Вып.6. – М., 2003. – С.189 – 206.
8. Корнилов В.В. 15 мифов и правда о Донецко-Криворожской Советской Республике // Еженедельник «2000», 2011. – № 8 (547).
9. Малярчук Н.Г. Росіяни в сільських поселеннях Донецької губернії (за матеріалами перепису 1923 року) // Історичні і політологічні дослідження. Матеріали ІV Міжнародної наукової конференції молодих вчених та студентів “Нації та міжнаціональні відносини в історії людства очима молодих дослідників”. – Донецьк: Вид – во ДонНУ, 2003. – № 2. – С. 191 – 197.
10. Малярчук Н.Г. Ставлення російського населення Донбасу до політики українізації (1923-1932 рр.) // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – Донецьк: Вид – во ДонНУ, 2003. – № 2. – С. 93 – 103.
11. Коцур В. Національні меншини в національно-визвольних змаганнях на теренах України 1917-1921 рр.: сучасний вітчизняний науковий дискурс і уроки минулого // Наукові записки, 2018. – Вип. 3-4 (99-100). – С. 64-82.
12. Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦУВК. – 1927. – 19 квітня.

13. Даниленко В. М. Українізація: здобутки і втрати (20-30-ті рр.). Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвідомчий зб. матеріалів наук. пр. Київ, 1992. Вип. 2. – С. 79-91.

14. Хвиля А. Национальный вопрос на Украине. – Харьков, 1926. 54 с.

Сивков М.С.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗГРОМА КАЗАЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ ЗА АВТОНОМИЮ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассматриваются основные этапы борьбы кубанского правительства за автономию области. Поднимаются вопросы взаимоотношений казачества и противоборствующих сторон Гражданской войны. Приводятся факторы, ставшие причиной провала плана по созданию самостоятельной Кубанской республики.

Ключевые слова: Кубанская республика, Кубанская область, Гражданская война, Добровольческая армия, казачество, Деникин, автономия.

Sivkov M.S.

HISTORICAL CIRCUMSTANCES OF FORMATION AND THE DEATH OF THE COSSACK MOVEMENT FOR THE AUTONOMY OF THE KUBAN REGION

This article discusses the main stages of the struggle of the Kuban government for the autonomy of the region. The issues of the relationship between the Cossacks and the opposing sides of the Civil War are raised. The factors that caused the failure of the plan to create an independent Kuban Republic are given.

Key words: Kuban Republic, Kuban region, Civil War, Volunteer Army, Cossacks, Denikin, autonomy.

Становление России в ее сегодняшнем виде, с её границами, историей и культурой, является результатом не только социальных и экономических достижений, но и ряда трагических событий. К числу наиболее значимых мы можем отнести кровопролитную Гражданскую войну 1917–1922 гг., в результате которой к победе пришли большевики, определившие новый путь развития Российского государства на столетие вперед. Однако переход к социалистической формации был выстроен на фундаменте миллионов жертв, погибших или навсегда покинувших страну.

В ходе Гражданской войны успех той или иной стороны в разных регионах во многом зависел от того, кому удавалось получить большую поддержку местного населения. Уже в первые годы конфликта можно было с точностью определить границы влияния большевиков и белого движения. И на этом фоне особо выделялся Причерноморский регион, стремившийся идти своим собственным, третьим путем.

Наиболее драматические события театра военных действий развернулись на территории Кубанской области, политику которой определяло местное казачье население. Казаки стремились к полноценной автономии, отрицая диктаторские лозунги, как большевиков, так и монархистов. Но внутренние противоречия не могли позволить им достигнуть согласия в вопросе самостоятельности Кубани. Причиной конфликта стало разное видение будущего Кубанской области черноморскими и линейными казаками. Первые выступали за присоединение к Украине, вторые видели будущее Кубани лишь в составе единой и неделимой России. Осложняло ситуацию то, что к 1917 году казаки составляли менее половины населения области. Остальные – ущемленные в земле и правах – иногородние, готовые примкнуть к любой, оппозиционной казакам, политической силе [1, с. 402-403].

Внутренние распри руководства Кубанской области позволили большевикам занять и укрепиться в ряде крупных населенных пунктов Кубани. Уже 14 марта 1918 года красные без боя заняли Екатеринодар. Необходимо отметить, что на первом этапе войны казаки занимали нейтральную выжидательную позицию, отказываясь присягать тем или иным силам. Однако за полгода присутствия большевиков в Екатеринодаре, отношение к ним местного населения приобрело резко негативный характер. Все чаще высокопоставленные кубанцы стали озвучивать идеи о необходимости оказать поддержку Добровольческой армии. Эти лозунги нашли широкий отклик среди местного населения. Получив в распоряжение значительное количество казаков армия Деникина двинулась на Екатеринодар. 17 августа 1918 года Екатеринодар был взят Добровольческой армией, которая к тому моменту уже на 70% состояла из кубанских казаков [2, с. 55-59].

К декабрю 1918 года, вопреки политике Деникина, краевая Рада провозглашает переход к демократическому строю и принимает конституцию Кубанской республики, где провозглашаются свободы слова, печати, собраний, неприкосновенность жизни и жилища. Управленческие полномочия возлагаются на Законодательную раду, куда вошли 80 избранных депутатов. Формально и фактически утвердив автономию региона, правительство приступило к решению наиболее острого земельного вопроса: был сформирован земельный фонд, перераспределявший посевные площади в пользу малоземельного населения. Этот факт, а также наличие большого количества плодородной почвы и портов (Новороссийск, Туапсе, Ейск) позволило Кубани, одному из немногих регионов, сохранить уровень экономического развития на довоенном уровне. В записке председателя Кубанской краевой Рады И.П. Тимошенко международной социалистической делегации Грузии отмечалось, что экспорт Республики составляет 1 млн. т. пшеницы, 0,85 млн. т. ячменя, 35 тыс. т. кукурузы, 35 тыс. т. масла, 17 тыс. т. шерсти и 3,5 тыс. т. бензина [1, с. 400].

Утверждение кубанской автономии привело к конфликту регионального руководства с Добровольческой армией. Деникин, убежденный в

необходимости существования единой и неделимой России, стал проводить активную политику уничтожения самостоятельности государственных образований Причерноморья. Поддержку в этом ему оказывали союзники из Антанты, которой, к тому времени был уже занят весь Ближний Восток.

Формальным поводом для начала активных действий по уничтожению кубанской автономии Деникиным стало заключение союзнического договора между кубанским правительством и Горской республикой. В 1919 году, по воле главнокомандующего ВСЮР, были убиты председатели Рады Н.С. Рябовол и А.И. Калабухов, а 12 наиболее влиятельных депутатов со своими семьями отосланы в Константинополь. И.П. Тимошенко подтверждает в своем письме, что данные события происходили при всесторонней поддержке Англии. Несмотря на недовольство местного населения, Деникин продолжает реакционную политику, выдвигая ультиматумы с требованием роспуска Рады. Эти действия приводят к ряду событий, определивших дальнейший разгром Добровольческой армии, в частности, к концу 1919 года тенденция дезертирства казаков стала повальной, в результате чего в ВСЮР их осталось не более 10-15% [3, 106-109]. Уже весной 1920 года большевики снова захватывают власть на Кубани. Но даже в этой безвыходной ситуации, несмотря на угрозы зарубежных союзников прекратить оказывать материальную помощь, кубанцы отказывались поддерживать Деникина. 3 марта 1920 года казаки разорвали все соглашения с Добровольческой армией.

Остатки кубанской армии отступили к Кавказскому хребту, где, закрепившись, стали ожидать помощи от англичан. Вместо оказания реальной поддержки, британцы потребовали у казаков присоединиться к армии генерала Врангеля базировавшейся в Крыму. Это усилило разногласия в казачьих рядах. Многие покорно приняли данное требование и, погрузившись на корабли, отбыли в Крым. Остальные двинулись дальше, ища спасение от наступающей Красной армии в Грузии, но, в итоге, были разбиты. Судьба крымских частей, также оказалась печальной: после окончательного закрепления большевиков на полуострове, остатки армии Врангеля были эвакуированы французским правительством в Турцию. На их содержание выделялся минимум средств и многие гибли от ран, болезней и голода. Лишь в 1921 году, после объявления советским правительством амнистии отдельным категориям военнослужащих, большая их часть смогла вернуться домой. Однако идея создания самостоятельной Кубанской области была предана забвению [2, с. 30-32].

Кубанское правительство совершило попытку встать на путь демократического развития. Однако в борьбе с диктатурой, с противниками инакомыслия даже этот благородный ритм отбивался звоном оружия. Дорогой ценой Кубани обошлись события гражданской войны, но послужили важным уроком для всех остальных: судьбы людей зависят от способности жить в мире друг с другом, невзирая на идеологию и убеждения. Важно помнить, что решения, которые мы принимаем сегодня – неминуемо повлияют на судьбу последующих поколений.

Список литературы:

1. Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917-1920 гг. Сборник документов: в 6 т. / под ред. А.А. Зайцева. – Краснодар: Перспективы образования.
2. Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. / Под ред. С. В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
3. А. И. Деникин. «Очерки русской смуты», книга 4, Вооруженные силы Юга России. Октябрь 1918 г. – Январь 1919 г. Наука, 1991 г.

Чупрынников С.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА КУБАНИ В 1920-Е ГГ.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается процесс организационного становления партийных, советских структур по работе с нацменьшинствами и решение национальных проблем на Кубани, которая являлась специфическим в этом отношении регионом. Отмечается, что украинизация стала неестественным и в определенной степени надуманным процессом. Делается вывод, что создание СССР это геополитический апогей в развитии славянского этноса и прежде всего русских, украинцев и белорусов. Это привело к созданию государств, как высшей формы исторического бытия, у многих национальностей, совершившим в буквальном смысле прыжок в историческом развитии от этапа разложения родоплеменного строя в индустриально развитый технологический уклад.

Ключевые слова: национальная политика, национальные меньшинства, интернационализм, партийные и советские органы, украинизация.

Chuprynnikov S.A.

NATIONAL MINORITIES AND NATIONAL POLICY IN KUBAN REGION IN 1920s: INSTITUTIONAL ASPECT

The article describes process of organizational establishment of party, soviet national minority institutions, and solution to national problems in Kuban region, which in that regard was a special region. It is noted that ukrainization became unnatural and to a particular degree rather strained process. It is concluded that formation of USSR was geopolitical peak in the Slavic ethnic group development, most notably of Russians, Ukrainians and Belarusians. For many nationalities it led to state formation as the highest form of historical existence, because they literally made a leap in historical development from disintegration of tribal system into industrial developed technological formation.

Key words: national policy, national minorities, internationalism, party and soviet institutions, ukrainization.

Создание СССР с исторической точки зрения стало эпохальным опытом решения национальных проблем и сегодня в научной, учебно-методической литературе советская национальная политика определяется неоднозначно: от «уникального опыта» до как «полностью дискредитировавшей себя». Способы постановки национальных проблем и методологии решения их безусловно имеют и историческое и политическое значение и являются актуальными и сегодня. Специфически регионом в национальных отношениях являлся Северо-Кавказский край и, в частности, Кубань.

С первых дней установления советской власти на Кубани партийные и советские органы начинают проводить целенаправленную работу с национальными меньшинствами, которые в отличие от казачьей среды, в разной степени относились сочувственно к советской власти [1, л. 21]. Советская власть отвечала проведением национальной политики с позиций «интернационализма», особенно в начале 1920-х гг. Такой подход, исходя из логики обстоятельств, и в политическом плане, и на научно-теоретическом уровне безоговорочно признавался единственно верным.

Проследим, как проходил генезис партийно-государственных структур, осуществлявших работу по решению национальных проблем.

Сразу же после установления советской власти при областном партийном комитете Кубано-Черноморской области создается интернациональный отдел, а деятельность одной из его секций – мусульманской, передается в ведение секретариата обкома РКП(б) [2, л. 13 об]. Этот факт говорит о том, что национальным проблемам придавалось первостепенное значение. В начале ноября 1920 г. решением бюро КубЧеробкома РКП(б) интеротдел был переименован в отдел по работе среди нацменьшинств [3, л. 158] и влит на правах подотдела в Агитпропотдел областкома с тремя секциями – армянской, горской и венгерской [4, л. 51,79]. Аналогично всё было сделано на местах.

В январе 1921 г. создается эстонская секция, в феврале – горская секция, в мае 1921 г. – немецкая [5, л. 1,16].

В мае 1921 г. была проведена 1-я областная партийная конференция работников нацменьшинств и после неё приступают к организации областного отдела по делам национальностей при облисполкоме [6, л. 2], т.е. при государственном органе. Заведующим отделом был рекомендован видный профсоюзный работник Кубани того времени Я. Георгиади.

Реорганизация, совершенствование (как качественное, так и количественное) отдела по работе с национальными меньшинствами проводилась и впоследствии, на протяжении всех 1920-х – первой половины 1930-х гг. Впоследствии, в октябре 1930 г., после ликвидации округов, при городском комитете ВКП(б) была организована секция нацмен [7, л. 8] в количестве 9, а затем – 11 чел., утвержден внештатный инструктор горкома партии [8, л. 24], а в газете «Красное Знамя» решением ГК ВКП(б) отведен «специальный уголок, посвященный вопросам работы среди национальных меньшинств» [9, л. 33].

Основное направление национальной политики советской власти первых послереволюционных – ликвидации фактического национального неравенства. Эта политика обуславливалась конкретными обстоятельствами места и времени. Она приносила успех, пока соответствовала объективным причинам, пока обстоятельства не изменились.

Однако национальная политика с позиций интернационализма приводила со стороны некоторых нацменьшинств к требованиям, скажем, «завышенного» характера. Характерен в этом отношении пример армянской секции, которая буквально требовала возвести себя в абсолют деятельности партийных и советских структур как регионального, так и союзного уровня и организовать в Северо-Кавказском крае отдельный армянский пединститут [10, с. 82-83].

И такие требования выдвигались в то время, когда армянского населения в Кубанском округе насчитывалось всего около 20 тыс. чел. (из них в г. Краснодаре 13 тыс. чел., причем – 1800 чел. – рабочие, а остальные торговцы, мелкие ремесленники, кустари).

Другим проблемным вопросом национальной политики и к тому же, на наш взгляд, надуманным, являлся, проводимый в 1920-х – начале 1930-х годов процесс так называемой «украинизации», под который даже подводилась ленинская теория национальной политики. Хотя, многие считали её делом «второстепенным или даже третьестепенным». Предложения по его реализации напоминают предложения-требования армянской диаспоры и были изложены в служебной записке на имя секретаря Краснодарского ГК ВКП(б) Белячкова. В ней утверждалось даже, что можно поставить и положительно решить вопрос о Краснодаре, как о главном в украинизации центре развития украинской советской культуры на Северном Кавказе. Предлагался ряд практических мер для реализации этого утверждения, вплоть до прямого партийного руководства развитием украинской культуры в Краснодаре; овладения всей партийной организацией г. Краснодара украинским языком, постепенной украинизации окружной газеты «Красное Знамя»; разъяснения государственными и общественными учреждениям своим служащим необходимости изучения украинского языка и пр. [11, л. 187а].

Негативное отношение к украинизации жестко пресекалось партийными органами, вплоть до исключения из ВКП(б). Процесс украинизации на Кубани завершился в конце 1932 г., причем сам процесс завершения с организационной точки зрения прошел очень быстро.

К работе среди нацменьшинств подключены были и общественные организации, в том числе и профсоюзы, проводившие её в основном через свои клубы, клуб «Нацмен», «Профинтерн», клубы нацменьшинств. Причем, при всех клубах нацменьшинств работа должна была проводиться на их родном языке, для чего решено было принять соответствующие меры по подготовке клубных работников из представителей нацмен [12, л. 5].

В 1920-х гг. работа среди нацменьшинств не отличалась систематичностью и основательностью. Почти полностью отсутствовала связь с периферией, сами массы нацмен не были организованы, отсутствовали организационные структуры, не хватало не только квалифицированных, но и просто добросовестных кадров работников. Основное внимание уделялось выполнению партийных «боевых» заданий, разворачиванию деятельности интернациональных клубов, созданию и организации работы комитетов содействия школам. Кстати сказать, клуб «Нацмен» в это время находился в затруднительном положении: в нем размещались и жильцы, и вопрос об их выселении или о другом помещении для клуба решался, как в 1920-е, так и в 1930-е гг. [13, л. 33].

Слабость работы среди нацменьшинств определялась отношением к ней самих парторганов, которые в большей степени её нередко просто «забалтывали».

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов представителям национальных меньшинств Кубанского округа оказывалась помощь в получении образования и повышении профессионального уровня. Целенаправленно велась работа по обучению детей нацмен. Открывались школы нацмен. Их деятельность определялась и контролировалась партийными и советскими органами [14, л. 34].

В 1920-е годы активно проводилась работа и по такому направлению, как интернациональное воспитание. Распространенной формой в ней были «интернациональные конгрессы», к подготовке и проведению которых привлекались сотни рабочих. В ходе их изучалась история революционного движения отдельных стран, зарождались и крепились интернациональные связи. Делегатами таких конгрессов могли быть только ударники производства.

Таким образом, в первые годы становления советской власти в Северо-Кавказском регионе политика партийных органов по национальному вопросу осуществлялась с позиций интернационализма и направлена была на реализацию режима наибольшего благоприятствования нацменьшинствам. С одной стороны, это прорывное достижение советского режима, позволившее малым народам подняться на качественно более высокий уровень культуры и способствовавшее формированию «новой исторической общности людей – советскому народу» – пожалуй, самой замечательной по своей стратегической креативности доктрине советской эпохи. А с другой стороны, был заложен фундамент для формирования национальной депривации и последующего гипертрофированно обостренного чувства национального самосознания.

В заключение можно сделать вывод о том, что, исходя из логики обстоятельств, создание в 1922 г. СССР как федерации явилось актом прорывным в решении национальных проблем. Советский Союз стал геополитическим апогеем славянского этноса и прежде всего русских, украинцев и белорусов, позволил создать государства как высшую форму исторического бытия у многих национальностей, позволив им совершить

буквально прыжок в историческом развитии от этапа разложения родоплеменного строя в индустриально развитый технологический уклад.

Список литературы:

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИ КК). Ф.1. Оп. 1. Д. 275. Л. 21.
2. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 13 об.
3. Там же. Л. 158.
4. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 51, 79.
5. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 1, 16.
6. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.
7. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.
8. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.
9. ЦДНИКК. Ф.1072. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
10. Чупрынников С.А. Партийно-государственные структуры и общественно-политические организации в решении национальных проблем в 1920-е – начале 1930-х годов // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2010. № 5. С. 82-83.
11. ЦДНИКК. Ф.1072. Оп.1. Д.78. Л. 187а.
12. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп.1. Д. 304. Л. 5.
13. ЦДНИКК. Ф.1072. Оп.1. Д. 26. Л. 33.
14. Там же. Л. 34.

Васильев И.Ю.

УКРАИНИЗАЦИЯ НА КУБАНИ: НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ

Украинизация на Кубани – попытка привить чуждую украинскую идентичность восточнославянскому населению региона путём внедрения украинского языка в делопроизводство, образование и печать, пропаганды украинской этничности. Деятельность украинских активистов на Кубани началась ещё до революции, украинизация имела место фактически с момента установления советской власти в 1920 г. вплоть до свёртывания в 1933 г. Многолетняя государственная политика не могла не оставить достаточно большого числа источников, которые можно использовать для её изучения.

Основную часть корпуса источников по истории украинизации на Кубани представляют из себя документы органов государственного управления, учреждений образования. А также материалы прессы. А также мемуары очевидцев и участников украинизации, краеведческие работы и пр.

Ключевые слова: Кубань, украинизация, пресса, органы государственной власти, учреждения образования, краеведение.

Vasiliev I. Yu.

UKRAINIZATION IN KUBAN: SOME KINDS OF SOURCES

Ukrainization in Kuban is an attempt to instill an alien Ukrainian identity to the East Slavic population of the region by introducing the Ukrainian language into

office work, education and printing, and promoting Ukrainian ethnicity. The activity of Ukrainian activists in the Kuban began even before the revolution, Ukrainization actually took place from the moment of the establishment of Soviet power in 1920 until the curtailment in 1933. Long-term state policy could not but leave a sufficiently large number of sources that can be used for its study.

The main part of the corpus of sources on the history of Ukrainization in the Kuban are documents of state administration bodies and educational institutions. As well as press materials. As well as memoirs of eyewitnesses and participants of Ukrainization, local history works, etc.

Key words: Kuban, Ukrainization, the press, state authorities, educational institutions, local history.

Украинизация на Кубани – попытка привить чуждую украинскую идентичность восточнославянскому населению региона путём внедрения украинского языка в делопроизводство, образование и печать, пропаганды украинской этничности. Деятельность украинских активистов на Кубани началась ещё до революции, украинизация имела место фактически с момента установления советской власти в 1920 г. вплоть до свёртывания в 1933 г. Многолетняя государственная политика не могла не оставить достаточно большого числа источников, которые можно использовать для её изучения.

Имеют место мемуары и путевые дневники украинских писателей Кубани, опубликованные В.К. Чумаченко в журнале «Родная Кубань». Они содержат важные сведения как о литературной жизни региона, так и о социально-политической ситуации и этнографических реалиях. Здесь затронута повседневная жизнь станиц, деятельность местного аппарата государственной власти, столкновение традиций и современности в образе жизни станичников периода проведения украинизации [1].

Других опубликованных источников по теме украинизации в регионе относительно мало. Это, прежде всего, сборник документов «Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани», в котором можно найти общие описания деятельности украинского национального движения периода Гражданской войны и первых мероприятий советской украинизации. Имеются статистические данные о степени украинизированности школ Кубани. Приведены примеры саботажа украинизации и мер борьбы с ним. К сожалению, данный сборник документов не полон и имеет весьма небольшой объём. В нём недостаточно освещена культурно – просветительская и партийная работа по линии украинизации, материалы партийных органов, описывающие украинизационные мероприятия [2].

Среди мемуарных источников нужно особо отметить воспоминания известного этнографа – кавказоведа Л. И. Лаврова, школьные годы которого прошли в станице Пашковской. В них описана ситуация противостояния украинских националистов и белого правительства, отношение простых казаков к заметным фигурам, олицетворявшим политические направления [3].

Отдельно среди источников нужно обозначить краеведческие публикации. Среди краеведческих работ нужно особо отметить статью краеведа-журналиста В. Харченко «Мы начинали на хохляцком и первый трактор был «Фордзон». В ней описана украинизация в отдельно взятом районе (Северском). В статье показан тот культурно – политический контекст, в рамках которого проходила украинизация, прежде всего украинизация местной прессы, потом образования и делопроизводства [4: С. 3].

Особый интерес представляет кубанская пресса. В ней зафиксированы решения местных властей по вопросам украинских школ и культурных учреждений, рассказывается об украинских культурных мероприятиях. На страницах газет находил своё отражение интерес кубанцев к событиям на Украине [5]. Самое информативное издание из них – «Вольная Кубань» [6: С. 2; С. 4]. Можно назвать и другую газету – «Свободная Кубань». В этих изданиях украинской тематике уделялось особенно много внимания. Порой это внимание было непропорционально большим. Дело в том, что в руководство «Свободной Кубани» входили такие видные украинофилы, как В. В. Скидан. Они старательно рекламировали все, связанное с украинским национальным движением на Кубани и на Украине. Так, событиям в Киеве иногда целиком отдавалась рубрика «По нашему краю» [7].

В изданиях советского периода отражены мероприятия украинских культурных организаций, ход украинизации, проблемы, возникавшие в ходе ее проведения [8: С. 4; С. 5]. Это такие газеты, как «Красное знамя» (г. Краснодар) и «Армавирская коммуна» (г. Армавир) [9: С. 4]. Можно отметить также издававшуюся в Ростове-на-Дону газету «Молот». В ней освещены официальные директивы и мероприятия, имевшие отношение к украинизации [10: С. 3]. Все они отличаются ярко выраженной политической ангажированностью. Это в первую очередь необходимо учитывать при анализе их материалов.

Что касается украиноязычной прессы постсоветского периода, то с начала 1996 до 2007 г. выходила газета «Вісник» самиздатовского типа (до 2005 г. вышло 44 номера). В газете печатались сообщения о мероприятиях, проводимых современными украинофилами, анонсы и отчёты [11: С. 2; С. 6], а также интересные исторические и литературоведческие заметки, такие как статьи к юбилеям украинских писателей конца XIX – начала XX в., преимущественно авторства В.К. Чумаченко [12: С. 610]; публиковались архивные документы о жизни и деятельности кубанских украинофилов конца XIX – начала XX в. и архивные материалы по украинизации Кубани, например системы образования [13: С. 3]. В первой половине 1990-х гг. выпускалось украиноязычное приложение к газете «Вольная Кубань». В тот же период издавалась газета «Казацкое слово». Газета была самиздатовской, выпускалась крайне небрежно и на очень плохой бумаге. Позиция ее редакции – это специфический пример одновременно казачьего и украинского национализма [14: С. 1].

Именно среди газетных публикаций автором было введено в научный оборот достаточно большое число новых источников.

Материалы Государственного архива Краснодарского края периода Гражданской войны содержат сведения о действиях и мировоззрении украинфилов – самостийников, отношении к ним рядовых кубанцев. Они отражают и досоветские попытки украинизации кубанских школ, а также ее украинизацию при советской власти [15]. Это фонд № Р-5 «Ведомство Народного образования Кубанского краевого правительства», фонд № Р-158 «Кубано-Черноморский краевой революционный комитет», № 470 «Дирекция народных училищ Кубанской области», № Р-861 «Первая украинская школа № 12», № Р-1542 «Кубанская законодательная Рада», № Р-1577 «Исполнительная комиссия Приморско-ахтарского районного совета депутатов трудящихся», № Р-1682 «Коллекция документов писателей и журналистов Кубани».

В фондах архива также можно найти разнообразную информацию о различных сторонах деятельности украинских учебных заведений Кубани, таких как украинский педтехникум в станице Полтавской, Первая украинская советская школа № 12 [16: Л. 10; Л. 26; Л. 45 – 79; Л. 2]. Есть и немногочисленные дела начала 1930-х годов по украинизации некоторых учреждений народного хозяйства [17: Л. 3 – 16; Л. 13].

Архивные материалы Центра хранения документации по новейшей истории Краснодарского края дают наиболее полное представление об этапах украинизации, мерах, направленных на ее проведение и о проблемах, с которыми сталкивались при её реализации. Это такие фонды, как фонд № 1 «Кубано-Черноморский обком ВКП(б)», № 8 «Кубанский окружной комитет ВКП(б)», № 9 «Черноморский (Новороссийский) комитет ВКП(б)», № 12 «Армавирский окружной комитет ВКП(б)», № 1774-Р «Коллекция документов по истории Кубани», № 1776 «Азово-Черноморская краевая (национальная) совпартшкола им. Сталина» [18].

Таким образом, основную часть корпуса источников по истории украинизации на Кубани представляют из себя документы органов государственного управления, учреждений образования. А также материалы прессы. А также мемуары очевидцев и участников украинизации, краеведческие работы и пр.

Список литературы:

1. Лавров Л.И. Канун революции и Гражданская война на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.
2. Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая.
3. Александрова В.П. История станицы Полтавской (Красноармейской). Новороссийск, 2002.
4. К выпуску украинского букваря // Листок войны. 1917. № 1001.

5. Старолеушковская // Вольная Кубань. 1917. № 11. Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. 1917. № 3.; Казак. Станица Старокорсунская // Вольная Кубань. 1917. № 6.
6. Гродескул Н.А. Поддержим украинскую национальную революцию // Свободная Кубань. 1917. № 4; По нашему краю // Свободная Кубань. 1917. № 8.
7. Робитничья просвита // Красное знамя. 1920. № 30; Ясенцы за украинизацию не дбают // Ударник колхозу. 1932. № 57.
8. Ем. Разумеенко. У украинских пролитписателей // Красное знамя. 1929. № 228; Компания расширяется // Армавирская коммуна. 1930. № 152.
9. Б. И. Закончилось краевое совещание по работе среди нацменьшинств // Молот. 1932. № 3166.
10. Телелейко Т. Живі струни України // Вісник. 2001. № 3.
11. Чумаченко В. В. Мова (Лиманський) – шевченкознавець // Вісник. 1998. № 1. С. 2; Чумаченко В. К. Редкое фото // Вісник. 2001. № 2.
12. Чумаченко В.К. Вісник товариства української культури Кубані // Енциклопедія сучасної України в 25 томах. Т. 4.
13. Біла Е. Рідна школа // Вісник. 1998. № 3.
14. К читателю // Козацьке слово. 1991. Жовтень. № 1.
15. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК.) Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 58; ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 96.
16. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 9; ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 13; ГАКК. Ф. Р – 696. Оп. 1. Д. 73; ГАКК. Ф. Р – 365. Оп. 1. Д. 574.
17. ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94; ГАКК. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 94.
18. Центр хранения документации по новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп 1. Д. 408.

Яхутль Ю.А.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АДЫГЕЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Статья посвящена становлению национальной государственности Адыгеи в начале 1920-х гг. Отмечено, что формирование государственности Адыгеи требовало всестороннего учета социально-политических, национальных и экономических факторов. Определены сложности и противоречия в национально-государственном строительстве в Адыгее. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью объективной оценки строительства государственной власти на местах малочисленных народов Северо-Западного Кавказа на начальной стадии формирования Союза ССР.

Ключевые слова: Адыгея, адыгейцы, национально-государственное строительство, РСФСР, автономия.

Yakhutl Yu.A.

NATIONAL-STATE CONSTRUCTION IN ADYGEE AT THE BEGINNING OF THE 1920s.

The article is devoted to the formation of the national statehood of Adygea in the early 1920s. It is noted that the formation of the statehood of Adygea required a

comprehensive account of socio-political, national and economic factors. The difficulties and contradictions in the national-state construction in Adygea are determined. The relevance of the chosen topic is due to the need for an objective assessment of the construction of state power in the places of the small peoples of the North-West Caucasus at the initial stage of the formation of the USSR.

Key words: Adygea, Adygeans, national-state construction, RSFSR, autonomy.

Современная российская историческая наука по-прежнему проявляет большой интерес к истории строительства многонационального союзного государства – Союза Советских Социалистических Республик. Российская Федерация остается многонациональным и многоконфессиональным государством, где вопросы межнациональных отношений закреплены в новой редакции Конституции 2020 г. (глава 2 ст. 19, 26) [1].

Тенденция к объединению советских республик проявилась в период гражданской войны и активно развивалась, и поддерживалась в начале 1920-х гг. высшим руководством РКП(б). В основе этих соглашений были экономические и политические интересы, реализованные посредством союзных договоров, а одним из первых было соглашение между РСФСР и Украиной [2, с. 186–187].

Национально-государственное строительство в Адыгее началось с завершением активной фазы Гражданской войны на Юге России. По состоянию к началу 1920-х гг. в Кубано-Черноморской области адыгейцы компактно проживали в Екатеринодарском (31 аул), Баталпашинском, Майкопском (13 аулов) отделах, Туапсинском округе (9 аулов). Общая численность черкесов составляла более 100 тыс. чел. [3, 69].

Революционные события не могли не оказать влияние на рост национального самосознания адыгского народа. Но начало национально-государственного строительства осложнялись наличием ряда объективных причин, и в первую очередь, низким уровнем развития сельского хозяйства и отсутствием национальных кадров, способных осуществить намеченные цели, первичных партийных и советских органов. Свое негативное отношение к процессу национально-государственного строительства адыгейцев демонстрировало руководство Кубано-Черноморской области, но не было единства и среди адыгского народа. Национальная интеллигенция, священнослужители по-своему видели государственное строительство, что уже на начальном этапе формировало конфликтность в южнороссийском обществе.

Очередной шаг к автономии был сделан на I съезде трудящихся адыгейцев, проходивший в Екатеринодаре 11–15 августа 1920 г. В работе съезда приняли участие 84 делегата. Главным решением съезда стало создание Горской секции при Кубано-Черноморском ревкоме. А на II съезде трудящихся горцев, проходивший с 2 по 8 марта 1921 г., был рассмотрел вопрос создания

Горского исполкома с правами губернских исполкомов, имеющем своего представителя в Наркомате по национальным вопросам. Эти решения были обусловлены необходимостью формирования первичных структур государственной власти в местах компактного проживания адыгейцев. При этом следует учесть, что в имперский период возможности реализации и защиты национальных интересов у коренного населения Северо-Западного Кавказа не было. И как отмечают исследователи были существенные преграды по формированию национальной интеллигенции и развитию просвещения [4, с. 445].

Вопрос о выделении адыгейцев из состава Кубано-Черноморской области в самостоятельную автономную область был рассмотрен 6 декабря 1921 г. на пленуме Горского исполкома, а в последующем был внесен в повестку дня III горского съезда, который проходил 7–12 декабря 1921 г. Однако процесс государственного и советского строительства и осуществление мер по национально-государственному устройству сталкивался с многочисленными трудностями, обусловленными особенностями казачьего региона, формируя конфликтность не только на уровне Кубано-Черноморского и Горского исполкома, но и сельских обществ при решении земельных вопросов. Этими обстоятельствами во многом можно объяснить столь запоздалое решение о создании Адыгейской автономии, в то время как на Северном Кавказе (кабардинцы, черкесы) уже имели статус автономии.

Руководство Горского исполкома вынуждено было пройти сложный путь национально-государственного строительства. Была создана специальная комиссия ВЦИК РСФСР, посетившая практически все населенные пункты, которые предполагалось включить в новую автономию. По итогам работы комиссия пришла к выводу о возможности выделения территорий с черкесским населением в автономную область. Завершающим этапом стало решение Президиума ВЦИК от 27 июля 1922 г. о выделении из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, населенную черкесами (адыгейцами). Второе решение Президиума ВЦИК от 24 августа 1922 г. было связано с необходимостью избежать путаницы, происходящих от смешения в разных ведомствах Карачаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей, в результате чего новую национальную область переименовали в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область.

Так, впервые адыгейцы приобрели государственность, в состав которой вошли 45 аулов. Следует признать, что это решение носило половинчатый характер, так как единство народа было нарушено и в состав Адыгейской автономной области не вошли 7 аулов с компактным проживанием причерноморских шапсугов.

Властные полномочия и вопросы государственного строительства были возложены на Горский исполком, который приступил к формированию местных органов власти. Вовлечение в государственное, советское

строительство горского населения становилось приоритетной задачей, но решение этой проблемы сталкивалось с отсутствием подготовленных национальных кадров. Для решения кадрового вопроса было достигнуто соглашение с Кубчерисполкомом о направлении на учебу черкесов. Этот проект был реализован в 1923–1924 гг., но на учебу удалось направить небольшое количество представителей местной национальностей [5, с. 43].

Процесс национально-государственного строительства требовал и проведение административной реформы и территориального размежевания с Кубано-Черноморской областью (Кубанский округ). Область была поделена на 2 округа и 14 волостей. Был упразднен Ширванский округ, остались Псекупский и Фарсский. Очередная административно-территориальная реформа совпала с выборами в местные Советы в октябре–ноябре 1924 г. Главная задача районирования для Адыгеи состояла в возможности активного участия населения в решении вопросов местного (экономического, политического характера) значения и приближении органов власти к населению. Актуальным оставался вопрос ослабления влияния религиозных деятелей. Внесенные изменения оказали положительное влияние на советское строительство и начавшееся восстановление сельского хозяйства, основы местной экономики.

Национально-государственное строительство в Адыгее в начале 1920-х гг., завершившееся получением статуса национальной автономии в составе РСФСР, положило начало процессу возрождения и развития адыгейского этноса. Новый статус позволил горцам сохранить свою национальную культуру и самобытность, получить новые возможности в развитии искусства, литературы, институтов власти, а в последующем и модернизацию в рамках социалистической индустриализации и коллективизации. Народ не растворился среди других в Советской России, сохранив свою самобытность, продолжил поступательно развиваться.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 год – URL <http://duma.gov.ru/news/48953//> (14.08.2021).
2. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 4 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / Под ред. Пospelова П. Н. – Москва: Политиздат, 1970. – 663 с.
3. Мекулов Д. Х. Национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденции // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). – Майкоп, 1992. – 306 с.
4. Очерки истории Адыгеи. / Отв. ред. Бушуев С.К. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957. – 445 с.
5. Меркулов Д.Х., Удычак Ю.Ю. Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспектива. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. 2009. – 304 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИИ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ¹

В статье, на примере армянского населения Юга России, рассматриваются особенности реализации национальной политики Советской власти, предусматривавшей на начальном этапе создание национальных административно-территориальных единиц. В местах компактного расселения армян были созданы два национальных района: Армянский на Кубани и Мясниковский на Дону и ряд национальных сельских советов, где происходил процесс перевода делопроизводства на национальный язык, развитие национальных школ и др. Это в свою очередь стимулировало миграции армян в эти районы, как организованные, так и стихийные, которые привели к перераспределению населения.

Ключевые слова: миграция, армянское население, национальная политика, национальные районы, национальные сельские советы, интеграция.

Rakachev V.N.

NATIONAL POLICY OF SOVIET POWER AND ITS IMPACT ON MIGRATION OF THE ARMENIAN POPULATION SOUTH OF RUSSIA

The article, using the example of the Armenian population of the South of Russia, examines the peculiarities of the implementation of the national policy of the Soviet government, which envisaged at the initial stage the creation of national administrative-territorial units. In the places of compact settlement of Armenians, two national regions were created: Armenian in the Kuban and Myasnikovsky on the Don and a number of national village councils, where the process of transferring office work into the national language, the development of national schools, etc. took place. This, in turn, stimulated the migration of Armenians to these regions. both organized and spontaneous, which led to the redistribution of the population.

Key words: migration, Armenian population, national policy, national districts, national village councils, integration

В результате революционных преобразований 1917 г. в России и установления советской власти, большевиками была пересмотрена модель национальной политики, в основу которой был положен принцип самоопределения народов. Правовая основа данного политического курса была заложена первой в истории страны Конституцией, принятой 10 июля 1918 г. на V Съезде Советов и закрепившей федеративное устройство РСФСР по национальному принципу. В тоже время национально-территориальная

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-05019.

структура республики не была определена и должна была формироваться постепенно, по мере политического и культурного развития народов.

С созданием Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г. на повестку дня был поставлен вопрос о новой системе национально-территориальной организации государства. Для народов страны в зависимости от численности, территории проживания, степени культурного развития и других факторов предусматривались разные формы автономии: советская социалистическая республика, автономная советская социалистическая республика, автономная область, национальный округ, национальный район, национальный сельский совет.

В местах компактного проживания отдельных народов начался активный процесс формирования национальных районов и сельских советов. Традиционно полиэтничные регионы Юга России, административно в 1920-е гг. входившие в состав Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону (за исключением Дагестанской АССР), также включаются в этот процесс.

Здесь, на сравнительно небольшой территории проживало несколько десятков народов имевших как автохтонное, так и переселенческое происхождение. К числу старожильческих народов Юга России относится и армянское население, которое исторически формировалось в нескольких миграционных волн, имевших разное происхождение и территорию исхода. В результате здесь сложились несколько армянских групп:

1) черкесские армяне (черкесогаи), представлявшие собой субэтническую группу армян, вероятнее всего выходцев из Крыма [1, с. 21], на этнокультурное развитие которых оказали влияние как армянские, так и кавказские компоненты. Проживая в районе Средней Кубани, преимущественно в сел. Армавир и его окрестностях, они представляли группу влиятельную в экономическом, но не значительную в демографическом отношении.

2) донские (нор-нахичеванские) армяне – являлись по преимуществу выходцами из Крыма, переселившимися на Дон в конце XVIII – начале XIX вв. в ходе переселенческой политики российского государства [2, с. 9].

3) кубанские армяне – значительная по численности группа армянского населения, проживавшая на Кубани и в Черномории. Это по преимуществу амшенские и трапезундские армяне – беженцы с территории Османской Империи расселившиеся на этих территориях во второй половине XIX в. [3, с. 64].

В ходе реализации национальной политики в сер. 1920-х гг. было решено в границах Северо-Кавказского края создать два армянских национальных района: на Кубани и на Дону.

Постановлением ВЦИК от 12 апреля 1926 г. в Майкопском округе был образован Армянский национальный район. Границы района в течение года находились в состоянии оформления, в его состав были включены сельсоветы: Елизаветпольский (Шаумянский), Гойтхский, Гунайский, Кубано-Армянский,

Черниговский, Тенгинский и Садовский (позже также и Тубинский). [4, с. 22]. Центром района стало село Елисаветпольское, в 1936 г. переименованное в село Шаумян.

На территории Армянского национального района по данным переписи 1926 г. проживало 8148 чел. [5, с. 47], 67,3% из которых составляли армяне. Всего армянского населения на территории Кубани проживало в Майкопском округе – 9,8 тыс. чел., в Кубанском округе – 21 тыс. чел., в Армавирском – 19,2 тыс. чел., в Черноморском – 27,7 тыс. чел. [5, с. 47].

На Дону образование армянского района происходило вокруг гор. Нахичевань-на-Дону (Нор-Нахичевань), имевшего длительную историю в качестве своеобразного центра армянской культуры и самоуправления, и расположенного в непосредственной близости от крупного административного и промышленного центра на Юге России Ростова-на-Дону. Созданный 10 мая 1926 г. на Дону армянский национальный район получил название Мясниковского, в честь видного советского политического и государственного деятеля, уроженца Нор-Нахичеваня А.Ф. Мясникова (Мясникяна), трагически погибшего в 1925 г. Район включал в свой состав населенные пункты: Больше-Сальск, Несвитай, Султан-Салы, Крым, Крестовоздвиженское, Чалтырь, х. Сарнов, Гауризанкар. Центром района до 1928 г. был г. Нахичевань-на-Дону, затем село Крым, а с 12 сентября 1929 г. село Чалтырь [6, с. 230]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Мясниковском районе проживало 25047 чел. [5, с. 47].

Армянское население в Мясниковском районе по данным на 1931 г. насчитывало 26,1 тыс. чел. (96% всех жителей района), тогда как в Армянском районе проживало 8,8 тыс. армян (76% всех жителей района) [7, с. 118–121].

Национальный район был особой компактной единицей, образуемой в местах компактного проживания национального меньшинства. Административное управление, суд, обучение в школах и культурно-просветительская деятельность в национальных районах сначала осуществлялись на языке национальной группы, образовавшей район и составлявшей большинство его населения.

В период существования национальных районов в них открывались национальные школы и клубы, делопроизводство переходило на национальные языки, на которых велось также преподавание в школах и техникумах, издавались газеты, журналы, учебная и художественная литература. Так в Мясниковском районе издавалась газета «Мурч-Мангаха», являвшаяся единственным армянским печатным изданием на Юге России. Национальные кадры широко привлекались в местные органы власти, возглавляли различные учреждения и предприятия. Широкое развитие получило народное творчество, действовали фольклорные коллективы [8].

Институционально в вопросе подготовке национальных кадров более «подготовленным» был Мясниковский район, в Нор-Нахичевани еще до революции существовали благотворительные и просветительские учреждения,

мужские и женские гимназии, приходские училища при армянских церквях, типография и др. [2, с. 10]. Армянский район на Кубани в основном объединял ряд сельских населенных пунктов в значительной мере удаленных от крупных городов, в первую очередь от центра Кубани – Краснодара. Это сказывалось на распространении родного языка в делопроизводстве – недостаток квалифицированных кадров в Армянском районе на Кубани способствовал привлечению на работу не только армянского, но и русского населения, что в свою очередь отразилось на знании и распространении национального языка.

Создание национальных районов в определенной степени повлияло на направление внутрирегиональных миграций, хотя широкого масштаба им не придало. В отдельных случаях миграции принимали межрегиональный характер. В ходе подобных перемещений представители определенных этнических групп переселялись во вновь образованные национальные районы.

В то же время на примере двух армянских районов можно отметить определенные отличия. Численность населения Мясниковского района увеличивалась, происходила концентрация армянского населения. Армянский национальный район на Кубани, находясь на периферии экономической и социокультурной жизни, не стал центром притяжения армянских мигрантов. Однако при этом статистические источники показывают, что в расселении армян на Кубани в 1920–1930-е гг. произошли заметные изменения. В два раза сократилась численность армян в Краснодаре и Армавире, и значительно возросла в Адлерском и Геленджикском районах, армянское население перемещалось на Черноморское побережье [9, с. 71].

Новый этап советской национальной политики связан с принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. Политика государства в национальном вопросе меняется в сторону унификации. Прежде поддерживаемые национально-территориальные образования (районы, сельсоветы) теперь становятся «пристанищем контрреволюционеров и агентов иностранных разведок». Для их ликвидации готовится соответствующая база, фабрикуются дела о национальных контрреволюционных организациях, шпионской деятельности на территории национальных районов и пр. Вместе с тем в Армянском национальном районе, вероятно вследствие его удаленности, репрессии не приняли широкого масштаба. В справке секретаря Краснодарского крайкома ВКП (б) В. Ершова от 1938 г., подготовленной к заседанию бюро Краснодарского краевого комитета ВКП(б) в связи с ликвидацией национальных районов и сельсоветов и реорганизации национальных школ было отмечено, что «армянские школы остаются, никакой реорганизации не будет» [10].

К 1939 г. численность населения национальных районов составляла: Армянского – 15,9 тыс. чел., из них армян 7,4 тыс. чел. (в том числе 661 чел. в районном центре с. Шаумян), Мясниковского – 24,9 тыс. чел., из них армян 17,5 тыс. чел. (в том числе 7,6 тыс. в районном центре с. Чалтырь). При этом в целом на Кубани численность армянского населения в сравнении с 1926 г.

снизилась на 20% и составила в 1939 г. 58,2 тыс. чел. В Ростовской области, напротив, их численность с 1926 г. по 1939 г. выросла на 6% и составила 49,3 тыс. чел. [11].

Среди всех национальных районов региона армянские районы оказались наибольшими «долгожителями». Армянский национальный район на Кубани просуществовал до 1953 г. Мясниковский район был ликвидирован в 1963 г. путем объединения с Неклиновским районом Ростовской области, но в 1965 г. был вновь восстановлен, хотя уже не в статусе национального [13, с. 134].

Таким образом, процесс создания национально-территориальных районов: Мясниковского (армянского) на Дону и Армянского на Кубани национальных районов сыграл важную роль в вопросе консолидации армянского населения региона, развития национальной культуры, языка, стимулировал также миграционные процессы, имела определенные этнодемографические последствия.

Вместе с тем, миграционные процессы в районах в период существования национальных районов характеризовались разной степенью интенсивности. Мясниковский район с достаточно развитыми традициями образования и формами организации в большей мере способствовал притоку армянского населения, чем Армянский район, расположенный на периферии экономической и социально-политической жизни Кубани, миграционные потоки армянского населения здесь были направлены в сторону приморских городов.

Список литературы:

1. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 240.
2. Акопян В.З. Дискуссия по вопросу об административном центре Мясниковского района (1920- гг.) // Гуманиарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 8–13.
3. Минасян М. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1977. № 1. С. 64.
4. Тверитинов И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 22.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.
6. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. 288 с.
7. Административно-территориальное деление Союза ССР: районы и города СССР. М.: Изд-во «Власть Советов», 1931 С. 118–121.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 108. Д. 651. Л. 18об., 19об.
9. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX в.: историко-демографическое исследование. В 4 т. Т. 2. 1930–1950-е гг. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. 267 с.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 560. Л. 37.
11. Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и

Ставрополье в 1920–1930-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ростов-на-Дону. 2021. 701 с.
12. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1986. 394 с.

Вишнякова Н.Е.

СУДЬБА НЕМЕЦКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ВЛАСТИ 1917–1920 ГГ.

В данном исследовании отражен процесс изменения формы собственности немецких землевладельцев в условиях смены власти. Немецкие поселенцы понесли экономический урон в условиях начавшейся экспроприации земельной собственности.

Ключевые слова: Немецкие землевладельцы, Таврическая губерния, формы собственности.

Vishnyakova N.E.

FATE OF GERMAN LAND OWNERSHIP IN CONDITIONS CHANGE OF POWER 1917-1920

This study reflects the process of changing the form of ownership of German landowners in the conditions of a change of power. German settlers suffered economic damage in the conditions of the expropriation of land property that began.

Key words: German landowners, Tauride province, forms of ownership.

Исторические потрясения, сопровождавшие смену формы землевладения в Таврической губернии после принятия узаконений в 1915 г. и дальнейшего их временного приостановления в 1916 г. не завершились, после революционного 1917 г. так или иначе они повлияли на ход исторических процессов, активизировали ликвидационный процесс.

До февраля 1917 г. судьба всех землевладений этнических немцев Крыма решалась в русле действий законов «О сокращении немецкого землевладения». В этом ключе подлежали изъятию «рабочий скот, орудия труда, запасы сена, топливо...» [4, с. 58-70]. Приведем выдержки из оценочной описи мертвого инвентаря, который в 1917 г. поступил в продажу Крестьянского поземельного банка имения И.Д. Шнайдера: «...солома озимая для топлива – 5 кг; хворост – 1 г; замки – 10 шт; керосин – 1125 фунтов веса (510 кг.)» [8]. Оценочная опись подтверждает то, что изъятию подлежал даже не представляющие большую ценность вещи, предметы быта и тд. у немцев, тем не менее подобная политика приводила к разорению немецких хозяйств.

Опираясь на статистические данные, следует отметить, что до 1 февраля 1917 г. в Таврической губернии было продано 156 имений русско-подданных колонистов. 90% проданных немцами земель перешло к Крестьянскому банку. В подтверждении этому можно привести газетные объявления за 1917 г.,

которые сообщали о продаже немцами земли [2]. Так, в газете «Таврические ведомости» за 1917 г. содержатся следующие сведения: при деревне Шибань Сакской волости – 810 дес. со строениями и инвентарем за 124 000 руб., имение И.С. Боша при деревне Бахчи-Эли, Аджи-Эли Симферопольского уезда – 51 дес. со строениями и инвентарем за 7700 тыс.руб., имение Х.П. Вейса при деревне Тау-Чуюнча – 75 дес. за 4 900 руб., имение А.И. Пфейфер при деревне Аргин – 85 дес. за 8300 тыс. руб., купленные Крестьянским поземельным банком [12]. Покупали немецкие хозяйства и частные лица. Участок И.Ф. Эбиндера при деревне Мамашай – 60 кв. саженей со строениями за 7060 тыс. руб. куплен Сервуленко; участок Ф.М. Вейтмана при деревне Сарчи-Кият – 468 саженей со строениями за 3200 тыс.руб. куплен судебным приставом Рихтером; усадьба А.Ф. Динцера при деревне Бахчи-Эли и Богдановке – 574 саженей со строениями за 30000 тыс. руб. продана Г.Л. Спендиарову.

Революцию 1917 г. немцы встретили неоднозначно. Одни – враждебно, другие – сочувственно. Это зависело в основном от социально-экономического положения вышеуказанных. После 1917 г. в изменении форм собственности у крымских немцев начался процесс национализации земель, который в полном объеме развернулся в начале 1920-х гг. Экономии крупных землевладельцев были национализированы при условиях кардинальной смены форм государственного управления в пределах бывшей Российской империи [3, с. 194-197].

30 ноября 1918 г. немецкие оккупанты ушли из Крыма, а на смену правительству Сулькевича пришло правительство крупного землевладельца Соломона Крыма. Крым на определенное время был занят белогвардейскими частями [10]. Этот этап сменился вновь приходом советской власти в апреле 1918 г., продолжившей проведение в жизнь начатых социалистических преобразований, проявившихся в изъятии хлеба у кулаков, выявлении продовольственных ресурсов для нужд фронта, налаживании учета и распределения. Как пример, в Евпаторийском уезде в мае было реквизировано свыше 262,2 тыс. пудов хлеба [13, с. 69]. По архивным данным, на примере экономии Чеботары Шлее, можно выделить, что немецкие имения также подлежали ревизиям, а имущество подлежало инвентаризации и описям.

Приведенные данные фиксируют тот факт, что в сравнении с 1918 г. живой инвентарь немецких землевладельцев сократился более чем в 10 раз в 1919 г., что было вызвано и действиями декретов советской власти, а также крестьянскими захватами и первыми шагами национализации на крымской земле.

В конце июня 1919 г. Крым второй раз оказался под властью белогвардейцев. На территории Крыма действовала власть генерала А.И. Деникина, который возглавлял Добровольческую армию Юга России. Под его руководством были проведены попытки изменений в области земельного вопроса. По фондам ГАРК, генералом было отмечено следующее:

«...государственная польза России властно требует возрождения и подъема сельского хозяйства, полного разрешения земельного вопроса страны и составление земельного закона» [8]. На основании указаний главнокомандующего генерала-лейтенанта А.И. Деникина в 1919 г. были приняты Временные правила «О сдаче в аренду полевых угодий в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего вооруженными силами Юга России». В данном документе содержалось следующее «...те общества, земельные товарищества, пользовавшиеся в 1919 г. земельными угодьями по словесным договорам, могут пользоваться землей еще до одного сельскохозяйственного периода, то есть до урожая 1920 г.» [9]. Данные предписания касались непосредственно крупных немецких хозяйств, так как крестьяне с приходом советской власти в 1919 г. вновь стали собственниками их части земель на правах аренды, однако решением А. Деникина эта аренда ограничивалась до определенного периода и предусматривала возвращение бывшим владельцам. Следующим шагом стало принятие белогвардейской властью «Приказа о земле», по которому предписывалось, что «лица и общества, самовольно захватившие поля, огороды, луга или сенокосные угодья или получившие таковые по распоряжению советской власти, собравшие урожаи хлебов, в 1919 г., обязаны уплатить владельцам земли за десятину по 200 руб. [10].

В этом ключе можно смело утверждать, что белогвардейская власть стремилась восстановить крупное землевладение, при этом учитывала мнение крестьян. Процесс коллективизации 1920–1930 гг. тоже коснулся немецких землевладельцев, так как по данным Всероссийской переписи населения 80% из них были середняками и зажиточными крестьянами. Политика раскулачивания и экспроприации собственности населения охватила немецкие хозяйства, которые причислялись к «кулацким». По сравнению с дореволюционной ситуацией, в 20-е гг. были сокращены в два раза. На моменты установления советской власти в Крыму немецкие колонисты по уровню жизни во всех его проявлениях значительно выделялись относительно других земельных владельцев. Но в 20-е гг. именно это благополучие сыграло с крымскими немцами «злую шутку», обенувшись не только раскулачиванием, но и попиранием их юридических прав [15].

Все это было обусловлено теоретико-идеологическими основами тогда молодого строящегося государства. Эта форма правовых ограничений имела целью закрепить преимущественные права рабочих и крестьян, что по представлениям руководителей партии и государства того времени должно было упрочить завоеванную власть...» [16]

В ноябре 1920 г. в Крыму окончательно была установлена советская власть и немцы, признавшие ее, предлагали свою повседневную хозяйственную деятельность, другие – не признавшие, как правило, крупные собственники, подверглись радикальным мерам новой власти. В партийных фондах ГА РК отмечено по этому поводу следующее: «немцы Евпаторийского

уезда отличаются кулацкими наклонностями, неодобрительно относятся к Райисполкому» [8].

С началом коллективизации в 1928 г. на базе немецких хозяйств стали образовываться колхозы и совхозы. В архивных документах отмечено, что «с целью преодоления хозяйственной разрухи» было разработано «Положение о создании крымского союза немецких сельскохозяйственных товариществ» [10].

Одно из первых коллективных хозяйств было образовано в Перекопском уезде еще в 1920 г. Из нескольких крестьянских хозяйств была создана коммуна имени 1 мая. Коммуна получила земли бывшего немца-землевладельца А.А. Гинзбрента в размере 1400 га, живой инвентарь – 40 лошадей, 8 верблюдов, 12 волов, 600 овец и недвижимое имущество – мельницу [12, с. 53]. В 1924 г. на землях, принадлежащих немецкому помещику Фальц-Фейну в с. Чирик (ныне с. Пахаревка Джанкойского района) образовалось товарищество по обработке земли «Красный пахарь». В 1929 г. в поместье немецкого помещика Янценгофа (ныне – Джанкойский район) создается совхоз-колония «Молодая гвардия». На землях бывшей Богемской волости до революции располагались хозяйства Майера, Эзау, Корниса, Рапа, Вальца. В начале 30-х годов на основе их земельной собственности образуется колхоз КИМ, «Роте Фане», «Ульянды» и др. [12].

О том, как изымались земли под совхозы и выносились обвинения в «кулачестве» красноречиво свидетельствуют данные из Протокола заседания общего заседания, состоявшегося 12 мая 1930 г., колхозников артели «Рот-Фронт» «Слушали: О Валл Якове Яковлевиче и Гергарде Яковлевиче. Высказались несколько товарищей деревни Джамбулды, подтвердившие факты, что они являлись крупными землевладельцами, пользовались наемным трудом, имели в 1926 году собственный трактор, родители в прошлом году ликвидированы как класс [12, с.302].

Анализируя вопросы раскулачивания среди немцев следует сказать, что среди немецких землевладельцев немало было тех, к кому применялись санкции за использование труда батраков. Например, К.Я. Броммер, житель деревни Найман Джанкойского района был раскулачен и выслан из Крыма 23 февраля 1930 года за применение наемного труда, к которому он вынужден был прибегнуть, так как его больная дочь требовала ухода. За использование наемного труда был не только раскулачен, но заключен в Крымский изолятор НКВД житель деревни Тезеклы-Ишунь того же района Вильгельм Гофман, в прошлом учитель, а с 1923 года житель деревни, крестьянин, так как был в семье единственным работником, то при наделе в 18 га применял наемную рабочую силу. Посемейно-имущественные списки и анкеты в делах лишенцев позволяют судить о составе немецких раскулаченных семей. Как правило это семьи от 6 до 12 человек. Касательно в имущества в исследованиях Л.П. Вакатова отмечено: «в первую очередь конфисковывались у всех дома, надворные постройки» [Вакатов]. В качестве примера исследователь

Л.П. Вакатов приводит дело Гюнтера Рейнгольда Христиановича [12, с. 303]. В 1928 году у него было 28 га посева, 3 лошади, 3 коровы, две свиньи и молотилка. 17 мая 1931 года Борлаковский сельсовет (Джанкойский район) принимает постановление: «Просить Джанкойский райисполком о выселении из Крыма примазавшегося к колхозу кулака Р.Х. Гюнтера. В описи конфискованного имущества помимо вышеуказанного значились: буфет, диван, 3 стула, шкаф, сундук, 2 одеяла, 2 перины, 4 подушки, 2 простыни, 1 платок [12, с. 303]. Конфискованное имущество тут же распродавали по условным ценам. «...Лошадей продавали колхозам по 75 копеек, инвентарь тоже шел по дешевке» [12, с. 303].

Результатом сокращения удельного веса крупных немецких землевладений стал недостаток семян озимой пшеницы, так именно немцы являлись наиболее крупными держателями товарного хлеба.

Исторический перелом коснулся участи династии Шлее, о которой говорилось ранее. М. М. Шлее, заслуженный врач полуострова, в 1920 г. вынуждена была бороться за право жить в своем собственном доме, так как по распоряжению власти землевладельцы выселялись из своих домов. Сохранилось ее заявление в Крымский ЦИК: «Мне 69 лет. По профессии я врач, и большую часть жизни отдала службе народу, работая в должности земского врача в Симферопольском уезде и Сакской грязелечебнице» [Березняк Я.В. Земская ветеринарная организация Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX века) Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. № 21 (192). Т. 32. 2014. С. 94-100]. В письме также объяснялось, что дом № 13 на Петропавловской улице хозяевами был приобретен на трудовые деньги. Но в 1920 г. строение было муниципализировано, в 1922 г. бывшие хозяева вынуждены были взять дом в аренду: «...договор аренды... в ближайшее время истекает, я боюсь оказаться выброшенной на улицу». [1, с. 94-100]. В этом вопросе участвовал Нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, вставший на защиту несчастной женщины. Его официальное письмо из Москвы от 5 января 1927 года было адресовано Крымскому ЦИК: «...принимая во внимание продолжительную работу врача Шлее-Люстих М.М. на медицинском поприще в земстве ... Народный комиссариат здравоохранения РСФСР всецело присоединяется к ходатайству врача Шлее-Люстих об удовлетворении ее просьбы о возвращении указанного дома [1, с. 94-100].

Исторические потрясения 1920–1930 гг. коснулись хозяйств немецких землевладельцев, сельскохозяйственная продукция которых с середины XIX в. занимала отдельный сегмент на Всероссийском рынке по продаже зерна, крупного рогатого скота, овец.

Подводя черту сказанному, следует отметить, что в основе обезземеливания немецкого населения была документальная база, что было основой политики переселения. Последствиями военно-революционного

переворота, узаконений правительства по сокращению иностранного землепользования в период с 1915 по 1930-е гг. стало: во-первых, раскулачивание зажиточных хозяйств; во-вторых, выселение немецкого этноса за пределы Крыма, а в-третьих, нанесение значительного урона сельскому хозяйству Крыма в непростое время потрясений.

Список литературы:

1. Березняк Я.В. Земская ветеринарная организация Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX века) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. № 21 (192). Т. 32. 2014. С. 94-100.
2. Бочкала А. Немцы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legendy.narod.ru/etnos/nemci.htm>
3. Вишнякова Н.Є. Доля земельної власності ШлеЄ у контексті трансформації німецького землеволодіння у Таврійській губернії на початку XX століття // Збірник наукових праць. Серія «Історія та географія» / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. Харків: Колегіум, 2012. Вип. 45. С. 194-197.
4. Дайнеко Л.И. Немецкие колонии в Крыму // Сквозь века: народы Крыма; ред. Н. Николаенко. Симферополь: Академия гуманитарных наук, 1995. Вып. 1. С. 58-70.
5. Государственный архив в Республике Крым. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 911. Докладная записка о хозяйственном строительстве Крыма. Л. 1-2.
6. Государственный архив в Республике Крым. Ф. Р-1825. Оп. 1. Д. 5. «Списки лиц, имеющие зерновые излишки, и не имеющие их» на 18 листах.
7. Государственный архив в Республике Крым. Ф. Р-1825. Оп. 1. Д. 6. «Списки живого и мертвого инвентаря» на 117 листах.
8. Государственный архив в Республике Крым. Ф. 71. Оп. 2. Д. 7. Оценочная опись инвентаря и продуктов, находящихся в имениях. Л. 6.
9. Ф. Р.-1825. О.1. д.3. Копии циркуляров начальника Евпаторийского уезда о сдаче в аренду земельных участков на 7 листах.
10. Государственный архив в Республике Крым. Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 016026. «Дело о Шлее К.Ф. на 15 листах.
11. История городов и сел УССР. Крымская область. Киев: Институт Академии наук УССР, 1974. 623 с.
12. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200 – летию переселения немцев в Крым. 6-10 июня 2004 год. История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX – XX вв. / сост. Ю.Н. Лаптев. Симферополь: АнтикВА, 2008. 573 с.
13. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1935. 177 с.
14. Продажа имений с торгов // Таврические ведомости. 1917. № 13.
15. Соколов Д.В. Очерки по истории политических репрессий в Крыму (1917–1941 гг.) Симферополь: Телескоп, 2009. 60 с.
16. Серокурова Л.А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2010. 224 с.

Басте Р.Ю.

**МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЖЕНЩИНАМ-ЧЕРКЕШЕНКАМ,
СПОСОБСТВОВАВШИЕ ИХ ВОВЛЕЧЕНИЮ В СОВЕТСКОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
В 1920-Х ГГ.**

В данной статье анализируются мероприятия, посвященные юридическому и бытовому раскрепощению женщин и созданию условий, способствовавших вовлечению их в советское строительство Адыгейской автономной области в 1920-е гг. Характеризуется деятельность таких организаций как пунктов по ликвидации неграмотности, съездов горянок, судебных комиссий, народных заседателей и т.д. в отношении женщин Кавказа. Нужно отметить, что помимо повседневной деятельности различных отраслей советской работы, главным моментом вовлечения в работу горянки является момент советизации. Дается анализ участию женщин в выборах в Советы Адыгейской автономной области.

Ключевые слова: Адыгейская автономная область, положение женщины, советское строительство, предвыборные собрания, советы, съезд горянок

Baste R. Yu.

**EVENTS DEDICATED TO CHERKESHENK WOMEN THAT PROMOTING
THEIR INVOLVEMENT IN THE SOVIET CONSTRUCTION OF THE
ADYGEY AUTONOMOUS REGION IN THE 1920S.**

This article analyzes the events dedicated to the emancipation of women and the creation of conditions conducive to their involvement in the Soviet construction of the Adyghe Autonomous Region in the 1920s. The activity of such organizations as points for the elimination of illiteracy, congresses of goryanok, judicial commissions, people's assessors, etc. in relation to women of the Caucasus is characterized. It should be noted that in addition to the daily activities of various branches of Soviet work, the main moment of involvement in the work of Goryanka is the moment of Sovietization. The article analyzes the participation of women in the elections to the Councils of the Adyghe Autonomous Region.

Key words: Adyghe Autonomous Region, the status of women, Soviet construction, pre-election meetings, councils, congress of Goryanok

Национально-государственное строительство в Адыгее активно развернулось после окончания Гражданской войны и протекало в довольно сложных условиях. Сложное административное управление, полное отсутствие партийных организаций, экономическая разруха и т.д., все это мешало дальнейшему развитию области. Нужно было менять и устои общества, в силу того, что многие традиции и обычаи не позволяли продвигаться в более «современную» сторону. В данной статье хотелось бы поговорить именно о женской половине адыгского общества, поскольку до

определенного времени это был практически бесправный слой населения Адыгеи и только с приходом Советской власти начали происходить изменения в среде женщин.

Одними из новых механизмов вовлечения девушек и женщин Кавказа в публичное пространство являлись женские съезды и конференции, которые давали возможность стать равной с женщинами других возрастов и сословий, с мужчинами и почетными стариками, среди людей другой культуры национальностей. Первые конференции и съезды как раз и стали такими площадками, где отработывались новое женское поведение, новый женский облик, новые способы коммуникации.

Осенью 1920 г. состоялась первая конференция женщин Северной Осетии, в 1921 г. – первая окружная конференция женщин Карачая, в 1922г. в ауле Габукай состоялся первый окружной съезд адыгеек. Первый съезд трудовых женщин Горской республики (1921 г.) и Первый краевой съезд горянок (1922 г.) положили начало работе крупных межнациональных совещаний женщин Северного Кавказа. Повестка таких конференций и съездов довольно интересна – женщинам читали доклады о юридическом и бытовом раскрепощении, перед делегатками выступали врачи, юристы, учителя [1].

Организовать такие собрания были делом непростым. Мужья отказывались отпускать на собрания жен, отцы – дочерей, братья – сестер. На первый съезд горянок многие делегатки приехали в сопровождении мужчин, в работе съезда не участвовало ни одной черкешенки, абазинки и ногайки.

Говоря о мероприятиях о вовлечении женщин горянок в Советское строительство – нужно отметить, что помимо повседневной деятельности различных отраслей советской работы, о которых будет сказано ниже – главным моментом вовлечения в работу горянки является момент советизации.

Несмотря на трудности упомянутые выше, женщины стали избираться в советские органы, сотрудничали в комиссиях и секциях, через которые велось управление общественной и хозяйственной деятельностью аулов. В 1924 году на выборных должностях работали уже 27 адыгеек. А в 1925 году среди 96 женщин депутаток сельских Советов было 25 адыгеек. [2]

Перевыборные компании в начале 1920-х г. до некоторой степени отразили проявившуюся активность в деле советского строительства со стороны женщин, но по преимуществу русского населения и только отчасти черкешенок, так как по бытовым укладам жизни, которые еще коренным образом преобладали – очень слабо подвергались советской обработке. Трудно было организовывать совместные сходы в селениях, где, например, еще существовали традиции избегания, запрещающие невестке находиться или говорить в присутствии старших мужчин. Очень часто встречались случаи, когда родственники не пускали женщин на сходы или, когда мужа, отцы, братья, сыновья отправляли женщин обратно домой.

Исходя из такого положения женщин в обществе, приходилось искать другие методы работы с черкешенками, в частности, устройство отдельных

сельских сходов для женщин, что очень скоро стало приносить свои плоды. Так как по обычаю горянка не могла покидать дом с наступлением темноты, во многих местах стали устраивать собрания преимущественно в дневное время. Делегатками выбирали девушек, которые традиционно пользовались большей свободой, чем замужние женщины [3].

Примерно в Тахтамукаевском районе участие женщин в выборных собраниях выражалось в некоторых пунктах до 50-60 % к общему числу избирателей. Предвыборные собрания черкешенок без участия их затем на выборах все же дали некоторые положительные результаты и в итоге в 1923 г. по районам в совет прошло 16 женщин, из которых 9 черкешенок.

По Хакуриновскому району участие женщин-черкешенок выражалось в 15 % к общему числу участвовавших женщин. Выбрано было в советы по районам 6 человек.

По Преображенкскому району участие женщин выразилось в 1 %, выбрано же в советы всего 25 женщин, из которых 1 черкешенка.

По Понежукаевскому району выбрано в советы 19 женщин, из которых 12 черкешенок [4].

В общем же нужно отметить, что состав женщин, которые вошли в советы является отражением их активности, а в некоторых случаях в работе женщин можно ожидать положительных результатов.

В некоторых районах, например, в Хакуриновском, были созданы секции при сельсоветах по работе среди женского населения. В черкесских населенных пунктах на выборных членов сельсоветов черкешенок, была возложена работа по вовлечению женщин-черкешенок в советское строительство и на вопрос какие же результаты в итоге имеются на лицо в данный момент, Хакуриновский Райисполком сообщил, что в ауле Хатажукай – черкешенки вопреки всем обычаям исправно посещают заседания совета. Другие члены совета черкешенок открыто обращаются в Райисполком за разъяснениями и указаниями и были даже случаи, когда черкешенки ходатайствовали об оказании помощи женщинам-беднячкам [5].

Правда в общем положение в отрасли вовлечения женщин в советы обстояло не совсем хорошо, но все же давало надежды на положительное будущее. Например, в 1925 г. среди 28 членов Адыгоблисполкома была 1 женщина-черкешенка 49-ти лет [6].

Советское законодательство по земельной реформе 1922 г., оставило отпечаток также в условиях Адыгейской автономной области. Во всех Обществах, охваченных землеустройством женщины были уравниены правами на земельные наделы, наравне с мужчинами, чего не было раньше, тем более среди черкесского населения и если бывали изредка случаи недовольства такому положению, то в данных случаях землеустройство проводилось в обязательном порядке.

В практике работы судебной комиссии нередко были случаи, когда по решению суда – русская женщина, имея ребенка получала земельный надел из

черкесской общины, точно также черкешенка получала паевые наделы в личное пользование, чего не было раньше. Нужно отметить, что горянка очень мало принимала участие в общественной деятельности, а в частности в вопросах землеустройства, в отличие от русских женщин, интерес которых в вопросах землеустройства был намного больше. Участие горянки в качестве членов судебной комиссии – не наблюдалось, но в качестве защиты интересов сторон бывали такие случаи [7].

Вовлечение горянки в профессиональную работу получило свои результаты: членов Союза Совработников – 2 человека; Медикосантруд – 4 человека, одна из которых кандидат в Областное Правление Медикосантруда, другая член Краевого Правления этого же Союза. Членами Союза Рабочего просвещения являются 11 черкешенок, из них 2 человека – члены Месткомов, 3 человека члены Культкомиссии и Комиссии по охране труда. В остальных структурах женщин-черкешенок не было [8].

По судебной линии были тоже определенные результаты: в начале марта 1925 г. более 70 горянок работали в судах народными заседателями. В связи с приближением международного дня работниц, было предложено судьям отметить день 8 марта путем устройства показательных процессов с постановкой дел, которые затрагивают интересы женщин, с участием где это возможно народных заседателей женщин и привлечением к защите представителей Женотдела [9].

По отзыву судей народные заседатели женщины принимавшие активное участие в судебных процессах, явно понимали сущность дела, и к вынесению решения подходили вполне правильно. Население отнеслось к участию женщин в судебных процессах в качестве народных заседателей вполне благожелательно и считало работу женщин в суде в порядке вещей, хотя мнение, что женщины бесправны, и поэтому не могут быть задействованы в общественной жизни все еще звучали.

Ввиду того, что все женщины-черкешенки в силу существующих традиций, воспреещающих им обращаться к посторонним мужчинам, не всегда могли пользоваться услугами юридических консультаций в аулах, Облсуд идя им навстречу организовывал юридические консультации при Адыгейской Областной больнице, исходя из соображений, что черкешенка в больнице с большей свободой может обратиться к защите, так как там она чувствует себя более свободно от стеснительной опеки окружающих [10].

Промысловые артели – еще одна форма вовлечения адыгеек в общественное производство. Например, в ауле Ходзь была создана артель по изготовлению бурок, в ауле Габукай создана челочно-трикотажная артель. В ауле Адамий работала профессионально-техническая школа. Все эти мероприятия позволяли женщинам учиться грамоте и приобретать определенные профессии [11].

По линии Народного Образования, прежде всего было уделено внимание массовой работе среди женщин, путем систематических докладов и бесед на

общих собраниях о положении женщин, проводимых силами членов Совета, изб-читален на местах, привлечением женщин к участию в советах, проводимых в избах-читальнях. Кроме того, при избах-читальнях образовывались уголки литературы главным образом для женщин-националок [12]. Устраивались также выставки соответствующей литературы, многие из которых являлись передвижными, т.е. представители изб-читален ездили по разным местностям и показывали свои выставки.

Для борьбы с неграмотностью среди женщин-черкешенок для них было открыто осенью 1924 г. 12 пунктов по ликвидации неграмотности, в которые набирали по несколько групп. Часть таких школ составляли школы малограмотности. Основным методом привлечения черкешенок в такие школы являлось устройство школ кройки и шитья при ликпунктах. В таких учреждениях основную работу проводили женщины-активистки, выступавшие и как первые организаторы дошкольных учреждений. Они проводили значительную работу и по вовлечению девочек в школы [13]. На базе кружков кройки и шитья позже выросли швейные мастерские.

Горянки окончившие школы получали дальше образование в техникумах, вузах, работали в различных советских учреждениях. В 1924 г. в области было 378 грамотных адыгеек [14]

Конечно, деятельность по вовлечению женщин-горянок в общественное производство, на своем пути встречало еще много трудностей, кроме перечисленных выше. В тот период всякая работа, направленная на поднятие общего культурного уровня женщин, встречала недоброжелательное отношение со стороны представителей старшего поколения. Как не странно даже женского, поскольку женщины уже преклонного возраста считали, что молодые девушки должны жить по тем же традициям и принципам, по которым прожили их старшие родственницы.

В январе 1925 г. в ауле Габукай был организован первый клуб горянок, где в первую очередь преподавалось шитье, давались справки, писались заявления, принимались жалобы и давались советы по медицине. В результате всех этих действий на лицо были похвальные отзывы со стороны женщин и доверчивое посещение клуба горянок, не смотря на присутствие все еще старых устоев черкесов Адыгеи.

В период подготовительной компании по перевыборам советов в агитационной работе политпросветучреждений было уделено большое внимание к привлечению горянок к участию в перевыборах советов путем бесед, докладов, художественной агитации; а также путем выставок под названием «женщина в советы». День 8 марта был приурочен к открытию ликпунктов черкешенок, открытию новых Клубов горянок и детских столовых.

Планировался бюджет в сумме 3000 руб. на 1925 и в 1926 гг. для дальнейшего вовлечения женщин-черкешенок в общественно-политическую и экономическую жизнь Адыгейской автономной области [15].

Отдельным направлением стала работа по устройству совместных собраний мужчин и женщин. В 1928 году северокавказский крайисполком в своем обращении "Об уравнивании прав горянки и горца" призвал развернуть борьбу с обычаями, запрещавшими женщине говорить в присутствии старших родственников мужа, сидеть за одним столом с мужчинами [16].

1928 год отмечен и усилением работы Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в отношении вовлечения женщин адыгеек в работу предвыборной компании 1928 г. О результатах этой активной работы можно судить по тому, что в составе ККОВ в конце того же года была избрана 151 женщина, более того 4 женщины были выбраны председателями ККОВ и 1 женщина председателем ревкомиссии [17].

Советы области проводили значимую работу чтобы преодолеть влияние довольно устаревших традиций и обычаев. В первую очередь было ликвидировано многоженство, за что спасибо Советской власти. Конечно еще сохранялись различные древние обычаи, например, обычай умыкания невесты, что противоречило новым брачно-семейным отношениям, поэтому Советы принимали меры для его ликвидации. Хотя нужно отметить, что умыкание невесты часто встречается и сейчас в XXI веке, также как и уплата калыма за невесту, с которой тоже боролись Советы.

Таким образом, несмотря на довольно еще жесткое сопротивление, которое к слову сказать даже сейчас нередко проявляется со стороны адыгских мужчин, женщины-черкешенки стали постепенно втягиваться в общественно-политическую, экономическую, хозяйственную жизнь общества. Со временем этот процесс только набирал обороты, что впоследствии конечно давало свои результаты и женщины руководители, политические деятели и т.д чаще стали встречаться в обществе.

Список литературы:

1. <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/14958> Кавказский Узел
2. Очерки истории Адыгеи. Том II. Майкоп. 1981.С.73
3. Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея. Ф.Р-1. Оп.1. Д.236. Л.99.
4. Там же.
5. Там же. Л.99 об.
6. Там же. Л.79.
7. Там же. Л.99 об.
8. Там же. Л.100
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. Л.100 об.
12. Очерки истории Адыгеи. Том II. Майкоп. 1981.С.73
13. И.Х.Калмыков. Черкесы //Историко-этнографический очерк. 1974. С.252.
14. Очерки истории Адыгеи. Том II. Майкоп. 1981.С.73
15. Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея. Ф.Р-1. Оп.1. Д.236. Л.101.
16. <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/14958> Кавказский Узел
17. «Адыгейская жизнь», №18, 2 марта 1928 г.

Кокорхоева Д.С.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ В АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОД ВЛИЯНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ.

В статье изучен процесс формирования партийно-государственной элиты в автономиях Северо-Кавказского края как следствие национальной политики коренизации 1920-х гг. Выявлены предпосылки и препятствия складывания социальных групп партийных, советских и хозяйственных руководителей. Отмечено негативное влияние патриархально-клановых и сословных отношений на эффективность работы новой элиты. Определено значение системы образования в подготовке руководящих кадров автономий Северного Кавказа.

Ключевые слова: партийно-государственная элита, формирование, национальная политика, автономии, Северный Кавказ, 1920-е гг.

Kokorkhоеva D.S.

FORMATION OF THE PARTY-STATE ELITE IN THE AUTONOMOUS REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS UNDER THE INFLUENCE OF THE NATIONAL POLICY OF THE 1920s

The article examines the process of formation of the party-state elite in the autonomous regions of the North Caucasus Region as a consequence of the national policy of the 1920s. The prerequisites and obstacles to the formation of social groups of party, Soviet and economic leaders are clarified. The negative influence of patriarchal-clan and estate relations on the efficiency of the new elite is noted. The importance of the education system in the training of senior personnel of the autonomous regions of the North Caucasus is determined.

Key words: party-state elite, formation, national policy, autonomies, North Caucasus, 1920s.

Формирование партийно-государственной элиты – правящей социальной группы являлось важным направлением этнополитики РКП(б) – ВКП(б) и советского государства, в том числе – на Северном Кавказе. Именно большевистская элита выступала в качестве основного субъекта политики, приспособливая партийно-государственную стратегию к своим групповым интересам, ориентациям и установкам поведения. В то же время, социально-экономическая и культурная отсталость региона вынуждала органы власти создавать элиту в автономиях во многом из имевшихся этнических, конфессиональных и патриархально-родовых группировок. Требовалось одновременно наделить новую элиту ресурсами и полномочиями власти, дать её членам общее и политическое образование, обеспечить лояльность по

отношению к большевистскому режиму, проводить регулярные чистки партийных и государственных кадров управления.

Предстоит установить цели, параметры и последствия формирования партийно-государственной элиты и системы образования на Северном Кавказе. В числе параметров элиты важны: её социальное происхождение, этническая идентичность, уровень образования и политический опыт, каналы и методы назначения, избрания и отставок, уровень сплочённости и взаимоотношения с общегосударственной и краевой элитами.

Уже в годы Гражданской войны на всероссийском уровне были сформированы принципы кадровой политики, которые проводились в жизнь повсеместно. К ним относились: партийное руководство всеми органами государственной власти и общественными объединениями; назначение как механизм рекрутации; строгое соподчинение нижестоящих уровней и органов власти вышестоящим; персонализация власти (её сосредоточение и формально, и неформально в руках первого секретаря комитета Коммунистической партии – от ЦК до низовых ячеек; частые ротации (переброски) кадров между регионами и отраслями управления) [1]. Партийные организации определяли и контролировали работу советских, судебных, военных, профсоюзных и других учреждений как напрямую (путём издания обязательных директив), так и косвенно (через решения большевистских фракций в этих учреждениях). На Северный Кавказ система была привнесена весной 1920 г. уже в готовом виде.

Определяли требования к кадрам партийно-государственной элиты Организационное бюро ЦК РКП(б), Организационно-распределительный отдел ЦК партии и Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции – Центральная контрольная комиссия РКП(б). Соответствующие по функциям органы власти создавались на краевом и областном уровнях, обеспечивая организационное и политическое единство системы управления.

Различные автономии имели особенности уровня социально-экономического и культурного развития, своеобразные традиции самоуправления и участия в общегосударственном управлении. В том числе, политически важными были различия в уровне знаний русского языка, наличия собственной письменности и сети учреждений образования, в степени предшествующих конфликтов с общегосударственной властью либо мирных взаимодействий с нею, в наличии национальной интеллигенции и кадров партийно-государственного управления. X съезд РКП(б) (1921 г.) поставил задачу помочь народам страны «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения ...; поставить и развить широкую сеть курсов и школ ... на родном языке ... для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-

партийных работников по всем областям управления ...» [2, с. 366]. Такая позиция вытекала из стратегической задачи партии – закрепить на этнических окраинах Советскую власть, сделать её, по выражению И.В. Сталина в докладе на XII съезде РКП(б), «властью ... междунациональной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках ... заговорят на родном языке» [3, с. 382].

Широкомасштабные задачи требовали не только закрепить поддержку большевистской системы «старыми» этническими элитами, но и ускоренными темпами вырастить новое поколение партийно-советской элиты местных народов, политически преданное и квалифицированное с точки зрения управления. Надлежало одновременно бороться на два фронта – против «великодержавного шовинизма» и «национал-независимцев» [4, с. 132-137]. Данный курс получил название «коренизации» партийно-государственного аппарата.

Начальный этап формирования партийно-государственной элиты в автономиях Северного Кавказа характеризовался неупорядоченностью организационной структуры и системы пополнения правящих корпораций, как и их взаимодействий с всероссийской и краевой когортами элиты. В условиях социально-экономической отсталости региона, усугублённой последствиями Гражданской войны, на первый план выходили «антикризисные» задачи управления, которые могли решить только группы, обладающие достаточными ресурсами влияния и связями на вышестоящем уровне. Первоначально это были «переброшенные» из других регионов партийные и советские работники, однако, слабо знавшие специфику Северного Кавказа. Значительным влиянием пользовалось командование воинских частей Северо-Кавказского военного округа, а также руководство областных чрезвычайных комиссий, с 1923 г. соподчинённое Полномочному представительству ОГПУ на Юго-Востоке России (с лета 1924 г. – по Северо-Кавказскому краю). Между ними и местными ответственными работниками (обычно – представителями национальной интеллигенции и выходцами из привилегированных сословий) проявлялись и институциональные, и функциональные, и межличностные противоречия. Например, бывший председатель Дагестанской областной ЧК Э.И. Квириг жаловался в начале 1921 г. в ЦК РКП(б) на председателя областного ревкома С.И. Габиева в следующих выражениях: «...Председатель Габиев абсолютно не имеет никакого представления о советском строительстве и всю работу ревкома, а вместе с ним и отделов, сводит к распределению продовольствия, поддержке кулаков, мулл и кадиев и интригам по отношению ко всем советским работникам, командируемым из центра... Желая добиться славы, даёт советским органам нелепейшие распоряжения, заранее зная, что они невыполнимы, и этим достигает того, что в глазах населения получается представление, якобы ревком во главе с правоверным мусульманином очень хорош, а эти приезжие большевики грабят “наш несчастный дагестанский народ”». Э.И. Квириг предлагал немедленно

создать Дагестанский областной ревком и обком РКП(б) под руководством опытных работников, присланных из центра, а состав этих органов формировать из разных национальностей [5, с. 43-44]. Но руководящие инстанции не прислушались к этому совету.

Косвенным признаком конфликтов и как следствие, нестабильности состава руководителей автономий является частая смена председателей ревкомов и облисполкомов Советов, секретарей областных комитетов РКП(б). Так, за три года существования Горской АССР (апрель 1921 – июль 1924 гг.) председателями её ЦИК Советов поочерёдно были: Т.Э. Эльдарханов (представитель Чечни), И.Б. Зязиков (представитель Ингушетии) и М.Г. Авсарагов (представитель Северной Осетии). За этот период сменилось пять ответственных секретарей Горского областного комитета РКП(б) – Н.Ф. Гикало, А.Ф. Носов, М.Ф. Левитин, А.И. Борухин и И.Б. Зязиков, а также два председателя Совнаркома Горской АССР [6, с. 137-140] и десять (!) руководителей Горской областной ЧК/Горского областного отдела ОГПУ [7]. Не лучше была кадровая политика в Дагестанской АССР. За 1920 г. сменилось три ответственных секретаря Дагестанского обкома РКП(б). Затем на этой важнейшей должности работали: Г. Полешко (в 1921 г.), И. Алиев (в 1922 г.), М.Н. Рютин (в 1923–1924 гг.), М.А. Кундухов (в 1924 г.), М.А. Далгат (в 1924–1927 гг.), М.Г. Грановский (в 1927–1928 гг.), А. Муравьёв (в 1928–1931 гг.) и А.А. Цехер (в 1931–1934 гг.). Гораздо стабильнее – состав Председателей ЦИК Дагестанской АССР: всего 2 чел. за 14 лет, Н.П. Самурский в 1921–1922 и 1924–1928 гг. и М.А. Далгат (1922–1923 и 1928–1937 гг.). Председателем СНК Дагестанской АССР в 1921–1931 гг. работал Д.А. Коркмасов [8].

Важно, что в некоторых автономных областях уже в первой половине 1920-х гг. сложилась жёсткая персональная власть, а институциональные, функциональные или межличностные оппозиционные выступления достаточно эффективно подавлялись. Речь идёт о Кабардино-Балкарской АО, которой на разных должностях руководил 16 лет подряд (с 1921 по 1936 гг.) Б.Э. Калмыков. Так, в начале 1923 г. на заседании пленума Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) произошло непримиримое столкновение группировки Б.Э. Калмыкова с ответственным секретарём обкома Б.О. Павловичем, а также областным прокурором и областным судьёй (русскими по национальности). Калмыков полностью победил и добился отставки своих противников [9, с. 173-175]. В Кабардино-Балкарии сменилось за 1920-е гг. девять ответственных секретарей обкома большевистской партии при неизменном руководстве облисполкомом Советов Б.Э. Калмыковым [10]. Следовательно, институциональный вес должности председателя облисполкома был в КБАО значительно выше, чем руководителя парторганизации. Это весьма необычно для регионов Советской России, в том числе – и автономий. Дело было не в должности, а в личности: с 1930 по 1936 гг. Калмыков стал первым секретарём обкома ВКП(б), и распределение власти стало стандартным, как по всему СССР.

Сделаем выводы. Институциональная структура партийно-государственной элиты в автономиях Северного Кавказа отличалась существенными особенностями в каждой из автономных областей. Различия зависели от этнического и конфессионального состава всего населения и номенклатуры в особенности, от предшествующих клановых и межэтнических отношений. В Кабардино-Балкарии сложилась моноцентрическая структура элиты. В остальных автономных областях и Дагестанской АССР возобладала полиэтничная, сегментированная структура, причём конфликты проявлялись не только между этническими внутриэлитными группами, но и внутри каждой этнической элиты по клановому, территориальному, сословному признакам. В этой структуре русская часть партийно-государственной элиты (обычно сосредоточенная в партийных, военных и правоохранительных органах, высшем слое госаппарата автономий) объективно была арбитром и посредником, проводником властных решений из центра страны на периферию. Но до 1928–1929 гг. этнические сегменты элиты обладали определённой автономией ресурсов влияния, социальной базы и политического позиционирования вследствие недостаточного контроля центральной власти над регионом. В ходе «великого перелома» закрепились иная, стандартизированная и более подконтрольная центру структура элиты, которая стала пополняться из молодого поколения, получившего советское образование.

Список литературы:

1. Рождение партийной номенклатуры / публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 3–24; № 3. С. 3–16.
2. Десятый съезд РКП(б). 8–16 марта 1921 г. Резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 366.
3. Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апр. 1923 года. Стеногр. отчёт. М., 1968. С. 482.
4. Четвёртое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. 9–12 июня 1923 г. Резолюция «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу» // КПСС в резолюциях ... Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1984. Т. 3. С. 132–137.
5. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. С. 43–44.
6. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 137–140.
7. Петров Н.В. Организация и развитие органов ВЧК – ГПУ на Кавказе 1918–1934 гг. URL: <https://docplayer.ru/32282383-Organy-vchk-gpu-ogpu-na-severnom-kavkaze-i-v-zakavkaze-gg.html> (дата обращения: 29.07.2021).
8. Какагасанов К.Г. Дагестан: первые лица республики. Обзорные таблицы партийных и государственных руководителей Дагестана. URL: <http://kumukia.ru/article-9050.html> (дата обращения: 29.07.2021).
9. Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX века. СПб., 2017. С. 173–175.
10. ОГПУ/НКВД Кабардинской АО/КБАО (СКК)/КБ АССР. URL: <http://www.savoy.zolka.ru/ka0-kbao-skk-kbassr/> (дата обращения: 29.07.2021).

Диривянкина М.С.

ВОЕННО-КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА (1918–1922 ГГ.)

В статье приводится анализ основных мер, применяемых большевиками по отношению к крестьянству в рамках политики военного коммунизма. Рассматриваются вопросы деятельности продотрядов и комбедов, а также функционирования системы продовольственной разверстки.

Ключевые слова: военный коммунизм, Гражданская война, продовольственная разверстка, продовольственные отряды, комитеты бедноты, крестьянство.

Dirivyankina M.S.

MILITARY COMMUNIST POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR AGAINST THE PEASANTRY (1918-1922)

The article analyzes the main measures used by the Bolsheviks in relation to the peasantry in the framework of the policy of war communism. The issues of the activity of food detachments and committees of the poor, as well as the functioning of the food allocation system are considered.

Key words: war communism, Civil War, food appropriation, food detachments, committees of the poor, peasantry.

Пришедшим к власти в октябре 1917 г. большевикам необходимо было удержать власть и получить поддержку самой многочисленной части населения – российского крестьянства, от которого в последствии зависел исход Гражданской войны.

Опыт российского правительства вне зависимости от политических установок в решении экономических и политических вопросов во многом был предопределен отношением к крестьянству. Так, в годы Первой мировой войны в условиях, казавшихся благополучных для сельского хозяйства России, сформировался хлебный кризис. Крестьяне не спешили продавать хлеб, ожидая в будущем повышения цен, что способствовало введению в конце 1916 г. царским правительством в 31 губернии обязательной продажи хлеба по твердым ценам – продразверстки, которую затем с некоторыми изменениями использовали Временное правительство и большевики годы Гражданской войны.

Изначально в октябре 1917 г. большевики на II Всероссийском съезде Советов провозгласили свои первые декреты, среди которых особенную значимость для крестьян имели два – «О мире» и «О земле». Первый провозглашал выход России из войны, что означало возвращение крестьян с фронта обратно в деревню, второй же провозглашал ликвидацию помещичьего

землевладения, обобществление всех земель, уравнильное землепользование [1, с. 12–20].

В условиях начавшейся Гражданской войны, которую в современной отечественной историографии датируют с 1917 г. по 1922 г., большевикам были необходимы материальные и людские ресурсы для победы над противником. В апреле–мае 1918 г. ВЦИК и СНК принимает декреты, предоставляющие чрезвычайные полномочия Наркомпроду. Это позволило комиссариату продовольствия начать формирование продовольственных отрядов и комитетов бедноты. Начался «поход» в деревню за хлебом. Кроме этого, были приняты ряд других законов, которые завершили оформление концепции политики «военного коммунизма».

Летом 1918 г. были опубликованы правовые акты Советского правительства, узаконившие насильственную реквизицию зерна и национализацию промышленности. К весне 1918 г. частная собственность на землю была ликвидирована, передел земли был практически завершён. В сентябре 1918 г. принято постановление ВЦИК о превращении республики в единый военный лагерь [2, с. 60–61]. Завершением «майских декретов» Советского правительства, ставших основой политики «военного коммунизма», был «Основной закон о социализации земли», в основе которого лежал эсеровский принцип распределения земли на «уравнильно-трудовых началах» [1, с. 406–420].

Военно-коммунистической политике были свойственны следующие черты: национализация промышленности; хлебная монополия и введение продразвёрстки; натурализация экономических отношений и запрещение частной торговли; государственное централизованное распределение продуктов питания и товаров по карточкам и классовому принципу; введение всеобщей трудовой повинности и милитаризация труда; запрещение аренды земли и применения наёмного труда в сельском хозяйстве [3, с. 17–20].

Весной 1918 г. в городах наметились признаки голода, что было связано с нарушением товарооборота между городом и деревней. Формирующаяся РККА требовала продовольственного снабжения. В таких условиях, вооружённые рабочие отряды под руководством большевиков, на территории подконтрольной Советам, активно начали реализовывать продовольственную политику, а именно насильственную реквизицию продовольствия. Среди крестьянства большевики нашли поддержку у бедноты и батраков, которые объединялись в комитеты бедноты и занимались изъятием хлеба как у кулаков, так и середняков [4, с. 56]. Во многих районах вспыхнули восстания крестьян, что привело к неудачному завершению летнего сбора зерна: вместо 144 млн пудов было собрано всего 13 млн. В ноябре 1918 г. комбеды были распущены и поглощены вновь избранными сельскими Советами. Власти обвинили их в малоэффективности и нагнетании «напряженности» в крестьянской среде, в то время как новый режим нуждался в установлении прочных связей со всем

крестьянством, поскольку оно поставляло большую часть солдат для Красной Армии [5, с. 42–43].

В январе 1919 г. была учреждена продовольственная разверстка, которая, как уже было отмечено ранее, не была новшеством для российской деревни, поскольку подобные меры применялись до этого царским, а затем и Временным правительством. Продразверстка осуществлялась как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов. Согласно декрету Совнаркома от 11 января 1919 г., сопровождаемому подробной инструкцией Народного комиссариата продовольствия, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими губерниями. Сбор продразверстки должна была осуществлять сельская община, чьи фискальные функции во время Гражданской войны постоянно увеличивались. Сельский сход определял критерии изъятия, однако трудно было практически соотнести объем изъятий с действительным наличием продуктов в хозяйстве, его мощностью и зажиточность. В таких условиях больше страдали середняки и иногда бедняки. И это происходило несмотря на то, что зимой 1918–1919 гг. акцент в политике партии по отношению к крестьянству смещается с поддержки беднейшего крестьянства на внимание к среднему [6, с. 128].

Изъятие сельскохозяйственной продукции происходило не совсем на безвозмездной основе: за полученные сельскохозяйственные продукты власть выдавала квитанции на приобретение промышленных товаров, тем самым пытаясь поддерживать товарооборот между городом и деревней. Однако, происходило это в недостаточных объемах, так как промышленность, находящаяся в глубоком экономическом кризисе, как следствие участия России в Первой мировой войне и реализуемой политики РКП(б), не могла обеспечить село необходимым количеством сельскохозяйственного инвентаря. Крестьянство отвечало сокращением посевных площадей и возвращением к натуральному хозяйству. Положение в стране ухудшалось: карательные меры не помогали, исчезали продукты, развивался «черный рынок», население городов сокращалось, производство стремительно падало. Выход виделся партии в милитаризации труда, в условиях которого стали создаваться «трудовые армии», работавшие на заготовке дров, ремонте дорог и т.п.

Государство всемерно поощряло создание бедняками коллективных хозяйств с помощью правительственного фонда. Этим коллективным хозяйствам было дано право продавать государству свои излишки, но из-за их слабости и примитивной техники они не могли произвести излишков. Только некоторые совхозы, организованные на базе бывших поместий, обеспечивали поставки первостепенной важности для армии. Агрессивная реализация правительством продразверстки восстановила против себя крестьянство, не удовлетворив в то же время и горожан. В 1919 г. по плану предполагалось

изъять 260 млн пудов зерна, но с большим трудом было собрано только 100 млн, или 38,5 %, в 1920 г. план был выполнен всего на 34 % [5, с. 42–43].

Продразверстка воспринималась крестьянством как официальный и поддерживаемый властью «разбой», а проводимые мероприятия по мобилизации крестьян в армию, выполнение различных повинностей, попытки прямого перехода к социализму путем организации коллективных хозяйств еще больше настраивали против большевиков крестьян. Поэтому независимо от национальных и региональных особенностей российское крестьянство отвергало продразверстку и вступало на путь открытой вооруженной борьбы [7, с. 2].

Повстанческое движение крестьян, зародившись в годы Гражданской войны, нашло свое продолжение и после её завершения. Особое место занимают выступления крестьян против большевиков и реализуемой ими внутренней политики в Тамбовской губернии («антоновщина») и Западной Сибири («Петропавловско-Ишимский мятеж»), которые были жестоко подавлены. Недовольство выражало также городское население и даже армия – Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. Эти события свидетельствовали об острой необходимости смены внутриэкономического и политического курсов, поэтому весной 1921 г. власть была вынуждена перейти к новой экономической политике [8, с. 225–226].

За время реализации большевиками военно-коммунистической политики крестьянство существенно разочаровалось в новой власти, ассоциируя ее только с постоянными грабежами продотрядов и комбедов, а также насильственной мобилизацией в армию. Вековые желания крестьян о передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает тоже пришлось оставить в прошлом, так как они противоречили концепции РКП(б) по строительству основ нового общества. Политика военного коммунизма, сформировавшаяся в годы Гражданской войны, нашла свое продолжение и после её окончания, оказав самое негативное влияние на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств.

Новая экономическая политика должна была вернуть доверие крестьян к Советской власти, но последствия Гражданской войны, незавершённость аграрных реформ имперского периода, упорная реализация военно-коммунистических практик способствовали нарастанию крестьянского повстанческого движения в 1920-х гг., отодвигая начало возрождения экономики и стабильности в обществе.

Список литературы:

1. Декреты Советской власти. Том I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории Академии наук СССР. М., 1957.
2. Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.): Сборник документов. Том 2. М.: Новый хронограф, 2005.
3. Гуськов Ю. В. Военный коммунизм и новая экономическая политика в истории России // Социально-гуманитарные знания. 2017. №5.

4. Муравьева Л.А. Военный коммунизм: теория и практика // Финансы и кредит. 2002. №7 (97).

5. Балюкин К. С. К вопросу об экономической политике большевиков в период «военного коммунизма» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов н/Д., 2005. №9.

6. Носова Н. П. От царизма к новой экономической политике. Налоговый механизм регулирования крестьянской экономики советской России в дискурсе власти // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2018. №428.

7. Скрыпников А.В. О политических настроениях российского крестьянства в условиях перехода от гражданской войны к миру // Социально-гуманитарные знания. 2009. №3.

8. Колесник Э.Г., Тарасов М.Г. К вопросу о причинах краха политики «Военного коммунизма» (попытка экономического анализа) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. Красноярск, 2017. №1 (5).

Геращенко К. В., Мохов А. В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОЙ АССР В 1920-Х ГГ.

Одной из основных особенностей Крымской АССР являлась её многонациональность. На небольшой территории проживали представители 76 национальностей. В статье будет проанализирована направленность национальной политики Крымской АССР в 1920-е гг.

Ключевые слова: национальная политика, Крымская АССР, многонациональность, нации.

Gerashchenko K. V., Mokhov A.V.

NATIONAL POLICY OF THE CRIMEAN ASSR IN THE 1920S

One of the main features of the Crimean ASSR was its multinational character. Representatives of 76 nationalities lived on a small territory. The article will analyze the direction of the national policy of the Crimean ASSR in the 1920s.

Key words: national policy, the Crimean ASSR, multi-nationality, nations.

Если провести сравнительную характеристику прописи населения 1922 [1] и 1926 [2] года, то можно сделать вывод про то, что национальный состав Крымской республики в 1920-е был относительно стабилен (Таб. 1).

Таблица 1.

Национальность	1922	1926
Русские	371017	382645
Татары	186715	179094
Евреи	49409	39921
Немцы	42350	43631
Греки	23868	16036
Армяне	12050	10713
Болгары	10572	11377

В ноябре 1920 г. в Крыму была установлена советская власть. Произошло коренное переустройство органов власти и управления. Большевики не могли игнорировать мощный национальный фактор. В условиях гражданской войны на полуострове действовали еврейские, армянская, крымскотатарская национальные партии, было создано национальное правительство крымских татар – Директория [3].

22 ноября 1920 года предметом обсуждения на заседании областкома РКП(б) стояли два вопроса:

1. Организация Советской власти в Крыму.
2. Организация мусульманского профсоюза.

При рассмотрении второго вопроса было решено воссоздать в Крыму мусульманское бюро, на которое возлагалось проведение политической работы среди мусульманского населения Крыма. 10 декабря 1920 года мусульманское бюро на своём заседании рассмотрело политический, военный и просветительские вопросы. О предложениях к каждому из вопросов более подробно в таблице 2.

Таблица 2.

Политический вопрос	Военный вопрос	Просветительский вопрос
- ликвидировать мусульманские благотворительные учреждения по примеру армянских из-за проведения ими "националистической пропаганды и агитации";	- отказать в удовлетворении требований представителей татарского населения о создании национальных татарских эскадронов, ввиду того, что эта мера "противоречила принципам пролетарского интернационализма".	- создать комиссию, поручив ей подготовить план мероприятий по проведению политико-просветительной и культурно-массовой работы среди мусульманского населения полуострова
- рекомендовать областному РКП(б) не идти на соглашение с "Милли-Фиркой" - националистической организацией крымских татар";		
- рекомендовать "редактору ежедневной татарской газеты представлять её для контроля, не принимать без санкции бюро никаких объявлений, всё газетное дело централизовать при мусульманском бюро, увеличить формат до "Красного Крыма", на местах издавать бюллетени и радиогазеты, главным содержанием которых должна быть крестьянская жизнь";		
- организовать в Крыму комитеты крестьянской бедноты, просить Крымревком дать разъяснение разницы между середняком и бедняком.		

Все решения, принятые на Мусульманском бюро в 1920 году, соответствовали большевистским взглядам в вопросах национального характера: максимальной популяризации идей интернационализма и преодоления буржуазного национализма.

В полном соответствии с ней было определено отношение к «Милли-Фирке». Народная партия в ноябре 1920 года направила записку в Крымревком в которой говорилось о желании этой партии подписать договор о сотрудничестве с коммунистами на условиях легализации «Милли-Фирки», однако, предложение было отвергнуто.

Национальная политика в Крыму проводилась областком партии и местными партийными органами. При ее проведении они опирались на коммунистов, которые представляли национальные меньшинства Крыма.

Спустя некоторое время, весной 1921 года была образована Коллегия национальных меньшинств, а также создавались национальные бюро и секции, целью создания которых было проведение национальной политики в Крыму. К 1923 году таких учреждений по Крыму было 12, среди которых были: татарское бюро, армянское бюро, еврейское и немецкое бюро, а также секции других более мелких по численности нацменьшинств.

С самого начала 1921 года партийные и советские руководящие работники из числа татар стали активно добиваться татаризации властного и управленческого аппарата в Крыму. В марте 1921 года на заседании татарского бюро было принято решение: «Принять самые срочные меры для привлечения местных татар в аппараты Советской власти путём введения системы делегатов-татар во все советские органы». С этой целью решено было организовать политические курсы для татар. Курсы продолжали свою деятельность до конца 20-х годов и стали важнейшим источником татарских кадров для органов власти и управления.

Важнейшим направлением в реализации национальной политики стал процесс, получивший название «коренизация аппарата». Коренизация предполагала квотирование во властных органах для служащих определенной национальности. В Крыму данный процесс получил название татаризации, в связи с тем, что в 1920-х национальная политика была ориентирована на крымских татар. Помимо квотирования в татаризации Крыма важным было событие, связанное с определением крымскотатарского языка как государственного, наряду с русским, а также закрепление этого положения в Конституции Крымской Автономной Советской Социалистической Республики 1921 года, изменило сферу его применения в «государственном быту» [4].

Резолюция была принята и по докладу «Об участии трудящихся татар в советском строительстве», сделанном председателем правительства автономии Османом Дерен-Айерлы, где было сказано о желании создать постоянно действующего органа по осуществлению мероприятий по «татаризации советских аппаратов и огосударствления татарского языка в Крыму».

В феврале 1921 года, СНК Крыма принял декрет «О праздниках и днях отдыха крымских татар», по которому для крымских татар добавлялись праздничные дни «Курбан-байрам», «Рамазан-байрам», «Татарский Новый

Год» и «Рождение Магомета». Мусульманское бюро было «объединено» с татарским бюро при ОК РКП(б), а также принимались меры к пополнению его новыми татарскими работниками, присланными в Крым по распоряжению ЦК РКП(б).

Со временем была начата работа и среди других национальных меньшинств: с 1922 года начали проводиться конференции представителей национальных меньшинств Крыма. К 1923-1925 году одним из рычагов воздействия на власть стали беспартийные конференции татар, болгар, греков, немцев, евреев.

Список литературы:

1. Хованцев Д.В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы / 2011.
2. Никольский П.А. Население Крыма / 1929. – 16 с.
3. Кондратюк Г.Н. Кооперация в Крымской АССР как компонент национальной политики (20 – начало 30-х годов XX в.) / 2013. – 2 с.
4. Султан-Галиев М. Избранные труды / М. Султан-Галиев. Казань: Гасыр, 1998. 719с.

Тейфук С.Р.

СОВЕТСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА 1920-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОЙ АССР)

В 1920-1930-х годах советскими властями проводилась особая этнополитика, которая именуется коренизацией. Основные принципы этой этнополитики были установлены на X и XII съездах РКП(б) в 1921–1923-х гг. Политика «коренизации» проводилась в 1920-е годы Советской властью в национальных районах посредством замещения национальными языками русского, инкорпорирования аборигенов в политику местных властей. Её целью стал уход от проводимой царской Россией политики русификации, усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти, через поощрение местных жителей к активному участию в управлении [1, с. 2]. Изначально своё видение фундаментальных принципов этнополитики в отношении тюркских народов Мирсаид Султан-Галиев и Мулланур Вахитов представили в Декларации прав народов Востока 2 ноября 1917 года и «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. [2, с. 85]. Авторы этих основополагающих документов принципиально важным считали формирование государственности для тюркских народов. По их мнению, без государственности невозможно было разрешить ни одной насущной задачи.

22 марта 1918 г. была образована Татаро-Башкирская советская республика. В начале её существования склонность была больше к национальному, чем к коммунистическому. Этот опыт строительства автономии был перенесён затем и в другие регионы, где проживали тюркские народы, в том числе и в Крым. Крымская ССР была создана как национальная крымскотатарская автономия, структуры которой были призваны решать

насуточные проблемы крымскотатарского народа. Данная автономия была образована, несмотря на то, что численность крымских татар по данным из выступлений М.И. Калинина на тот момент была порядка 26% всех проживающих [3, с. 5]. Согласно же данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Крымской АССР численность проживающих на территории республики крымских татар составляла 179094 чел. (25,1%), в том числе в городах – 15,8% [4].

В целом вопросами политики коренизации занималось Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока, которое было организовано в 1921 году на II Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций из Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций [5]. Задача Центрального Бюро состояла в том, чтобы направить и координировать всю партийную работу через областные бюро в тюркских республиках. Центральное Бюро формировалось из отделов международной пропаганды, издательского, информационного и организационного.

Причинами формирования такого курса этнополитики послужили как внутренние, так и внешние факторы. Среди внутренних факторов можно выделить перехват инициативы у движения национальной интеллигенции, которая выросла из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у крестьянства. Также стоит отметить, что необходимо было работать с социальной и экономической модернизацией тюркских народов, которую начали джадиды. Эту модернизацию нужно было перекроить на социалистический манер. Предполагалось проведение аграрной реформы и создание национального пролетариата. Для крымских татар аграрная реформа являлась очень важным делом. Это было связано с тем, что в аграрном обществе земля была главным ресурсом общественного влияния. Почти половина крымских татар не имела земли [2, с. 87]. Суть земельной реформы состояла не столько в изменении права собственности, сколько в перспективе развития тюркских народов. Земельная реформа, проводимая в различных регионах Советского Союза, должна была дать зримые результаты для земледельцев и сформировать, таким образом, социальную базу для поддержки власти большевиков. Внешнеполитическая цель развития и создания республики заключалась в обращении курса на Восток: Турцию и Иран. Это было связано с тем, что надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение в СССР. Власть предложила свой вариант модернизации тюркского мира, основанный на принципах Коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь, крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке.

Важнейшим направлением в реализации национальной политики 1920-х – начала 30-х гг. стал процесс, получивший название «коренизация аппарата». Коренизация в органах власти и управления означала выделение квот для

служащих определённых национальностей. В Крымской АССР коренизация органов власти и управления получила название татаризации. Термин не случаен, так как в 1920-х гг. национальная политика была ориентирована, прежде всего, на повышение статуса крымских татар. Кроме квотирования, важным политическим аспектом коренизации стало применение крымскотатарского языка в области государственного строительства. Определение крымскотатарского языка как государственного, наряду с русским, закреплённое в Конституции Крымской АССР 1921 г., существенно расширило сферу его применения.

В январе 1926 г. доля крымских татар в партийной организации республики увеличилась до 7,8% (509 членов), из которых 6 были женщинами. По сравнению с другими республиками это был один из самых низких показателей. Например, в областной партийной организации Башкирской АССР башкиры составляли на 1 января 1924 г. 37,1%, а на 1 января 1926 г. – 36,1%; в Татарской АССР, соответственно, 27,3% и 31,4% [6]. Для повышения образования членов партии и советских работников в г. Симферополе действовала совпартшкола 2-й ступени с охватом 212 чел., из которых 112 были крымскими татарами [7]. Но в целом крымскотатарская интеллигенция оставалась индифферентной к новой, коммунистической идеологии. Если у представителей других национальностей количество членов партии превышало общий состав кандидатов, то у крымских татар картина была противоположной. Большая часть крымских татар – членов партии состояла из служащих. Работников партийных, советских, профсоюзных и других учреждений насчитывалось 277 чел., из них женщин 15, в том числе в деревенских ячейках 131, из них женщин – 6. Рабочих насчитывалось 31 чел., из них женщин – 5 [7].

Национальная политика в отношении тюркских народов в начале 1920-х гг. включала также построение отношений с национальной интеллигенцией, в том числе по линии «власть – духовенство». Руководство крымской автономии было вынуждено признать влияние национальной интеллигенции, активно участвовавшей в национальном движении периода Гражданской войны. Из этой интеллигенции выросли советские служащие, сотрудники народных комиссариатов, прежде всего, Народного комиссариата просвещения. Национальные школы и техникумы призваны были подготовить новое поколение молодёжи, проникнутое духом советского патриотизма и готовое участвовать в партийном и государственном строительстве.

Политика коренизации в Крымской АССР в формате советского государственного строительства была необходимой мерой и закономерным историческим явлением. Она проходила в условиях межэтнических трений, охватывая все народы полуострова. Противоречия во многом были обусловлены современным положением, общей культурой населения и советского, партийного руководства Крымской АССР, в особенности тех руководящих кадров, которые прибывали из других регионов и не были

знакомы со сложными специфическими этноконфессиональными условиями региона. Многие вопросы решались шаблонно, с определенными идеологическими целями и установками, без учета интересов различных этнических групп. В то же время, советская политика коренизации, несмотря на недостатки, смогла смягчить многие этноконфессиональные трения и противоречия, возникшие в регионе в предшествующий период, вовлечь народы Крыма в советское государственное и хозяйственно-культурное строительство, создать систему образования на родном языке.

Список литературы:

1. Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «Коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2014. № 1 (28). С. 41-49.
2. Кондратюк Г.Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2020. № 1. С. 85–93. DOI: 10.22378/kiо.2020.1.85-93.
3. Калинин М.И. Евреи в СССР. М.: Издание ЦС ОЗЕТ, 1932. 16 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Крымская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788 (дата обращения: 12.09.2021); Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 9. С. 34-51; Т. 10. С. 9-13; Т. 11. С. 8-17; Т. 14. С. 6-16; Т. 15. С. 8-13; Т. 16. С. 8-12; Т. 17. С. 8-25. Табл. VI.
5. Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 1. С. 92-100.
6. Сильницкий Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). 3-е изд. М.: Политиздат, 1990.
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 310.

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СССР И НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юрченко И.В., Юрченко В.М.

ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ СССР: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В статье предпринята попытка обосновать закономерные, естественные основания образования СССР как этнотерриториальной политики, обеспечившей достаточно высокий уровень институционализации национальности. Отмечается, что такие системы являются наиболее стабильными геокультурными структурами естественного территориального развития.

Ключевые слова: этнотерриториальная политика, географический детерминизм, геоэтнокультурная система, этноконтактная среда, российский суперэтнос.

Yurchenko I.V., Yurchenko V.M.

FACTORS OF FORMATION OF THE USSR: GEOGRAPHICAL DETERMINISM AND PROBLEMS OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY

The article attempts to substantiate the logical, natural foundations of the formation of the USSR as an ethno-territorial policy that provided a sufficiently high level of institutionalization of nationality. It is noted that such systems are the most stable geocultural structures of natural territorial development.

Key words: ethno-territorial politics, geographic determinism, geo-ethno-cultural system, ethno-contact environment, Russian super-ethnos.

Советский этап российской государственности развивался как конструктивная интегральная модель взаимодействия полиэтнических оснований европейских и азиатских структурообразующих компонентов. И на этом этапе было не растеряно, а восстановлено и усилено российское державное могущество в форме государственного устройства, сформировавшегося как СССР.

На проходившей 15 марта 2021 г. в Центральном доме журналиста пресс-конференции, посвященной проекту "СССР-100", выступили Надежда Ажгихина и глава Международного совета АИРО-XXI Геннадий Бордюгов, (руководители и предыдущих аналогичных мониторингов: "Победа-70", "Революция-100", "Победа-75"). Они, обосновывая особую актуальность нового проекта, отметили, что опыт СССР – это масштабный, хотя и неудавшийся эксперимент выстраивания жизни огромной страны вне

категорий собственности, прибыли и ценностей общества потребления [1]. Однако, на наш взгляд, такие оценки, хотя и имеют право на существование, но не являются в полной мере адекватными и достаточными в научном контексте. Прежде всего следует акцентировать внимание на закономерном характере послереволюционной этнотерриториальной политики пришедшей к власти партии большевиков. Именно 15 марта 1921 года X съезд РКП(б) поставил задачу объединить РСФСР, Белоруссию, Украину и республики Закавказья в единое новое государство. Как справедливо подчеркивает Г. Грибанова, «одним из самых стойких теоретических положений в исследовании современных форм национализма на посткоммунистическом пространстве является миф о том, что нации были подавлены коммунистическим режимом и проснулись с распадом этого режима» [2, с.333]. Такой подход является поверхностным, поскольку на самом деле «уровень институционализации национальности в режимах советского типа был необычайно высок» [3, с.148; 4, с. 135], а национальность в советский период имела фундаментальное значение в социальной системе. Для изучения реальных факторов образования СССР с методологической точки зрения большое значение имеет концептуальный инструментарий исследования этнотерриториальных процессов, предлагаемый норвежским политологом С. Рокканом, подчеркивающим значение территориальной политики для анализа качественных характеристик социально-политических систем. «Всякий анализ различий между политическими системами нужно начинать с понятия о территории. Невозможно изучать эти различия, не рассматривая структуру пространства, над которым они осуществляют свой контроль» [5, с.108], – пишет он. В структуре политического пространства всегда присутствуют центр, периферия и технологии взаимодействия между ними [5, с.95-122], т.е. политическое пространство организуется как создаваемая в центре иерархия структур политического контроля, управленческих, правовых и административных практик. Причем, создание целостной системы территориально-политического контроля, особенно в многосоставном, полиэтническом обществе – это сверхсложная проблема. А поскольку любое территориальное пространство, тем более достаточно обширное, не может быть абсолютно однородным, поэтому в условиях гетерогенности возникает конфликтный потенциал к автономизации и суверенизации. Центр-периферийные отношения оказывают существенное влияние на политическую структуру региональных сообществ и конфликты в них. Но также необходимо выявлять специфику отношений и по линии «субъект периферии» – «субъект периферии», в том числе и в ассиметричной федерации, так как эта субъектность во многом определяется этническими факторами. Формирование территории исторической России на протяжении более тысячелетия было обусловлено естественными причинами, которые теоретически рассматриваются в политологии в рамках парадигмы географического детерминизма. Это пространство распространилось по всей Евразии от Балтийского и Белого

морей на севере, до Азово-Черноморско-Каспийского региона на юге, включая Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию, всю Сибирь до Тихого океана. Занимая срединное положение между Европейским Западом, значительной частью исламского мира и Китаем, Россия естественным образом как бы «определила» зону своей геополитической ответственности. На наш взгляд вполне убедительно это обосновывается в концепции геоэтнокультурных систем С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина [6], которые доказывают, что такие системы являются наиболее стабильными геокультурными структурами естественного территориального развития. Они утверждают, что любая этническая общность «культурна» и выступает носителем определенных моделей поведения, духовных ценностей, своеобразного менталитета, традиций, обычаев, стереотипов, технологий взаимодействия с природной средой. Культура всегда естественным образом сопряжена с этносом и развивается в контексте этногенеза в определенных территориальных условиях. Поэтому и культура, и этнос географически детерминированы. Исследуя специфику великорусского геокультурного пространства, они приходят к выводу, что Россия представляет собой более сложную геоэтнокультурную систему, более сложносоставное территориальное качество, чем изначальная Киевская Русь. Очень важно учитывать такой сложный социальный феномен как влияние этноконтактной среды [7], который нужно рассматривать как территорию расселения определенного этноса, смыкающуюся с другими этническими группами. Возникающие ситуации этнических контактов, в том числе и по поводу природно-географических и исторических факторов формирования социальных взаимодействий в зонах социокультурных связей различных этносов и той сложившейся жизненной картины мира, а также и политической картины мира в среде данного этноса, напрямую связаны с восприятием спорной территории как своей родины. В этой связи этнотерриториальные конфликты на стыке культур проявляются как зоны контактов различных этносов, которые могут быть значительно отдалены друг от друга по лингвистическим, религиозным и другим социокультурным параметрам, но поскольку совместное проживание неизбежно, необходимо регулировать, а лучше предупреждать, профилактировать подобные конфликты, так как они могут и не выходить на поверхность, оставаться долгое время в латентном состоянии, существовать только на уровне обыденных высказываний и не актуализироваться. Это во многом зависит от позиций интеллектуальных и политических элит данных этносов. Поэтому одним из важнейших направлений в политологии является исследование политико-информационного пространства в контексте выявления причин и природы обострения этнических и религиозных конфликтов. Историческая Россия, включая и Советский Союз, всегда отличалась этнической, религиозной, лингвистической, социокультурной мозаичностью, проявляющейся в сложносоставной и внутренне конфликтной идентичности российского

суперэтнуса. Но само по себе единение обуславливалось естественными причинами и обеспечивало высокий уровень интеграционного потенциала.

Список литературы:

1. Выжutowич В. Союз создавался как братский // Российская газета – Федеральный выпуск № 54(8405) 15.03.2021 // <https://rg.ru/> (дата обращения 12.09.2021).
2. Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – 464 с.
3. Глебов С. Читая Р. Брубейкера // *Ab Imperio* .2000, № 1.
4. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. – М.: Праксис, 2002.
5. Rokkan S. *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works*. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 1999.
6. Суций С.Я., Дружинин А.Г. *Очерки географии русской культуры*. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. – 576 с.
7. Дробижева Л.М. *Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения* // *Социальная психология и общественная практика*. – М. 1985.

Беспалова Т.В.

ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В представленной статье речь пойдет об идеократическом измерении национальной политики Советского Союза и Российской Федерации. Именно идеократическое измерение национальной политики всегда определяло ее сущностное содержание, аксиологические приоритеты, формы и способы реализации. Вне идеократии государственная национальная политика приобретает хаотичный характер, становится зависимой от ротации кадров, националистических настроений, что не позволяет эффективно формировать приоритетный тип коллективной идентичности, реальное национальное единство и солидарность народа. Новое обоснование национальной политики возможно в русле обозначения идеологии государственного патриотизма в рамках цивилизационного подхода, который позволит актуализировать интегративную идею и устойчивую иерархию ценностей российского общества.

Ключевые слова национальная политика, идеократия, идеология, государственный патриотизм, национальное единство, Российская Федерация, правопреемница Советского Союза.

Bespalova T.V.

IDEOCRATIC DIMENSION OF THE NATIONAL RUSSIAN POLICIES

In the presented article we will talk about the ideocratic dimension of the national policy of the Soviet Union and the Russian Federation. It is the ideocratic dimension of national policy that has always determined its essential content,

axiological priorities, forms and ways of implementation. Outside the ideocracy, state national policy becomes chaotic, becomes dependent on the rotation of personnel, nationalist sentiments, which does not effectively form the priority type of collective identity, real national unity and solidarity of the people. A new justification for national policy is possible in line with the designation of the ideology of state patriotism within the framework of a civilizational approach, which will update the integrative idea and a stable hierarchy of values of Russian society.

Key words: national politics, ideocracy, ideology, state patriotism, national unity, Russian Federation, successor of the Soviet Union.

Начнем с вывода – реализация эффективной национальной политики в современной России требует обозначения на самом высоком уровне идеологии государственного патриотизма и новой модели национальной политики с учетом современных внутренних и внешних политических угроз российской цивилизации[1].

Реализация национальной политики в советский период была тесно связана с политическим воплощением государственной идеологии, взаимодействием принципов интернационализма и патриотизма, приоритетным формированием гражданско-политической общности – советского народа. Напомним, роль идеологического фактора была определяющей в советский период развития российской государственности, благодаря чему постепенно были созданы дружественные связи даже между некомплементарными этносами.

Трагедия одного народа становилась трагедией для всех народов Советского Союза (землетрясение в Армении). Идеологическая составляющая предполагала привлечение всех к построению «светлого будущего». «Коммунист на окраинах должен помнить: я – коммунист, поэтому я должен, действуя применительно к данной среде, идти на уступки тем местным национальным элементам, которые хотят и могут *лояльно (курсив -Т.Б.)* работать в рамках советской системы. Это не исключает, а полностью предполагает систематическую идейную борьбу за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклona к национализму. Только таким образом можно будет изживать успешно местный национализм и перевести на сторону Советской власти широкие слои местного населения»[2, с.276].

Произнести сейчас аналогично «...я патриот, государственник, защитник традиционных российских ценностей, должен идти на уступки тем местным национальным элементам, которые хотят и могут *лояльно* работать в рамках *сложившейся политической системы*» – *недостаточно вне конкретного идеократического обоснования национальной политики*, а также без обозначения масштабов русофобии и антисоветизма как одной из ее форм в ближнем и дальнем зарубежье, экологических и военно-политических угроз не только в отношении России, но и постсоветского пространства со стороны Польши, США, Румынии, Великобритании, Турции.

Состояние межнациональных отношений в современной России противоречиво и неоднозначно. В ряде регионов можно констатировать серьезное пока латентное обострение межнациональных отношений, связанное с целенаправленной работой западных НКО на Северном Кавказе с малыми народами[3], в ряде – абсолютное равнодушие к теме вплоть до пессимизма и отрицания ценности родины(Дальний Восток), в ряде – полная готовность к защите собственной этнокультурной, национальной и религиозной традиции в самых радикальных формах (Татарстан, Чечня и др.), иногда практически полное отсутствие межнациональной конфликтности во внешних проявлениях, не исключающее, однако, серьезных проблем в процессах формирования общероссийской гражданской идентичности (Сибирский федеральный округ). Отсутствие эффективного межрегионального сотрудничества на межведомственном уровне, доминирующая в регионах конкуренция по вопросам получения федерального финансирования на «модные» темы, отсутствие традиций «молодых» российских праздников, разрушение единого образовательного и культурно-исторического пространства приводят к недостижимости реального национального единства и солидарности российского общества.

Исключение сюжетов о происходящем на Донбассе за последние 7 лет в приемлемых формах из содержания российской национальной и молодежной политики, проведение «пенных» вечеринок в день Молодежи, разного рода «позитивных», «легких» мероприятий, ориентирующих молодых людей на собственный карьерный рост, проективное и потребительское мышление (гламурные телепередачи, скабрезные телевизионные шоу – Дом -1,2,) в момент, когда убивают русских людей не может формировать сильное национальное самосознание и способствовать воспитанию подлинного служения Родине. Появился целый пласт кинофильмов, песен, стихов, созданных на Донбассе в период с 2014 по 2021 гг., которые уже сейчас закрепили произошедшие события в памяти поколений на 50 лет вперед. Это трагедия большого русского народа (братских народов), которую мы безусловно преодолеем, при условии обозначения интересов российской цивилизации на уровне официальной государственной политики России. Участие граждан ЛДНР в выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в текущем году приближает момент русской истины.

Межнациональная конфликтность в ряде регионов отчасти возникает и по причине формализации патриотического воспитания молодежи, несистемного подхода к реализации исторической политики, отказа от совмещения принципа интернационализма и патриотизма. *Интернационализм и дружба народов сейчас не пропагандируются, чаще речь идет о межнациональном согласии без обозначения его идейно-политической основы.*

Национальная политика России имеет внешнюю и внутреннюю направленность, поэтому с 2021 года неизбежны серьезные изменения

межнациональных отношений на постсоветском пространстве в связи с радикализацией политической ситуации в мире (Афганистан и др.) в сторону сближения народов СНГ. Акцент исключительно на экономической интеграции постсоветского пространства вне политической не оправдал себя.

Политика многовекторности (Казахстан, Белоруссия, Украина) не минимизировала внутренние конфликты в странах СНГ, а напротив довела их до горячей фазы конфронтации. По итогам прошедших в январе 2021 года совещаний в Министерстве образования Республики Беларусь, была обозначена одна из причин протеста молодежи на улицах в 2020 году – учебники по истории Белоруссии. Например, в учебниках за 7-8-е классы прослеживается четкий тезис «во всем виновата Россия». Научной основой для создания подобных учебников является деятельность Национальной Академии Белоруссии, которой в 2018 была издана «неоднозначная» История белорусской государственности в 5-ти томах [5].

Политическая трансформация «советско-польского» в «белорусско-польское» в сфере исторической и культурной политики привела к смещению акцентов от советского (российского) к белорусскому и подмене победы советского народа в Великой Отечественной войне на победу белорусского народа. В общественном транспорте Минска, Гродно все остановки транспорта объявляют исключительно на белорусском языке, названия улиц, указатели для туристов на белорусском и английском, рекламируются скидки клиентам, если заказ делается на белорусском языке, хотя около 80 процентов граждан РБ настроены пророссийски.

Ряд стран (Балтии, Украина, Польша), обосновывая логику «десоветизации» и отказа от общего прошлого с Россией, приняли законы о запрете советской символике. В частности, в 2009 году сейм Польши принял резолюцию, в которой квалифицировал освобождение Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в сентябре 1939 года оккупированной поляками Западной Украины и Западной Белоруссии как агрессию против Польского государства. В 2010 году сейм Литвы ввел уголовную ответственность за отрицание оккупации Литвы СССР; в 2014 году Латвия ввела ответственность за публичное отрицание, оправдание, прославление и тривиализацию агрессии, реализованной в отношении Латвийской Республики СССР, в 2017 году в стране был принят закон, предоставляющий статус участника Второй мировой войны лицам, воевавшим на стороне нацистской Германии; в 2018 году Верховная рада Украины официально приравняла членов Украинской повстанческой армии (ОУН-УПА) к ветеранам Великой Отечественной войны и т. д.

Основные причины уничтожения русской (российской, в том числе советской) идентичности на постсоветском пространстве, конфликтов, на границах бывших советских республик – отсутствие идеологии Российского государства [6, с.131-142], прямого запрета на которую нет в Конституции Российской Федерации. Можно использовать понятие идеология вне понятий

«государственная» или «обязательная», не нарушая ст.13 часть 2 Конституции РФ. Например, вести речь об идеологии государственного патриотизма в культурно-цивилизационном измерении в совмещении с новым типом экосоциализма (христианского социализма) и идеей солидарной цивилизации как возможном будущем России [7]. О национальной идее, русской мечте, цивилизационной миссии России, защите традиционных российских ценностей, исторической правды, национальных интересов и цивилизационной безопасности. Однако выбор приоритетной идеи и соответствующего политического проекта все равно должен состояться, так как основной сущностной чертой русской власти всегда была идеократия, без которой нет будущего.

Реализация эффективной национальной политики требует обозначения *идеологии государственного патриотизма*, после чего, в зависимости от региона должны применяться различные политические стратегии и технологии, направленные на одну цель – возрождение реального единства русского народа, силы и державности Российского государства. Лояльность в отношении политической системы не лучшая политическая мотивация (хотя наиболее прагматичная), поэтому, на наш взгляд, требуется поднять планку межнационального и межрелигиозного диалога до уровня осмысления общей интегративной цели развития российской (евразийской) цивилизации, будущего России как правопреемницы Советского Союза, привлечь все народы постсоветского пространства к новому глобальному политическому проекту.

Важно также актуализировать ответ на вопрос о совмещении этнокультурной идентичности народов России, национальной (гражданско-политической) и цивилизационной идентичности России. Историческая необходимость заставляет вернуться к собственным истокам, основам российской цивилизационной идентичности как к одному из ресурсов и источников выработки решений стратегических задач, стоящих перед страной, – это право России на самостоятельное национальное и цивилизационное бытие. На наш взгляд, применение цивилизационной теории, даже с учётом её возможных политических рисков, снимает если не все, то многие противоречия.

Следует подчеркнуть особую роль «русского фактора» в истории России. Российская модель национальной политики России в постсоветский период в большей мере была ориентирована на защиту прав национальных меньшинств, малых народов, что привело к сложнейшему духовному состоянию русского народа – от его разделенности, демографических проблем к слабости русского национального самосознания и маргинализации русского фактора в политике.

Совмещение этнокультурной (русской, татарской, чеченской и др.), национальной в гражданском смысле (российский народ, граждане России) и цивилизационной идентичности России (принадлежность к самобытной

православной цивилизации) – может стать идентификационной основой новой модели национальной политики России.

Этническую (этнокультурную) идентичность невозможно размыть, элиминировать гражданской идентичностью или подменить российской цивилизационной идентичностью. Это делать недопустимо и с конституционно-правовой точки зрения. Этносы реально продолжают существовать, русский народ не исключение, поэтому сохранение и укрепление этнокультурной идентичности русским необходимо так же, как и другим народам России.

Существование любой гражданской идентичности не может быть вне конкретного языка и культуры как ее основы и предпосылки. К примеру, классическая гражданская нация французов говорит на французском языке, а американская нация – на американском английском. У российской гражданско-национальной идентичности тоже есть свой язык, и в этом смысле статья 68 часть 1 Конституции РФ гласит: *«Государственным языком Российской Федерации» на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».*

В последней редакции Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года[8] определение общероссийской гражданской идентичности основано *на сохранении русской культурной доминанты*, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. В п. 11.1 также указано, что современное российское общество объединяет *единый культурный (цивилизационный) код*, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

Важно отметить, что *иерархия и задача по гармонизации идентичностей – от приоритетной цивилизационной к гражданской (политической) и этнокультурной* – обусловлена идеей и стратегической целью сохранения и укрепления российской державы, общего отечества всех народов России, и, конечно, реальной политической ситуацией, требующей разрешения межцивилизационного противостояния, в особенности на территориях государств, сопредельных с нашей страной. Хотя, необходимо признать, что использованное в Стратегии государственной национальной политики понятие *«единый культурный (цивилизационный) код»*, также как и понятие *«российская цивилизация»*, в Основах государственной культурной политики РФ, пока фактически остаётся лишь декларацией.

Таким образом, современной России, правопреемнице Советского Союза для сохранения «цветущей сложности» народов, культур, религий и

собственной цивилизационной безопасности требуется четкое идеократическое обоснование новой модели национальной политики.

Список литературы:

1. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М., 2019 - 212 с.
2. Проект платформы по национальному вопросу, предложенный Секретариатом ЦК и принятый за основу Политбюро ЦК//Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г.Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. – 296 с.
3. Беспалова Т. Возвращение русских на Кавказ является одной из стратегических задач государственной политики России. [Электронный ресурс]. URL.:<https://novorosinform.org/821522> дата обращения 15.08.2021
4. Беспалова Т.В., Поцелуев С.П., Расторгуев В.Н. Национальная память в эпоху перемен. М., 2021 – 208 с.
5. История белорусской государственности. В 5 т. Т.1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в./А.А.Коваленя[и др.]; отв.ред. тома: О.Н.Левко, В.Ф.Голубев; Нац.акад.наук Беларуси, Ин-т истории.- Минск:Белорусская наука, 2018.-598 с.
6. Беспалова Т.В. Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры//Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том XII.Россия как цивилизация будущего/Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории под ред. Ю.М. Резника. – М.: Издательство независимого Института гражданского общества. 2020.С.131-142.
7. Tatyana Bepalova, Maksim Bakhtin, Elena Sviridkina, Vladimir Lepekhin Russia's response to new types of threats of the XXI century//Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020) 2020. Vol.210 Number16025 DOI <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021016025>
8. В ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703.

Клочков В.В., Назарова В.С.

Э.Х. КАРР И ОЦЕНКА КОНСТИТУЦИИ СССР 1924 Г. В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XX В.

В статье рассматриваются ключевые аспекты методологии исторического исследования Э. Х. Карра (1892–1982) и его оценки Конституции СССР 1924 г.. Сделан акцент на том, что централизация власти, нашедшая отражение в указанной конституции, носила отчасти вынужденный и экономически обусловленный характер. Показывается, что концепция Э. Карра в отношении образования СССР и сегодня доминирует в британской историографии.

Ключевые слова: Эдвард Халлет Карр (1892–1982), методология истории, история советской России, британская историография середины XX в., Конституция СССР 1924 г. и ее оценки, образование СССР, современная историческая наука.

E.H. CARR AND ASSESSMENT OF THE CONSTITUTION OF THE USSR 1924 IN BRITISH HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE XX CENTURY

The article examines the key aspects of the methodology of the historical research of E. H. Carr (1892-1982) and his assessment of the Constitution of the USSR of 1924. The emphasis is placed on the fact that the centralization of power reflected in the mentioned Constitution was partly forced and economically conditioned. It is shown that the concept of E. Carr in relation to the formation of the USSR still dominates in British historiography nowadays.

Key words: Edward Hallet Carr (1892–1982), methodology of history, history of the Soviet Russia, british historiography in the middle of the XX century, Constitution of the USSR of 1924 and its assessments, formation of the USSR, contemporary historical science.

Столетний юбилей образования СССР вновь пробудил внимание историков к различным аспектам становления и развития советского государства. Однако среди сюжетов, так или иначе затрагиваемыми сегодня историками, профессионально занимающимися советским периодом, историографическим аспектом уделяется не так уж много места. Особенно это становится очевидным, когда речь заходит о зарубежной, в особенности британской историографии. Между тем, один из наиболее фундаментальных трудов по истории советской России принадлежит перу именно британского историка середины прошлого столетия Эдварда Карра [1]. Впервые будучи изданным в русском переводе в СССР на излете перестройки (речь идет о первых двух томах исследования), книга британского историка вызвала огромный интерес не только повествовательной стороной исследования (как сказали бы сегодня – нарративной составляющей), но и его методологией [2]. Это неудивительно – британский историк известен сегодня по большей части как философ и методолог истории. Тем не менее, было бы большим упущением не воспользоваться привязкой к юбилейной дате и не вспомнить, чем именно знаменит труд Э. Карра «История Советской России». Было бы наивно даже предполагать, что столь обширная исследовательская задача могла бы быть решена в столь скромном по объему сообщении. Поэтому главных акцентов будет лишь два: общий взгляд британского ученого на историю и исторический процесс, и его оценка первой Конституции СССР 1924 г., ставшей юридическим итогом образования советского союзного государства.

Эдвард Халлет Карр (1892–1982), известный британский историк и дипломат, специалист по истории СССР и международных отношений. Закончил Тринити колледж в Кембридже и получил там кафедру после Дж.М. Тревельяна в 1951 г. [3, р. 191-192]. Курс лекций «Что такое история?» был прочитан в январе–марте 1961 г. в Кембридже и вызвал массу откликов, что неудивительно, поскольку параллельно (правда, в несколько сокращенном

варианте) этот курс был прочитан на третьей программе BBC – такое почти невозможно вообразить себе сегодня [4]. Еще один всемирно известный британский историк Э Хобсбаум писал позднее, что лекции Карра – «это мощный и блестящий залп против исторического обскурантизма». [5, p. 247] Описывая методологические взгляды Э. Карра, он писал: «Карр – не марксист, хотя очевидно, что он испытал очень сильное влияние со стороны Маркса, которым он восхищается, которого защищает и, между прочим, цитирует более часто, чем любого другого писателя» [5, p. 248].

Если же говорить серьезно, то методологическая работа Э. Карра примечательна уже тем, что впервые со времен Р. Дж. Коллингвуда профессиональный историк предпринял серьезную попытку систематического анализа теоретико-методологических основ исторической науки, теории исторического познания и исторического прогресса. Э. Карр был критиком позитивистского объективизма и выступал против обособления мировоззренческих установок автора от исторического метода. «Факты сами по себе не образуют историю и не дают готового ответа на вопрос что такое история, поскольку последняя всегда означает интерпретацию» [4, p. 8].

Э. Карр был против крайностей субъективизма в истории. Он признавал заслуги В. Дильтея и разделял тезисы Р. Дж. Коллингвуда об ограниченности фактографического подхода к истории. Но критика «истории ножниц и клея» не должна приводить к выводам о том, что история есть нечто, созданное исключительно человеческим разумом и воображением, как это полагал его не менее знаменитый коллега Дж. К. Кларк. Э. Карр писал, что «на место теории, по которой история не имеет никакого значения, Коллингвуд ставил теорию, по которой история имеет множество значений и ни одно из них не выглядит более истинным, чем другое. Ясно, что эта вторая теория является такой же несостоятельной, как и первая. Из того, что интерпретация играет необходимую роль в установлении исторических фактов и что никакая существующая интерпретация не является полностью объективной, не следует, что одна интерпретация является столь же хорошей, как и другая, и что факты в истории в принципе не поддаются объективной интерпретации» [4, p. 21].

Также Э. Карр отмечал, что «исследование отношения историка к фактам ставит нас в явно неопределенное положение осторожно плывущих между Сциллой несостоятельной теории истории как объективной компиляции фактов, неограниченного превосходства их над интерпретацией и Харибдой в равной мере несостоятельной теории истории как субъективного продукта сознания историка» [6, p. 180-181]. В этом плаваньи важен курс, и Э. Карр был осторожен в критике идей прогресса. Он полагал, что историк должен оценивать прогресс как изменение возможностей человека в истории и эволюцию институтов, эти возможности определяющих. «История в подлинном смысле этого слова может быть написана только теми, кто находит и принимает чувство направления в самой истории» [7, p. 124].

Что же касается оценки британским историком Конституции СССР 1924 г., то на этом предметном поле, где он ориентировался много лучше многих своих коллег по историческому цеху, и, как минимум, не хуже, чем в области методологии истории, то он отмечал, что из союзной конституции как-то незаметно выпало определение советского государства как федерации [8, р. 494-502]. По мнению британского исследователя, это имело далеко идущие последствия. Он писал, что «Конституция СССР 1924 года рассматривалась как шаг в направлении централизации...., как благодаря увеличению числа вопросов, входящих в компетенцию центрального правительства, так и благодаря его более сильной верховной власти» [2, с. 322-323]. Развивая эту мысль, Э. Карр отмечал, что «растущее сосредоточение власти в руках союзного центра и тенденция к замене федеративных начал государства реальностью унитаризма, помноженного на ярко выраженную неэффективность конституционного контроля, были в значительной мере уступкой затянувшемуся чрезвычайному положению в стране. Корни концентрации власти были прежде всего экономическими» [2, с. 323].

Таким образом, известный британский историк положил начало историографической традиции, которая и до сих пор является весьма влиятельной. С его точки зрения, концентрация власти в руках союзного правительства (характерно, что Э. Карр описывал ее в терминах, скорее характерных для системы разделения властей классического типа, более привычных ему), явственно отразившаяся в Конституции СССР 1924 г., была отчасти вынужденной мерой. Отмеченная выше неэффективность конституционного контроля очень скоро привела к тому, что сверхконцентрация власти в руках центрального правительства стала восприниматься как сама собой разумеющаяся данность. Именно эта составляющая оценки Э. Карра союзной Конституции и закрепилась в британской историографии вплоть до конца XX столетия [7, р. 129]. Да и в настоящее время реальных попыток коррекции этой позиции не наблюдается.

Э. Карр не дожил совсем немного до публикации своего труда на русском языке. Сложной оказалась и судьба его произведения в России, пережившего и огромную популярность, и глухое забвение. Но исторические тренды (как сказал бы сам Э. Карр – паттерны) изменчивы, а муза Клио – привередлива. И что-то подсказывает, что недалек тот час, когда новое поколение исследователей сотрет пыль с подзабытой сегодня книги Э. Карра.

Список литературы:

1. Carr E.H. A History of Soviet Russia. L.: Longman, 1950–1952. Vol. 1-2.
2. Карр Э. История Советской России. М.: Прогресс, 1990. Т. 1-2.
3. Barber J., Carr E.H. Great Historians of the Modern Age / ed. by L. Boia. N.Y., 1991.
4. Carr E.H. What is History. L.: Longman, 1962.
5. Hobsbaum E. Progress in History // Marxism Today. 1962. Vol. 6. № 2. February.
6. Cobb A. Carr E.H. The Encyclopedia of Historians and Historical Writing / ed. by K. Boyd. Chicago, 1999. Vol. I.
7. E.H. Carr: A Critical Appraisal / ed. by M. Cox. L.: Palgrave, 2000.
8. Edward Hallett Carr, 1892–1982 // Proceedings of the British Academy. 1983. Vol. 69.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР В ПРАЗДНИЧНОМ КАЛЕНДАРЕ

Статья посвящена исследованию проблемы учреждения празднования в честь образования Советского Союза. На основании изученного материала автор демонстрирует, что институционализация образования СССР в праздничном календаре происходила благодаря перенесению всех символических форм на День Конституции СССР.

Ключевые слова: День Конституции, институционализация, праздничный календарь, празднование, собрание, СССР.

Shapovalov S.N.

INSTITUTIONALIZATION OF EDUCATION OF THE USSR IN HOLIDAY CALENDAR

The article is devoted to the study of the problem of establishing a celebration in honor of the formation of the Soviet Union. Based on the material studied, the author demonstrates that the institutionalization of the formation of the USSR in the holiday calendar was due to the transfer of all symbolic forms to the Day of the Constitution of the USSR.

Key words: Constitution Day, institutionalization, holiday calendar, celebration, meeting, USSR.

30 декабря 1922 г. в Советской России на I Всесоюзном съезде Советов произошло важнейшее историческое и общественно-политическое событие, которое привело к рождению Союза Советских Социалистических Республик, ставшего со временем великой державой [1]. По сложившейся традиции, особо знаменательные для государства дни всегда вносились в праздничный календарь, где им присваивали свой статус (государственный, всенародный, церковный и т.д.), в зависимости от значимости произошедшего события. Создание советской государственности было закреплено 6 июля 1923 г. после принятия Конституции СССР [2, с. 262]. Менее чем через месяц Президиум ЦИК СССР постановил «признать 6 июля днем, праздничным на всей территории», что положило начало празднованию Дня Конституции во всесоюзном масштабе [3]. Именно этот день стал ассоциироваться в праздничном календаре с днем образования социалистического государства.

Первое празднование в честь принятия Конституции СССР пришлось на 1924 г. На Кубани в преддверии праздника Облисполком издал постановление об украшении городов и населенных пунктов флагами, коврами и зеленью. Заранее был составлен и утвержден план праздничных мероприятий. Организаторы праздника решили придать этому дню характер народного гуляния, четко разделив торжество на официальную и неофициальную части.

Днем 6 июля в городских садах и парках планировалось устроить народные гуляния с духовыми оркестрами, концертными отделениями, детскими играми, спортивными состязаниями и другими увеселительными зрелищами. Вечер праздничного дня отводился на заседания пленумов горсоветов и стансоветов с представительством партийных, профессиональных, армейских и прочих организаций. В рабочих клубах предусматривалась организация собраний, посвященных созданию СССР, чтению докладов, устройству вечеров, спектаклей и концертов. К обязательному участию в празднике привлекались духовые и симфонические оркестры [4, с. 37].

6 июля 1924 г. в Краснодаре на открытом воздухе состоялись доклады, посвященные вопросам «Конституции СССР и национальной политики РКП(б) и Соввласти». После их завершения начались спортивные состязания и летучие концерты. Мероприятия сопровождалась игрой оркестров. Праздничными пространствами в городе стали Городской сад, Первомайская роща, опытная сельскохозяйственная станция, Железнодорожный сад, где с 11 часов начались народные гуляния и детские игры. К 7 часам вечера народные гуляния захватили территории сада завода «Саломас» клуба Кропоткина, а также площадь военных казарм у кожевенного завода. С 9 часов вечера празднества были перенесены в летние рабочие клубы и театры. В них звучали доклады, проходили спектакли и концерты с революционным репертуаром [5]. В честь праздника проводились собрания на предприятиях и в учреждениях, а также выставки, посвященные истории Советского государства [6, л. 30а].

Несмотря на вполне удачный опыт проведения празднования Дня Конституции СССР, 19 сентября 1924 г. вышло новое постановление Президиума ЦИК СССР, согласно которому празднование этого дня переносилось на первое воскресенье июля [7]. Эта дата в советском календаре уже была занята Международным днем кооперации, поэтому происходило наложение двух совершенно различных праздничных символов.

Первый подобный опыт совместного празднования произошел в 1925 г. В этот день в Краснодаре и в других населенных пунктах проводились выступления агитаторов с докладами и лекциями на специально организованных собраниях рабочих. Их темой была национальная политика Советской власти. Повсеместно собирались заседания советов всех уровней. Специфика Кубани отражалась в таких формах празднований как экскурсии хлеборобов и рабочих на опытные поля, в передовые сельские хозяйства. Для придания массовости празднования устраивались конно-спортивные состязания и вечерние киносеансы [8, л. 174].

Празднование Дня Конституции СССР могло включать и другие формы. Например, в Москве в 1925 г. теме Конституции было посвящено инсценированное представление, отобразившее наиболее важные этапы в борьбе пролетариата за власть. После его окончания был проведен парад национальностей. В некоторых районах столицы разъезжали автомобили, на

которых давались представления и ставились «живые газеты». Постановки и инсценировки были дополнены джигитовкой со стороны буденовцев [9].

Несмотря на появление разнообразных форм празднования Дня Конституции СССР, его закреплению в общественном сознании мешало ежегодное смещение даты празднования, вызванное особенностями расположения в календаре. Например, в 1925 г. первое воскресенье пришлось на 5 июля, в 1926 г. на 4, в 1927 г. на 3 июля. Не шло на пользу и совмещение двух диаметрально противоположных праздников – Дня кооперации и Дня Конституции СССР, которые были наполнены совершенно разным идеологическим и символическим содержанием.

Кочевание и неопределенность Дня Конституции СССР в праздничном календаре продолжалась вплоть до 5 декабря 1936 г. В этот день Чрезвычайный VIII Съезд Советов Союза ССР принял новую Конституцию СССР. Грандиозность события была подчеркнута объявлением его всенародным праздником [10]. Прежний день празднования был перемещен с первого воскресенья июля на новую дату.

Первый опыт празднования Дня Сталинской Конституции был получен в 1937 г. Этот год запомнился торжественным проведением 20-й годовщины Октябрьской революции и выборами депутатов Верховного Совета СССР. Именно последнее событие наложило свой отпечаток на содержание нового праздника. Уже с 14 ноября 1937 г. (то есть задолго до начала праздника) в СССР начали готовить к нему обширную радио-аудиторию. С этой целью была разработана специальная сетка вещания, которые должны была охватить все группы населения. С 11 часов по радиостанции стали передавать беседы о Сталинской Конституции. В это же время, но по нечетным числам транслировались специальные передачи для домохозяек. С 11 часов 30 минут по четным числам на вопросы радиослушателей отвечал прокурор Советского Союза А.Я. Вышинский. Ежедневно с 17 часов 30 минут происходил обзор хода избирательной кампании, а в 20 часов шли передачи на тему: «Кандидаты в депутаты Верховного Совета Союза ССР» (биографии, личные выступления у микрофона, очерки и стихи о них). Вокруг каждого репродуктора и радиоприемника организовывались коллективные слушания [11].

Празднование Дня Сталинской Конституции на Кубани в 1937 г. прошло как грандиозное событие. В Краснодаре городские здания были украшены знаменами, плакатами, портретами руководителей партии и правительства. На улицах царил праздничное оживление. Люди поздравляли друг друга с великим днем. Во всех концах города гремела музыка. По улицам разъезжали агитмашины. Вечером в большинстве избирательных участков были проведены вечера самодеятельности. Их участники пели, танцевали, делились воспоминаниями, веселились.

Похожие картины наблюдались в других населенных пунктах Кубани. В Кропоткине в 12 часов дня у здания Дома Советов состоялся митинг трудящихся, на котором присутствовало 12 тыс. человек. Площадь была

украшена транспарантами, лозунгами и плакатами. На здании педагогического училища вывешены гербы союзных республик. Играл оркестр, на площади были организованы танцы. В Сочи 5 декабря состоялась многолюдная демонстрация и митинги в новом Сочинском театре, у Дома обороны, «Кавказской Ривьеры» и в других местах [12].

За годы празднования Дня Сталинской Конституции по всей стране сложилась общая схема ознаменования этого события. С 1 по 5 декабря повсеместно проводились беседы, доклады, лекции о Конституции СССР и избирательном законе, о советской демократии и ее преимуществах перед буржуазной демократией, о правах и обязанностях советских граждан. В канун праздника депутаты, работники местных Советов, активисты выступали в агитпунктах, клубах перед населением с отчетами о проделанной за год работе, сообщали о планах хозяйственного и социально-культурного строительства.

В парткабинетах, библиотеках, кино, театрах, Дворцах и домах культуры открывались выставки, фотовитрины, монтажи, посвященные Дню Сталинской Конституции. В кинотеатрах демонстрировались художественные и хроникально-документальные фильмы, посвященные истории страны. В день праздника проводились торжественные заседания партийных, советских и общественных организаций.

5 декабря в городах и районах проводились торжественные сессии городских и районных Советов депутатов трудящихся. В рабочих клубах и Дворцах культуры, по радио проводились вечера вопросов и ответов, на которых перед населением выступали депутаты Верховного Совета СССР и союзных республик, а также местных органов власти.

Таким образом, только после принятия Сталинской Конституции в советском праздничном календаре произошла окончательная институционализация дня, посвященного принятию Основного Закона страны. За ним не только был закреплен конкретный день в календаре, но и произошло наделение его статусом выходного для всех жителей страны. В течение первых лет были заложены основные формы проведения праздника Сталинской Конституции, которые сохраняли свою актуальность вплоть до 1977 г., когда в календаре появилась новая дата празднования после принятия Конституции СССР.

Список литературы:

1. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2018.
2. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.
3. Вестник ЦИК СНК и СТО СССР. 1923. № 4. Ст. 83.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 397.
5. Красное знамя. 1924. 8 июля.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 188.
7. Собрание Законов СССР. 1924. № 13. Ст. 125.
8. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88.

9. Правда. 1925. 7 июня.
10. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.
11. Большевик. 1937. 14 нояб.
12. Большевик. 1937. 13 дек.

Горин А. А.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 20-Х ГГ. XX ВЕКА: УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье поднимается вопрос о потенциале мусульманских школ в системе светского образования, в период становления Советского государства. Потребность интеграции религиозных школ в государственную систему образования актуализирует обращение к опыту начала XX века.

Ключевые слова: история, история религии, ислам, джадидизм, Наркомпрос, РСФСР.

Gorin A. A.

MUSLIM EDUCATION IN THE 20'S XX CENTURY: LOST OPPORTUNITIES

The article raises the question of the potential of Muslim schools in the system of secular education, during the formation of the Soviet state. The need to integrate religious schools into the state education system actualizes the appeal to the experience of the early twentieth century.

Key words: history, history of religion, islam, jadidism, Narkompros, RSFSR.

В наше время актуальным остаётся вопрос о взаимной интеграции систем светского и религиозного образования в рамках действующего правового поля Российской Федерации. Проблема государственной аккредитации религиозных учебных заведений заставляет обратиться к опыту в том числе и опыту государственного строительства 20-х гг. XX века.

Вопрос о судьбе религиозного образования после Октябрьской Революции остро. С одной стороны, ст. 9 Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. "О свободе совести, церковных и религиозных обществах" гласила: *"...Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом."* [1; с. 374] С другой стороны, в ряде регионов Советского государства альтернативы религиозным школам-медресе для населения – не было. Более того, система мусульманских школ – мектебе и медресе имела потенциал, использование которого могло способствовать политике "ликвидации безграмотности". Значительная часть мусульманских учебных заведений Крыма, Северного Кавказа, Среднего Поволжья развивались в рамках концепции джадидизма (мусульманского

"обновленчества"), предпосылки формирования которой появились ещё во II пол. XVIII в., но основные её постулаты сформулировал Исмаил Гаспринский на страницах издания *Terciman* с 1883 по 1914 гг. Основной задачей Гаспринский ставил: *"распространением среди нас [мусульман] европейской науки и знаний вообще"* [2; с.4].

Джадиды к 1900 г. создают целую сеть собственных школ "джадиди усул", в программу которых входили не только богословские, но и естественные науки (математика, физика, астрономия, и др.), стараясь сохранить ислам, как базис идентичности традиционного мусульманского общества [3; с. 73].

Наряду с медресе и мектебе, из которых к началу XX века также многие внесли в свою программу естественнонаучный блок, школы джадидов могли стать базой для образования нового образца в Туркестане (здесь школы джадидов массово открывались с времени визита Гаспринского в 1893 г. [3; с. 73]), в Крыму, на Северном Кавказе.

В 1923 году на пост муфтия Центрального духовного управления мусульман заступает просветитель и учёный Ризаэтдин Фахретдин (фактически исполнял обязанности – с 1921 г.) [4; с. 145], взявший курс на мирное сосуществование мусульман с Советской властью и продвижение в жизнь концепции использования наследия народной педагогики. [5; с.169]

Советское руководство в мае 1918 г. подчинило все мусульманские школы Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу) [6; с.357-359], а 26 сентября 1918 г. Госкомиссия Наркомпроса приняла решение привести духовные школы в соответствие стандартам советского трудового образования. С 1920 г. начинаются попытки запретить преподавание по Корану вообще и богословских наук в частности. Однако на данном этапе Наркомпрос пытается сохранить систему дореволюционных школ настолько, что идёт на уступки: разрешает сохранить раздельное обучение мальчиков и девочек, а в 1921 году – даже признаёт ошибочность жёсткого изгнания религиозных преподавателей из школ [7; с.34]. Причин две: во-первых, начинается массовое стихийное формирование неофициальных религиозных школ с преподаванием в рамках жёсткого религиозного консерватизма; во-вторых, официальные школы испытывают дефицит кадров.

В том же 1921 году после массовых жалоб мусульман на притеснения и активных действий будущего муфтия Ризаэтдина Фахретдина, создаётся документ "О реформе мусульманской школы", предлагающий "переходный период" для мусульманского образования, который запрещает преподавание богословия, но допускает использование Корана для обучения грамотности и участие мусульманских духовных лиц в преподавании. Однако это приводит к тому, что к 1923 году проявляется тенденция приоритета, который отдаёт мусульманское население "переходным" школам перед новыми советскими учебными заведениями. В Крыму и Адыгее местные Исполкомы уже с 1922 года начали на свой страх и риск привлекать к преподаванию в советских школах "прогрессивных эфенди" из числа джадидов [7; с.35]. Это вызвало

нарекания со стороны центральных органов Советской власти. 11 августа 1924 года появляется Директива НКВД и НКП РСФСР о том, что богословие разрешается преподавать в зданиях мечетей, если они отвечают санитарным требованиям учебного заведения. Однако светские предметы в мечетях преподавать не разрешалось. Идея была остроумной: разделить светское и духовное образование, по сути обязав молодёжь посещать сразу два вида школ. Но эта идея наткнулась на тот же дефицит светских преподавательских кадров. Выход предложили джадиты, сформировав концепцию "переходных" школ, содержащихся на средства трудящихся. Программу для этих школ джадиты предлагали по сути, сформированную по принципам Исмаила Гаспринского: соединение богословского и естественнонаучного блоков предметов. Даже сам нарком просвещения А. В. Луначарский в 1927 году вынужден был признать: до тех пор, пока государство не будет в состоянии обеспечить кадрами и финансами светские школы, предложенный вариант "переходных" школ – единственно возможный выход для мусульманских регионов. Нужно отметить, что к тому времени в Поволжье духовные школы как мусульман, так и православных, были уже вытеснены новой советской школой: данный регион мог обеспечить новые светские школы как кадрами, так и необходимыми ресурсами. Однако, в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Крыму такие возможности Советской власти были ещё ограничены.

К сожалению, советское руководство увидело в популярности "переходных" школ опасность укрепления религиозности местного мусульманского населения, и в июне 1927 года ЦК ВКП(б) выпускает предписание единообразной и жёсткой регламентации преподавания богословских дисциплин, что привело к разрушению системы школ джадитов. Советская республика к этому времени сумела справиться с формированием системы трудовой школы, однако возможность использования потенциала мусульманского образования в процессе формирования советской системы образования был утерян.

Список литературы:

1. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. 20 января (2 февраля) 1918 г.// Декреты Советской власти. Т. I. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – с. 371-374.
2. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. – Симферополь: типография Спиро, 1881 – 45 с.
3. Алихожиев М.О., Тажимирзаев Э.А. Джадидизм в Туркестане и просветительская деятельность джадитов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания – 2016- № 32. – с.72-76
4. Байбулатова Л. Ф. Феномен Ризаэтдина Фахретдинова (к 160-летию со дня рождения)//Из истории и культуры народов Среднего Поволжья Т. 1, – 2019. – № 9. – с.142-151
5. Халиков И. Ю. Педагогические взгляды Ризаэтдина Фахретдина//Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 11-12. – с. 166 – 169

6. Декрет об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата по просвещению// Декреты Советской власти. Т. II. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959. – с. 357-359.

7. Мамсиров Х. Б. Советская власть и мусульманская система образования в 20-е гг. XX в. // Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – №2. – с.32 – 38

Гарас Л.Н., Маковская Д.В., Косов Г.В.

**КРЫМСКАЯ АССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ОБЩНОСТИ: ВИКТИМИЗАЦИОННЫЙ
АСПЕКТ¹**

The article is devoted to identifying the place of the discourse about the Crimean ASSR in the victimization of the Crimean Tatar ethnic community. In the course of the study of materials concerning the functioning of the Crimean Tatar community in the Russian political and legal space, it was found that the victimizing Crimean Tatar community actively includes the topic of the creation of the Crimean Tatar national-territorial autonomy. As a justification, there is a reference to the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic of 1921, which on these resources is positioned as Crimean Tatar, created on an ethnic basis.

Ключевые слова: крымские татары, виктимизация, информационные ресурсы, конструирование, национально-территориальная автономия.

Garas L.N., Makovskaya D.V., G.V. Kosov

**THE CRIMEAN ASSR IN THE HISTORICAL MEMORY
OF THE CRIMEAN TATAR COMMUNITY: VICTIMIZATION ASPECT**

The article is devoted to identifying the place of the discourse about the Crimean ASSR in the victimization of the Crimean Tatar ethnic community. In the course of the study of materials concerning the functioning of the Crimean Tatar community in the Russian political and legal space, it was found that the victimizing Crimean Tatar community actively includes the topic of the creation of the Crimean Tatar national-territorial autonomy. As a justification, there is a reference to the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic of 1921, which is positioned as the Crimean Tatar, created on the basis of ethnicity.

Key words: Crimean Tatars, victimization, information resources, construction, national-territorial autonomy.

Сохранение стабильности в этнической сфере жизни Республики Крым и города федерального значения Севастополь является одной из значимых задач

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства г. Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920003 «Детерминанты и механизмы закрепления сформированного депортацией 1944 года комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар города Севастополя и инструменты его преодоления».

федеральных и региональных органов государственной власти и управления Российской Федерации. Ее актуальность обуславливается этноконфессиональной мозаичностью и противоречивой историей взаимодействия этносов и государственности в Крыму, использованием крымскотатарского вопроса в качестве одного из элементов стратегии антироссийской политики Украины и других государств, действия которых направлены на разжигание межэтнической конфликтности в регионе, а так же сохранением остроты геополитического противостояния в макрорегионе Большое Средиземноморье, где вопросы этничности и религии активно инструментализируются.

Существующие результаты количественных исследований демонстрируют неоднозначную ситуацию в этноконфессиональной сфере. По мнению специалистов, на данный момент этноконфессиональная ситуация в Крыму носит «спокойный и прогнозируемый характер», однако в этой сфере прослеживается «наличие латентного конфликтного потенциала» [3, с. 266]. Наиболее уязвимой группой в контексте возможности развития конфликтной мобилизации является крымскотатарская этническая общность. Это в значительной степени определяется присутствием комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар, обусловленного восприятием факта депортации 1944 г., который являлся этноразделяющим для крымского социума с начала процесса репатриации крымских татар [1, с. 301].

По мнению Муратовой Э.С., память о депортации широко распространена среди нескольких поколений крымских татар: поколения, пережившего депортацию; поколения, родившегося в местах депортации; поколения внуков тех, кто подвергся депортации. На данный момент создан целый комплекс средств закрепления и реализации коллективной памяти о депортации: эмоциональные средства ((политические или религиозные мероприятия, которые призваны вызвать эмоции, служащие укреплению чувства коллективной идентичности и интеграции); эстетические выразительные средства (памятники, произведения искусства, автобиографические и иные произведения, а также картины и изображения); инструментальные когнитивные средства (создание исторических архивов, книг, документального кино); политические моральные средства (наказание, амнистия, возмещение ущерба или создание комиссии по установлению истины и примирению, призванные обеспечить справедливость, реабилитацию или интеграцию) [1, с. 306-307].

С 2014 г. сформировался значительный объем контента, отражающего особенности функционирования крымского социума, в том числе крымскотатарской общности, в Российской Федерации. В ходе исследования был проведен анализ материалов, затрагивающих данную проблематику, и выделены ключевые дискурсы, отражающие различные ракурсы проецирования факта депортации 1944 г. на виктимное восприятие крымскими

татарами адаптации в политико-правовом пространстве Российской Федерации.

Проведенный анализ позволил выделить в отдельный смысловой блок материалы в которых формируется конструкт о продолжении политики «депортации» крымскотатарского народа Российской Федерацией, в рамках которых в массовое сознание внедряется шаблон «гибридная депортация», что закрепляет состояние «жертвы» в массовом сознании крымскотатарской общности и стимулирует реализацию комплекса жертвы. В основном они характерны для аффилированных с зарубежными государствами ресурсов.

Во втором блоке присутствуют дискурсы, затрагивающие непосредственно факт депортации и роль крымских татар в Великой Отечественной войне. Здесь наиболее серьезным виктимизирующим потенциалом обладают обвинения Российской Федерации в целенаправленной стигматизации крымских татар, поощрении негативного отношения со стороны контактирующих этносов, которые в основном прослеживаются на аффилированных с зарубежными государствами ресурсах.

В третьем блоке факт депортации 1944 г. проецируется на современность через призму реализации мер государственной власти, направленных на реабилитацию и государственную поддержку возрождения и развития армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, что предусмотрено Указом Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 [2].

На аффилированных с зарубежными государствами ресурсах прослеживается перенос вины за депортацию крымских татар в 1944 г. и ответственности за восстановление прав этого народа на современную российскую государственность.

Наиболее ярко указанная тенденция проявляется в риторике, связанной с обоснованием необходимости предоставления крымским татарам национально-территориальной автономии. Критике подвергается отсутствие законодательно закрепленного права крымскотатарского народа на национально-территориальную государственность, которая обозначается как обязательная, предоставление права на национально-культурную автономию, декларируемое как недостаточное. При этом ресурсы выраженного антироссийского характера, связывают получение национально-территориальной автономии с выходом Крыма из политико-правового пространства Российской Федерации, так же как и прекращение «дискриминации» крымских татар.

При этом прослеживается мнение о том, что создание крымскотатарской национально-территориальной автономии является только начальным этапом возвращения прав крымских татар, не только «восстановлением справедливости, но и шагом к переходу на следующий этап развития нации».

Необходимость предоставления национально-территориальной автономии по аналогии с крымской АССР обозначается как обязательная с

апелляцией к государствообразующему (субъектообразующему) характеру крымскотатарского народа. При этом прослеживается трансляция мнения о том, что создание крымскотатарской национально-территориальной автономии является начальным этапом восстановления прав крымских татар. Можно обратить внимание на то, что в данном смысловом блоке прослеживаются требования, связанные с претензиями на исключительный статус крымскотатарского народа, что обосновывается как его субъектообразующим (государствообразующим) характером, так и необходимостью преодоления последствий депортации. В частности, присутствуют претензии на исключительное право крымских татар по отношению к представителям других народов, переселенным с территории Крымского полуострова, на статус репрессированного народа, квотирование мест в органах государственной власти и управления.

Через внедрение рассмотренных дискурсов факт депортации 1944 г. проецируется на современную действительность и способствует формированию виктимного восприятия крымскими татарами нахождения в политико-правовом пространстве Российской Федерации, конструированию и закреплению в массовом сознании крымских татар комплекса жертвы, основными составляющими которого являются образы «жертвы-народа», «жертвы-трагедии», «жертвы-героя». Кроме того, можно говорить о мифологизации процесса адаптации крымских татар в новой политической и социально-экономической реальности, что требует отдельного изучения.

Список литературы:

1. Муратова Э.С. Память о депортации как фактор этнополитической мобилизации крымских татар // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации: монография / под ред. Н.А. Шибановой. Казань: Издательство Казанского университета, 2021. С. 300-312.

2. Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержки их возрождения и развития» URL: <http://base.garant.ru/70641266/#friends> (дата обращения: 25.03.2021).

3. Сенюшкина Т.А. Этнологический мониторинг как элемент системы информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений: крымское измерение // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. Мартынова М.Ю., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2019. С.264-272.

Скорик А.П., Федина И.М.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГЕЛЕНДЖИКА В 1833 ГОДУ (ПО ЗАПИСКАМ ФРЕДЕРИКА ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЕ)

В статье рассматривается фрагмент начальной истории Геленджикского военного укрепления и порта. В едва отстроенное укрепление прибыл

швейцарский путешественник и учёный французского происхождения Фредерик Дюбуа де Монпере, который с этнографической точностью зафиксировал окружающую действительность, а авторы статьи интерпретировали его записки.

Ключевые слова: записки, женщины, Кавказ, комендант, корабли, матросы, офицеры, солдаты, укрепление, Чёрное море.

Skorik A.P., Fedina I.M.

NATIONAL COLOR AND EVERYDAY GELENDZHİK IN 1833 (ACCORDING TO FREDERIC DUBOIS DE MONPERE)

The article examines a fragment of the initial history of the Gelendzhik military fortification and port. The Swiss traveler and scientist of French origin Frederic Dubois de Montpere arrived at the barely rebuilt fortification, who recorded the surrounding reality with ethnographic accuracy, and the authors of the article interpreted his notes.

Key words: notes, women, Caucasus, commandant, ships, sailors, officers, soldiers, fortification, the Black Sea.

«Геленджик – это Эдем» [1, с. 97] – именно так обозначил Геленджикское военное укрепление в 1833 г. учёный и путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850), сравнивая его с Гаграми. Этот швейцарский учёный французского происхождения в начале 1830-х гг. путешествовал по Крыму и Кавказу. Он проделал путь на русском военном корабле вдоль всего Черноморского побережья Кавказа, объехав также западное Закавказье вплоть до Тифлиса. Во время путешествия учёный вёл дневник, куда он записывал все свои выводы, мысли и впечатления. За несколько лет Ф. Дюбуа собрал большой историко-этнографический материал и географо-геологические сведения, которые впоследствии он изложил в шеститомном труде «Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму», издававшемся в течение 1839–1843 гг. и частично переведённом на русский язык, что и позволило нам представить настоящую статью на основе осмысления заметок швейцарского учёного. К книге Ф. Дюбуа приложил специально составленный атлас, пять серий карт и зарисовок, планов и таблиц, и этот атлас сегодня представляет собой библиографическую редкость. Очень важны описания швейцарским учёным историко-архитектурных ценностей Крыма и Кавказа, многие из которых, увы, не дошли до наших дней. Их трёх имеющихся в России экземпляров атласа один хранится в Геленджикском историко-краеведческом музее.

Путешественник (археолог, этнограф, натуралист) прибыл в Россию весной 1833 г., оказался в Геленджике 22 мая 1833 г., где провёл целых четыре недели, практически вжился в гарнизонную ситуацию и зафиксировал массу прелюбопытных деталей. Благодаря наблюдательным заметкам Ф. Дюбуа,

путём осуществления исторических сопоставлений мы узнаём немало занимательных исторических сюжетов о Геленджикском военном укреплении и повседневной гарнизонной и флотской жизни его многоликих обитателей.

Геленджикское военное укрепление заложил 27 июля 1831 г. русский десант под командованием генерал-майора Ермолая Астафьевича Берхмана, фортификационными работами руководил толковый русский военный инженер Данилов, а первым комендантом гарнизона (1832–1834) стал талантливый русский полковник Пётр Петрович Чайковский (1789–1871), участник около 50 сражений, родной дядя знаменитого русского композитора Петра Ильича Чайковского и главный составитель генерального плана окружного города Пятигорска. В гарнизонных условиях Геленджика у коменданта родилась в 1833 г. вторая дочь София, когда первая дочь Анна (1830 г.р.) была ещё маленьким ребёнком. Характер постоянного поселения Геленджик приобрёл только лишь к концу 1833 г., поэтому Ф. Дюбуа попал в ещё отстраивающееся военное укрепление, на что российское правительство лишь в декабре 1832 г. выделило 40 тыс. рублей ассигнациями. Семья коменданта приняла французского путешественника на полное провиантское довольствие, и, как пишет сам Ф. Дюбуа, полковник Чайковский «не желал, чтобы я во время всего моего пребывания в Геленджике, столовался где-либо в другом месте, кроме как у него, и в его доме я нашёл общество, которое вполне могло заставить забыть, что находишься так далеко от цивилизованного мира: я говорю о жене полковника, его сестре, особах также благовоспитанных и любезных, какие встречаются в наших больших городах; мне, кажется, так странно для них перенестись из большого света столиц в Азию, в солдатский лагерь и быть вынужденными довольствоваться лишь обществом своим и нескольких офицерских жён, которые представляли всё женское население крепости» [1, с. 70].

Геленджикское военное укрепление, прикрытое с моря Толстым мысом, ограничивалось небольшим прибрежным пятачком Геленджикской бухты в границах современных городских улиц: от улицы Курзальной до улицы Островского (около 750–800 метров) и в береговую глубину до улицы Кирова (максимально до 500 метров). На этом, занимающем совершенно немного места, пространстве и протекала повседневная жизнь жены русского полковника, 21-летней Евдокии Петровны фон Беренс из старинного русского дворянского рода Остзейского происхождения и небольшого числа её соседок из числа офицерских жён, «но эти дамы обладали мужеством; они довольствовались своим домом, надеясь на лучшее будущее, и я никогда не слышал от них ни одной жалобы», – пишет Ф. Дюбуа, – и ещё: «никаких прогулок для дам, кроме Екатерининской рощи» [1, с. 70], представлявшей из себя, судя по всему, небольшой, редко произрастающий деревьями прибрежный лесной массив, расположенный с северной стороны Геленджикского военного укрепления.

В поселенческом отношении сам Геленджик во время пребывания в нём путешественника оставался ещё достаточно неблагоустроенным селением, несмотря на постоянный приток за крепостные укрепления сторонних жителей. Солдаты местного гарнизона проживали тогда в сырых и холодных землянках. Несколько получше выглядели жилища офицеров, представлявшие собой типичные трёхкамерные турлучные хаты (две жилых комнаты и сени). В одной из турлучных хат и поселился Ф. Дюбуа, о чём он сообщает так: «Инженерный поручик Яковлев уступил мне одну из комнат, где я мог удобно работать, сколько мне хотелось, и я всегда находил в этом образованном офицере самого доброжелательного, самого лучшего товарища моих скитаний; его заботливость по отношению ко мне была истинно братской» [1, с. 70–71]. Очевидно, для возведения более основательных жилищ в Геленджике не хватало должных строительных материалов (добротные брёвна приходилось добывать в борьбе с черкесами), да и явно сказывалась ещё неуверенность русского командования в постоянстве Геленджикского военного укрепления.

Геленджикскую бухту учёный изображает в следующих природных и исторических деталях: «Берег Геленджика до устья реки Сучали (вероятно, это река Яшамба. – *авт.*) более или менее сохраняет однородный характер. Гряды холмов или низких гор, не более 2000–2500 футов (610,6–762 метров. – *авт.*) высоты, тянутся в несколько ярусов вдоль моря, разбивающегося об их отвесный склон, источенный его волнами, так как здесь нет и следов равнины, которая служила бы переходом от этих холмов к морю. Этим и объясняются те трудности, которые находил Митридат (боспорский царь Митридат VI Евпатор. – *авт.*) на пути вдоль берега моря» [1, с. 78]. С этим обстоятельством столкнулись и русские, вынужденные при закладке укреплений Черноморской береговой линии высаживать десанты с моря, а не продвигаться вдоль берега.

С южной стороны Геленджикского военного укрепления располагался Толстый мыс, и его пытливый учёный описывает достаточно подробно: «Мыс, который выступает на юге, замыкая бухту своим положением должен быть манить к себе переселенцев, и я нисколько не удивился, когда увидел, что повсюду рассеяны следы черкесского жилья, древних и современных могил. Более того, кажется, что мыс этот был некогда укреплен, так как насыпь и ров, начинаясь на небольшом расстоянии от крепости, тянутся на две версты, как бы наглухо замыкая его; один из входов недалеко от края берега защищён могильным холмом. Впереди находится другой курган, сейчас занятый кладбищем» [1, с. 71–72]. Тем самым, заморский гость отмечает довольно удачную крепостную фортификацию Геленджикского укрепления, избранную его первыми военными строителями, дело которых на глазах Ф. Дюбуа продолжал русский военный инженер, поручик Яковлев, оставивший в романтической душе забравшегося в далёкие края француза совершенно неизгладимый след: «Я всегда буду помнить, как он беспокоился обо мне, когда я где-нибудь бродил один, в особенности его мучительную тревогу,

когда однажды полурота солдат, сопровождавшая стадо на пастбище, вернулась без меня. Я отправился разгуливать вдоль берега, где внимательно рассматривал слои почвы, для того, чтобы составить себе представление о расположении кремневых пластов, и я настолько забылся, что не слышал, как пробили вечернюю зорю и все отправились в обратный путь. Яковлев думал, что меня убили или похитили, и в сильном страхе побежал к коменданту крепости сообщить ему свои опасения. Спешно был послан взвод солдат на мои поиски. Во главе солдат шёл Яковлев; но напрасно они шарили по зарослям кустарника, так как меня скрывали от них скалы; наконец они увидели меня, и я не мог сначала понять, что означала их радость и весь этот кортеж, но мне стало всё ясно, когда меня хорошо побранили за мою неосторожность, заставив обещать в другой раз внимательнее прислушиваться к бою барабана или звукам рожка» [1, с. 71].

В районе Геленджика Ф. Дюбуа зафиксировал два черкесских селения. Как отмечал учёный, в крайней дали «виднеется вход в бухту Суджук-Кале, скрытую за горой Тачагус (вероятно, это гора Дооб. – *авт.*), склоны которой пестрят, словно мозаикой, полями селения Ашамнет. Замыкая бухту Геленджика с севера, впереди Тачагуса выдвигается навстречу моря острие [Тонкого] мыса, вдоль которого тянется селение Атсесбохо» [1, с. 71].

Заморский гость характеризует внешний вид Геленджика как довольно невзрачного небольшого поселения: «Геленджик с его горстью хижин из земли или ветвей (так воспринимал путешественник типичные турлучные хаты. – *авт.*), с его старыми усачами-воинами, опалёнными солнцем лицами, покрытыми шрамами; эти рожки, беспрестанно звенящие в воздухе; это множество мужчин и отсутствие женщин – всё напоминало мне Рим в дни его рождения и борьбы с сабинянами» [1, с. 75]. Здесь Ф. Дюбуа намекает на преобладание мужчин в составе населения Геленджика, который, по его мнению, может состояться как поселение только в том случае, если в нём окажется достаточное количество женщин. И здесь явно проглядывал его французский менталитет, как говорится, *cherchez la femme*, или ищите женщину, и всё будет хорошо.

Развлечений и возможностей для организованного отдыха в гарнизоне Геленджикского военного укрепления Ф. Дюбуа наблюдал немного, и они отражали повседневную реальность его обитателей. Во-первых, как отмечает путешественник, «в бухте Геленджика, особенно по соседству с крепостью много хороших и удобных мест для купания, с песчаным пляжем и спокойной водой. Забавно и весело следить, как играют в волнах моря дельфины или спокойно плавают, пыхтя, в бухте» [1, с. 73]. Кстати, сам заморский гость неоднократно окунался в морские воды Геленджикской бухты, а однажды обнаружил и изучил водяного жука *dyticus dimidiatus*. Во-вторых, особое внимание учёный-этнограф обратил на весьма характерную традицию русского раскатистого коллективного пения, которую он приметил, проживая в Геленджикском военном укреплении. «Русский солдат, – подчёркивает

Ф. Дюбуа, – несмотря на свою жизнь, полную труда, распевает от одного конца империи до другого. Это единственное всё исцеляющее средство от всех его бедствий, когда у него нет водки, но, когда она у него есть, он поёт ещё лучше. В Геленджике роты устроили себе площадку под деревом с несколькими скамьями для того, чтобы предаваться этому удовольствию. Когда поёшь, переносишься в свой родной край» [1, с. 78]. В-третьих, естественное отдохновение от трудностей службы солдаты находили в общении с «зелёным змием», без чего не обходился ни один русский гарнизон, и это прекрасно понимал комендант П.П. Чайковский.

Кроме личного состава гарнизона, в Геленджикском военном укреплении находились частные лица и заведения. Речь шла о ларьках для солдат, открытых маркитантами (мелкими торговцами. – *авт.*), но они предлагали вино по слишком высокой цене, и тогда комендант допустил на территорию вольных продавцов чарочной продажи вина. Эта публика чрезвычайно быстро размножилась на территории гарнизона, и полковник Чайковский начал выгонять навязчивых продавцов. Как с горечью замечает Ф. Дюбуа, «не было ни одной лавки, кроме ларьков для солдат. Всё нужно было доставать из Анапы или Керчи» [1, с. 70]. Однако далеко не всё так печально выглядело, как констатировал чем-то недовольный француз, что и выяснилось при пожаре в Геленджике 21 сентября 1837 г., когда волею случая там оказался российский император Николай I. Среди потерпевших значились купцы, мещане, инородцы и пр., в частности, купец Медведев, переводчик Богаз Рафаилов, купеческий сын Аверкиев, а в числе утраченного имущества указывались: мебель, галеты, мёд, табак, вина красные, крепкие, белые и сантуринские (сладкие вина с острова Санторин, Греция), сахар, чай, яблоки, мука, рыба, масло и пр.

Швейцарский учёный предельно детально изучил флотскую жизнь, и, согласно его данным, в двух русских гаванях (Геленджике и Сухум-Кале) базировалось 13 военных судов, которые долго не стояли на месте и крейсировали с целью борьбы с контрабандой и пиратством вдоль восточного побережья Чёрного моря [1, с. 77]. С экипажами двух русских военных кораблей, бригантины «Нарцисс» и шхуны «Вестник», Ф. Дюбуа лично познакомился во время своих плаваний по Чёрному морю, куда он отправлялся неоднократно. Оба названных русских военных корабля, судя по его описаниям, нередко стояли в гавани Геленджикской бухты. Шхуной «Вестник», по сведениям учёного, «командовал капитан, лейтенант Николай Павлович Вульф, известный как один из хороших и храбрых морских офицеров» [1, с. 75]. Всего же, в записках Ф. Дюбуа упоминаются четыре фамилии флотских капитанов, явно относящихся к различным национальностям: «Офицеры хорошие и очень гуманные. Я видел, с какой заботливостью лейтенанты Вульф, Синицын, Свирский, Кастризиц и др., из которых каждый командовал отдельным военным судном, относились к своим

матросам, и как они следили за каждой мелочью, касающейся их содержания или здоровья; поэтому было очень мало больных» [1, с. 77].

Ещё интереснее описание выглядит описание судовых команд русских моряков, базировавшихся в гавани Геленджикской бухты: «Судовые команды – это смешение всевозможных наций. Экипаж бригантины «Нарцисс», на которой я совершил свой первый переезд по Чёрному морю, состоял из шестидесяти человек; из них десятая часть – казанские татары, которые резко выделялись своими лицами гуннов (так называются кочевые племена, переселившиеся из Азии в Европу. – *авт.*). Один между ними, с его смуглым цветом лица, с широким вздёрнутым носом, лицом, круглым, как луна, плоскими, как смоль, чёрными волосами, чёрными, широко расставленными глазами, с нависшими на них густыми бровями, толстыми губами большого рта, представлял ужасный портрет настоящего гунна. Два еврея – один конопатчик, другой плотник, и чуваш примешивались ещё к остальному экипажу, состоявшему из русских, собранных из различных уголков России. Обычно, вербуя во флот, стараются выбирать только обитателей берегов моря или больших рек и озёр, людей привычных к воде. Обрели здесь конец своей славы семь или восемь поляков; один служил в пехоте польской гвардии, участвовал в деле [дивизионного генерала Юзефа] Дверницкого (подразумевается польское восстание 1830–1831 гг. и поражение поляков при Боремле и Люблинской корчме. – *авт.*) и был захвачен в плен. Учился управлять веслом и польский драгун; та же участь постигла и других, большей частью мазуров (субэтническая группа поляков, лютеране по вере, называвшие себя польскими пруссами, проживавшие в южной части почти анклавного региона Восточной Пруссии. – *авт.*). Все видели море первый раз в жизни. Хотя поляки и говорили мало по-русски, они довольно быстро выучили названия парусов, снастей и т.д. Команда «Вестника» состояла приблизительно из тех же национальностей, как и на бригантине «Нарцисс» [1, с. 76].

О поляках на русской военной службе у Ф. Дюбуа сложилось особое мнение, отчасти опиравшееся на суждения знакомых ему русских офицеров, и он выразил его следующим образом: «Я имел случай убедиться, не только наблюдая команды этих двух судов (бригантины «Нарцисс» и шхуны «Вестник». – *авт.*), но также на основании свидетельств флотских офицеров, которых я знал, насколько польские славяне обыкновенно проявляют больше ума и доброй воли, чем моряки других национальностей. Начальники их любят, всегда расхваливают и охотно комплектуют ими свои экипажи. Офицеры сухопутных войск за пределами Кавказа также хорошо отзывались о них; но... их приходится удерживать от дезертирства» [1, с. 76].

Как этнограф, Ф. Дюбуа зафиксировал несколько сцен из повседневной жизни русских моряков в прелюбопытных деталях и со своими комментариями, что, на наш взгляд, достойно полного воспроизведения. Вот как француз описывает приём пищи: «Во всём флоте утренний завтрак матросов состоит из сухарей. В одиннадцать часов сержант (унтер-офицер)

несёт капитану для пробы тарелку супу, рациона экипажа; я часто пробовал этот суп и находил его вкусным и полезным для здоровья; это каша из различных круп, гороха, чечевицы и т.д.; её варят со свежим мясом, если его нет, то с солониной; иногда матросы получали кашу, приправленную растопленным маслом.

Проба супа являлась важным сигналом: квартирмейстер (младший унтер-офицер. – *авт.*) шёл накачивать из бочки порционную водку. Свистки унтер-офицеров созывали экипаж. Все собирались на этот весёлый призыв, и каждый подходил, при чтении своего имени, для того, чтобы выпить свой рацион. Ничто меня так не потешало, как следить во время этой церемонии за выражением всех этих лиц, расцветавших от удовольствия. За водкой следовал обед. В семь часов вечера происходил ужин, такой же, как обед, но за тем исключением, что не было водки. В течение остального времени матросы могли пользоваться вволю сухарями. Русского матроса, без сомнения, лучше кормят и окружают большими заботами, чем солдата. Знают, что это единственное средство предохранить его от болезней и заставить весело и мужественно переносить все трудности, беспрестанно возникающие в жизни моряка, а также многочисленные опасности, с нею неразлучные» [1, с. 76–77].

Естественно, не может быть всё так благостно во флотских экипажах, и заморский гость подлил небольшую ложку дёгтя из вполне реальной повседневной жизни русских военных кораблей, хотя она и носит характер исключения. Так уж в русскую душу очень глубоко забралось византийское христианское правило икономии, и мы до сих пор смотрим на некоторые вещи с истинным снисхождением, где власть нужно употребить. Как пишет Ф. Дюбуа: «Офицеры второго ранга хорошие ребята, но я не мог бы похвалить их знаний, помимо службы; лоцманы (кондукторы по-русски) хорошо знали своё дело. Вели себя образцово, за редкими исключениями. Между другими я упомяну об одном мичмане из хорошего семейства, который оказался в очень молодые годы, к своему несчастью, обладателем небольшого состояния и употребил его на пьянство; родные предприняли всё, чтобы спасти его из этого омута и оторвать от дурных привычек; наконец, они умолили высшее начальство дать ему назначение и отослать куда-нибудь. Мичмана назначили на бригантину «Нарцисс», куда он явился без сапог и пальто, в сюртуке, рубашке и носках; колода карт, трубка и бутылка составляли остальное его имущество; он купил где-то подкладку от одеяла, отдал её матросу подрубить (подшить. – *авт.*), и это заменяло ему и простыню и халат; старый матрац служил ему постелью, и несколько свёрнутых флагов заменяли подушку; когда ему было холодно, он просил закутывать себя также флагами, этими эмблемами славы. Признайтесь, что это означало заходить слишком далеко в своей философии цинизма. В день нашего прибытия в Геленджик он так хорошо отпраздновал нашу встречу, что его подобрали на улице и отправили на ночёвку в кордегардию (особое помещение для военного караула, хотя, видимо, в этом случае подразумевается гауптвахта. – *авт.*), где с него сняли

занятые им где-то сапоги для того, чтобы помешать ему шляться. Правда, это был своего рода единственный образец офицера; тотчас после этого случая его с позором изгнали со службы» [1, с. 77–78].

В Геленджике путешественник сблизился с ещё одним из типичных и истинных русских героев, карьере которого напрочь испортило пристрастие к алкоголю: «Во время моего пребывания в Геленджике я познакомился с полковником артиллерии Степаном Алексеевичем Кузнецовым, которого довели до суда его безумства из-за пьянства; но офицер этот, впрочем, пользовался репутацией необыкновенно храброго человека; он получил прекрасное образование и отличился в кампаниях против Персии и Азиатской Турции (здесь подразумеваются русско-персидская война 1826–1828 гг. и русско-турецкая война 1828–1829 гг. – *авт.*); его имя ещё хорошо известно среди солдат, которые проделали вместе с ним эти кампании. Он мне рассказывал иногда о какой-нибудь из их экспедиций и, между прочим, говорил о том мосте из серы, который находится, по уверениям многих, около источников реки Мурад-Чаи (Мурат. – *авт.*) в пашалыке (провинции. – *авт.*) Баязеда (сегодня это район города Догубаязит, который находится в турецком восточном иле Агры). Он мне сказал, что проходил через этот мост и для подтверждения своего рассказа позвал унтер-офицера, который проделал всю кампанию вместе с ним... Находясь в Карсе (турецкая крепость; ныне город на востоке Турции. – *авт.*), полковник Кузнецов изобрёл машину для подъёма муки в склады крепости; желая испробовать свою машину, он приказал поднять себя на ней вверх, но так как, к несчастью, верёвки оказались истлевшими, они оборвались, и он упал с большой высоты; нога его была сломана, и мозг от сотрясения пострадал, что всегда на нём немного отзывалось. Полковник Кузнецов умер очень скоро после моего отъезда из Геленджика» [1, с. 73–74]. Очевидно, храбрый до бесшабашности, талантливый почти до безумства, удивительный русский полковник С.А. Кузнецов являлся начальником артиллерии Геленджикского военного укрепления, и перевели его сюда, в относительно тыловой гарнизон, с передовых позиций на Кавказе из-за упоминаемой бытовой контузии, а судьба его завершилась печально, его жизнь как призывная песнь внезапно оборвалась.

Песня в жизни обитателей Геленджикского военного укрепления и порта значила очень много, в ней они не только находили отдохновение от тяжелейших повседневных забот, но и душой переносились к своей малой родине, вспоминали о своём жизненном прошлом, утоляли личную тоску и думали о приятном прошлом и благочестивом будущем. В песне отражался национальный характер, раскрывалось исконное начало любого народа, и её звуки в музыкальном сопровождении всегда притягивали людей.

«Мы видим, – замечает Ф. Дюбуа, – как в глубокой древности голубоглазые nereиды (русалки в русском понимании. – *авт.*), [эти] красавицы нимфы (сказочные девушки. – *авт.*), тритоны с мокрыми бородами

(мифические морские мужеподобные существа. – *авт.*) толпами спешили к кораблю для того, чтобы играть и резвиться под нежные звуки лиры. Но мы, люди XIX века, того века, когда нам стоит столько труда решиться верить в Бога, мы уже ничего не можем увидеть из этих зрелищ богов, но наша песня всё льётся» [1, с. 78].

Каждый народ поёт по-своему: «Русские, хором которых управлял старый матрос, сотрясали воздух национальными великорусскими песнями с их шумными припевами. Рядом с ними поляки, печальные остатки храброй армии, рассеянной по всем уголкам земного шара, вторили им песнями Шлопицкого (вероятно, при переводе фамилии на русский язык допущена ошибка, ибо среди известных польских композиторов такой фамилии не встречается. – *авт.*), и если их песня могла бы разбудить эхо Кавказа, оно ответило бы им, изумлённое новизной этой песни, которую поют русские матросы-мазуры перед лицом Эльбруса! Казанские татары прерывали эту печально звучащую песню побед своей мелодией, медленная и монотонная гармония которой составляла резкий контраст с отвагой песни мазуров... Но русские подхватывали и заглушали всё это пение военной песнью, не лишённой красоты и величия...» [1, с. 78].

Вдумчивый учёный смог разглядеть перспективы для Геленджикского поселения, ибо он детально проанализировал с исторической и археологической точек зрения близлежащую местность и природно-географическое расположение морских бухт. По мнению Ф. Дюбуа, следовало обратить внимание на три бухты на северо-восточном побережье Чёрного моря: в районе Анапы, Суджук-Кале (Новороссийского военного укрепления тогда ещё не существовало) и Геленджикскую гавань. «Когда-нибудь, – заключал Ф. Дюбуа, – Геленджик может стать одной из самых значительных местностей на этих берегах» [1, с. 74–75], имея в виду развитие его как торгового порта и крепости.

Список литературы:

1. Дюбуа Фредерик де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. Т. 1. Сухуми, 1937. 168 с.

Гуменюк А.Ю.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ В 1921 – 1922 ГГ. НА ПРИМЕРЕ МАССАНДРОВСКОЙ ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ

Данная статья посвящена одним из первых мероприятий Советской власти в Крыму в 1921 г. направленных на обеспечение функционирования учебных заведений на Южном берегу. Основные мероприятия новой власти были направленные на улучшение рациона питания рабочих, служащих, преподавателей и обучающихся и открытие новых необходимых рабочих специальностей.

Ключевые слова: продовольственные пайки, совхоз «Массандра», обеспечение.

Gumenyuk A.Yu.

FIRST MEASURES OF THE SOVIET POWER IN THE CRIMEA IN 1921 – 1922 ON THE EXAMPLE OF MASSANDROVSKAYA LITERACY SCHOOLS

This article is devoted to one of the first measures of the Soviet government in the Crimea in 1921 aimed at ensuring the functioning of educational institutions on the Southern Coast. The main measures of the new government were aimed at improving the diet of workers, employees, teachers and students and the opening of new necessary working specialties.

Key words: food rations, "Massandra" state farm, ensuring.

17 сентября 1892 г. из Удельного управления имением «Массандра» в Крыму поступил рапорт, в котором говорилось, что в следствии удаленности Массандры от г. Ялта и невозможности обучения массандровских детей в Ялтинской земской школе, в особенности в зимнее время года. «Ощущается крайняя необходимость в устройстве в Массандре хотя бы частной школы грамотности для подготовки детей для поступления во 2е и 3е отделение земской школы в Ялте». После чего такая школа была открыта и размещена в квартире массандровского священника [1, л. 1–2].

После окончательного прихода Советской власти на территорию Крымского полуострова новая власть среди многих направлений социально ориентированной политики одним из приоритетных выбрала поддержку учебных заведений и системы образования в целом. Значение данной деятельности трудно переоценить в рамках мероприятий по ликвидации безграмотности, которые в целом по стране были развернуты в 1920 г.

Не смотря на сложную обстановку в первую очередь решались вопросы и с продовольственным снабжением: 30 июня 1921 г. Зав. совхозами Массандры и Ай-Даниль просил Управление рай. совхоза о выдаче персоналу Массандровской и Ай-Данильской школ нормального прод. пайка, т.к. в этих школах обучались только дети рабочих и служащих совхозов. До этого, они получали паек выдаваемый «Наробразом», но это было не регулярно. Однако, получение пайков было затруднено тем, что их выдавали в г. Красноармейске, находящемся на большом удалении от школ. В дополнении к нормальному пайку просили выдать и «ударный паек», такой, как выдавали медперсоналу больницы Массандра [2, л. 146].

Кроме того отчетливо проявилась необходимость в открытии новых и перепрофилировании старых учебных заведений, которые должны были готовить представителей рабочих специальностей. Такие изменения постигли

и Массандровское одноклассное училище, на базе которого планировали открыть новое учебное заведение.

Перед открытием учебного заведения была проведена большая теоретическая работа, направленная на расчет возможной его эффективности и предполагаемых затрат, которые будут понесены при его открытии. 12 октября 1921 г. председатель правления Всераб организации описал свои предположения по данному вопросу в документе следующего содержания. В Массандре на момент написания документа было около 70 детей младшего и среднего возраста. И согласно «новому положению о школах» в совхозе можно было организовать единую семиклассную школу, после окончания, которой выпускники приравнивались к «по старому счету – 5-му классу гимназии реального училища». Из выпускного класса дети могли бы переходить в техникумы «с двухклассным курсом».

В целях экономии возможно два первых класса соединить в один с двумя группами учащихся. В этом случае образование получалось бы 6-ти классное. Это было возможно, ввиду наличия только 4-х комнат, использующиеся как классные. При этом сохранялась необходимость до ноября «учиться в две очереди»: до 12 часов, и после обеденного перерыва.

Учебное заведение должно быть обеспечено педагогическими кадрами на столько, чтобы преподавались «все главнейшие предметы» соответствующего курса. Но ввиду того, что классы планировались не многочисленными «вряд ли можно будет произвести сокращение числа недельных часов и, тем самым, обслуживать учебное заведение меньшим числом преподавателей».

В неделю планировалось проводить 124 часа занятий, разделив их между 6-ю преподавателями – получается 24 часа на одного педагога. Т.о. каждый преподаватель должен будет работать по 4 часа в день. Это при том, что данная цифра не учитывала домашней подготовки, «исправление» тетрадей, подготовки отчетов и т.д. «Т.о. эти 6 человек будут посвящать школе все свое рабочее время», поэтому необходимо будет нанять больше педагогов

Самих преподавателей рекомендовалось привлекать из Ялты т.о. часть времени они должны затратить еще и на то, чтобы добраться до учебного заведения [2, л. 169].

Далее в тексте указывается, сколько необходимо будет затратить на содержание одного преподавателя в месяц, дающего 24 урока, в расчете на то, что при нем будут еще два иждивенца:

1. Муки – 80 фунтов;
2. Крупы – 30 фунтов;
3. Жиров – 6 фунтов;
4. Овощей – 90 фунтов;
5. Фасоли/гороха – 20 фунтов [2, л. 170].

В свою очередь на 6 преподавателей в месяц отводилось:

1. Муки – 480 фунтов – 12 пудов;
2. Крупы – 180 фунтов – 4 ½ пуда;

3. Жиров – 36 фунтов;
4. Овощей – 540 фунтов – 13 ½ фунта;
5. Фасоли/гороха – 120 фунтов – 3 пуда.

Вторая часть расчетов касалась контингента обучающихся: Так, при условии, что в школе будут проходить обучение 60 учеников, то на каждого ребенка потребуется:

1. Муки – $480:60 = 80$ фунтов;
2. Крупы – $180:60 = 3$ фунта;
3. Жиров – $36:60 = 0,6$ или ½ фунта;
4. Овощей – $540:60 = 9$ фунтов;
5. Фасоли/гороха – $120:60 = 2$ фунта.

В денежном эквиваленте по состоянию на 12 октября 1921 г. эта сумма выражалась следующих цифрах:

1. Мука – $8 \times 5000 = 40000$ руб.;
2. Крупы – $3 \times 5000 = 15000$ руб.;
3. Жиры – $\frac{1}{2} \times 14000 = 7000$ руб.;
4. Овощи – $9 \times 2000 = 18000$ руб.;
5. Фасоль/горох – $2 \times 4000 = 8000$ руб.

Итого: 88000

Т.о. с родителей каждого ученика необходимо будет взимать 85 – 90 тыс. руб. в качестве оплаты ежемесячно, либо эквивалент этой суммы продуктами.

В завершении автор документа делает вывод о том, что организовать учебное заведение можно будет, если обеспечить преподавателей всем необходимым: денежным и продовольственным довольствием, в тех размерах, в которых довольствие предоставляет правительство. Само же учебное заведение должно быть организовано следующим образом: учебная часть должна находиться в ведении Наробраза; материальная, кроме жалования учителей в ведении совхоза, который предоставляет материальное обеспечение учителям; помещение для школы – в ведении школьного совета, так же как и освещение, по возможности отопление и уборка; канцелярские принадлежности должна была предоставлять общая канцелярия [2, л. 170].

После проработки этого аналитического документа, уже 25 октября 1921 г. на общем собрании рабочих и служащих совхозов «Массандра» и «Айданиль» под председательством П.С. Харламова было принято единогласное решение о том, что в совхозе «Массандра» необходимо открыть смешанную школу и принять ее и педагогический персонал на полное попечение совхозов. При этом уточнили, что «обучение детей и учебные пособия для них должны быть бесплатными».

Школа организовывалась на базе Массандровского одноклассного училища и должна была размещаться в том же здании, что и предыдущее учебное заведение, но «с пристройкой еще одной комнаты» [2, л. 148 – 149].

В итоге, 5 декабря 1921 г. Управление совхозами Массандра и Ай-Даниль довело до сведения Ялтинского Отдела Народного Образования, что было

принято решение открыть в совхозе «Массандра» семилетнюю школу. Но в 1921 г. ввиду нехватки средств собирались открыть только первые четыре класса, а затем, по мере возможности следующие [2, л. 157].

В итоге разрешение на открытие «Семилетней трудовой школы» было получено 23 января 1922 г. [2, л. 162].

При создании нового учебного заведения проявилась проблема с обеспечением его профильной литературой. Денег на учебные пособия не хватало и поэтому для приобретения необходимых пособий пришлось ходатайствовать перед Крым Зем. отделом и Крымнаробразом о выдачи целевых субсидий. Т.к. необходимо было обучать более 100 детей, которые ввиду большой отдаленности от города и отсутствия у них теплой одежды не могли проходить обучение в Ялте в зимний период. В конечном счете часть учебников для школы нашли на сельскохозяйственном складе в январе 1922 г. Но этих книг все равно не хватало, поскольку для нормального функционирования учебного заведения необходимо было еще 203 экземпляра различной учебной литературы [2, л. 163 – 164].

Согласно предварительной договоренности Управление совхозом «Массандра» предоставляло школе помещение и отопление, и брало на себя работу по материальному обслуживанию и улучшению «материальной части» и достатка преподавателей. Но учительское жалование должен был выплачивать «Наробраз». Еще одним вопросом, который предстояло решить был вопрос, связанный с комплектованием учебного заведения мебелью. Поэтому из-за отсутствия учебных парт Управление просило «Наробраз» обеспечить Массандровскую школу партами, взяв их из Пушкинской городской школы с последующим их возвращением. В рамках организационных мероприятий для школы был сформирован школьный совет, который в том числе занимался обеспечением школы всем необходимым [2, л. 157 – 168].

Исходя из вышеизложенных данных, следует отметить, что после прихода Советской власти на территорию Крымского полуострова одним из векторов политики стала поддержка и развитие системы образования. И в рамках политики ликвидации безграмотности основными мероприятиями в данном русле в 1921 г. были меры по обеспечению достойных условий труда, обучения и жизни, как сотрудникам учебных заведений, так и обучающимся в них детям.

Список литературы:

1. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее ГКУ РК ГАРК) ГКУ РК ГАРК Ф. № 78 оп. № 1 д. № 54 «Об открытии в Массандре частной школы грамотности и переименованию ее в одноклассное училище» (1892 – 1913 гг.) на 286 листах.

2. ГКУ РК ГАРК Ф. № 78 оп. № 1 д. № 391 «Об открытии в Массандре частной школы грамотности и переименованию ее в одноклассное училище» (1914 – 30 октября 1922 гг.) на 170 листах.

Сичак Е.Н.

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАЯВЛЕНИЯХ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ РФ В ХОДЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2021 Г.

Данная статья посвящена анализу позиций российских политических партий в рамках миграционной повестки. Исследованы актуальные проблемы миграционной политики Российской Федерации и предложения оппозиционных партий в ходе электоральной кампании по их решению. Также в статье, на основе анализа заявлений представителей партий и статистических данных, предоставлены конкретные рекомендации по повышению эффективности организации партийных структур в сфере миграционной политики в современных условиях.

Ключевые слова: политическая партия, миграция, выборы, партийное строительство, миграционная политика, внутренняя политика, мигранты.

Sichak E.N.

PROBLEMS OF MIGRATION POLICY IN THE STATEMENTS OF THE OPPOSITION PARTIES OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PARLIAMENTARY ELECTION CAMPAIGN OF 2021

This article is devoted to the analysis of the positions of Russian political parties in the framework of the migration agenda. The current problems of the migration policy of the Russian Federation and the proposals of opposition parties during the electoral campaign to solve them are studied. Also, the article, based on the analysis of statements by party representatives and statistical data, provides specific recommendations for improving the effectiveness of the organization of party structures in the field of migration policy in modern conditions.

Key words: political party, migration, elections, party building, migration policy, internal policy, migrants.

Одной из тем, активно обсуждавшихся кандидатами и представителями российских политических партий, принимавших участие в выборах в Государственную думу VIII созыва, стала миграционная политика, ее актуальные проблемы и предложения по решению данных проблем. Помимо традиционных вопросов миграции в РФ из стран СНГ, в августе 2021 г. в связи с событиями, происходившими в Афганистане, возникли новые вызовы, связанные с возможной дестабилизацией Средней Азии в обозримом будущем.

В преддверии парламентских выборов, представители парламентской и непарламентской оппозиции в интервью средствам массовой информации тезисно описали свое видение миграционной политики Российской Федерации:

- представители КПРФ отмечают причинами криминальных инцидентов с участием мигрантов отсутствие оплаты, «рабский труд» мигрантов. По мнению коммунистов, государству необходимо регулировать количество въезжающих и обеспечивать для них социальные гарантии, чтобы предотвратить вовлечение приезжих в незаконную деятельность;

- лидер ЛДПР В.В. Жириновский предложил решать проблему миграции путем формирования масштабных заказов на поставки сырья из государств Южного Кавказа и Средней Азии, что обеспечит местное население работой в их странах. Политик отметил невозможность полного ограждения и установления визового режима для мигрантов, поскольку данные меры могут привести к росту социальной дестабилизации в данных регионах;

- в непарламентской политической партии «Яблоко» считают выходом из ситуации справедливое распределение налогов пол линии «федеральный центр – регионы», которое позволит уменьшить концентрацию мигрантов в крупных мегаполисах. Также «Яблоко» указывает на необходимость борьбы с коррупцией для противодействия серым схемам в трудовой сфере;

- лидер московского отделения «Партии Роста» Д.Ю. Пурим так же акцентирует внимание на коррупционной составляющей при регистрации и устройстве на работу приезжих через различные аналоги HR- агентств и предлагает создавать бесплатные центры правовой помощи мигрантам, которые позволят им работать в легальном поле [1];

- лидер новой непарламентской «Российской партии свободы и справедливости» М.Л. Шевченко в ходе избирательной кампании активно обсуждал вопросы миграционной политики и излагал свои соображения по ее актуальным проблемам. Так, М.Л. Шевченко считает, что причиной криминализации трудовых мигрантов зачастую являются предприятия, не выполняющие своих обязательств, «выкидывающие мигрантов на улицу». [2]. «Если нам так необходимы иностранные рабочие руки, пусть платят местные налоги местному самоуправлению в местный бюджет – нагрузка на иностранцев. Это единственно правильная концепция по защите нации. Не мигранты виноваты. Те, кто разжигает ненависть к ним, это фашисты. Мы против этого. Мы считаем, что гетто создавать недопустимо совершенно. Это преступление против нашей страны. Надо легализовать рынок этого труда, тогда он сократится сам по себе...» – отмечает лидер РПСС.

- в партии «Новые люди», прошедшей в Госдуму по итогам выборов 17–19 сентября 2021 г., дифференцируют предложения по миграционной политике в зависимости от типа миграции – легальной и нелегальной. Что касается первого типа, «Новые люди» предлагают внесение мигрантами залоговой суммы на депортацию при получении патента на трудовую деятельность, при этом обязав работодателей создавать достойные бытовые условия при размещении работников. Что касается второй категории, партия «Новые люди» предлагает решить проблему просто – ввести визовый режим. Также в партии отмечают негативное влияние найма мигрантов на экономку РФ в принципе;

- сопредседатель «Справедливой России – За правду» С.М. Миронов также считает необходимым введение визового режима со странами Средней Азии, отмечая учащение конфликтов между группами мигрантов, вовлечением их в нелегальные схемы и криминальные группы. При этом лидер партии подчеркивает важность повышения оплаты труда, повышения МРОТ и введения почасовой оплаты труда с целью создания условий, в которых работодателям станет невыгодно нанимать мигрантов [3].

В вышеперечисленных заявлениях оппозиционных партий явно прослеживается регуляторный тренд относительно проблем миграции, некоторые из них предлагают введение визового въезда для регионов с миграционным трафиком. Согласно докладу Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС), Российская Федерация в 2020 г. вышла на четвертое место по количеству мигрантов (12 млн.) после США (51 млн.), Германии (16 млн.), Саудовской Аравии (13 млн.) [4]. По статистическим данным Министерства внутренних дел, количество преступлений в России, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в январе 2021 г. составило 3,3 тыс., что на 6,1% больше, чем за январь прошлого года. При этом на 18,4% увеличилось количество преступлений, совершенных по отношению к мигрантам – 1,4 тыс. преступлений [5].

Как отмечает криминолог, доктор юридических наук Ю.Н. Жданов из примерно 6,5 млн. легальных мигрантов зарегистрировано по работе и учебе около 2,5 млн., об официальной занятости и роде занятий остальных 4 млн. данные отсутствуют. Что касается незаконных мигрантов – их численность в 2021 г. варьировалась от 800 тыс. до 1 млн. человек. Эксперт отмечает, что за 2020 г. количество административных правонарушений и преступлений, связанных с миграцией и мигрантами составляет более 100 тыс. в год, пресечена деятельность около 240 этнических организованных преступных групп, а к уголовной ответственности привлечено 45 преступных лидеров. Летом 2021 г. в РФ происходили массовые драки с участием выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. По словам Ю.Н. Жданова, драки носили не спонтанный, а организованный характер, происходили на заранее определенной локации, с мобилизацией участников конфликта через социальные сети и мессенджеры. Половина участников массовых драк, задержанных органами правопорядка, являлись нелегальными мигрантами. Эксперт считает, что необходимо "сворачивать излишне либеральную миграционную политику "открытых дверей". И ужесточать миграционное законодательство" [6].

Теперь перейдем к недавно возникшей проблеме, связанной с выводом американских войск из Афганистана, установлением на его территории режима «Талибана» (организация запрещена в РФ), потенциальными угрозами, которые несут эти процессы. Как заявил секретарь Совбеза РФ Н.П. Патрушев: «После американского фиаско в Афганистане формируются условия для нового миграционного кризиса, ещё более тяжелого, чем в 2015 году» [7].

Основная проблема в данной ситуации заключается в возможной массовой миграции из Афганистана в другие страны Средней Азии и, через них – в Российскую Федерацию. Как известно, страну уже покинули обеспеченные граждане, которые были связаны с США, однако, по мере упрочения режима талибов возможна следующая массовая волна миграции [8]. Соответственно, если события будут развиваться по данному сценарию, потенциальной угрозой является возможная инфильтрация радикальных и террористических элементов на территорию близлежащих государств.

Председатель ЛДПР В.В. Жириновский в качестве одного из вариантов решения данной проблемы предложил оказать поддержку Таджикистану, Узбекистану и Туркмении, с целью недопущения проникновения вооруженных формирований из Афганистана на их территорию. Главная задача, по мнению политика не допустить большой гражданской войны в Афганистане и ее распространения на соседние страны. Также лидер партии выступил против приема беженцев из Афганистана в РФ [9].

В целом, представители политических партий РФ в ходе избирательной кампании в Государственную думу VIII созыва активно презентовали свое видение проблем миграционной политики, однако каких-либо всеохватных дорожных карт по решению ее актуальных вопросов в современных условиях не предоставили. Таким образом, внимание политических партий к вышеуказанным процессам должно проявляться не только в предвыборной риторике, но и в поле для законотворческих инициатив по разрешению проблем в данной области. Также важнейшим направлением в их работе является поддержание культурного диалога, недопущение возникновения националистических и ксенофобских настроений в обществе.

Одной из проблем большинства оппозиционных политических партий традиционно является устаревшая инфраструктура, отсутствие организационных инноваций, низкая активность в межвыборный период. Как уже указывалось выше, разработка законов является одной из основных задач в деятельности партий, а для этого необходимо выявлять проблемные точки, анализировать факторы риска и уже на основе этих знаний предлагать пути решения. Данный процесс должен носить системный характер.

Одним из путей повышения эффективности работы партий, в том числе и в рамках рассматриваемой нами темы, может стать создание на базе региональных отделений политических партий центров (think tanks), занимающихся подобными исследованиями, а именно:

- мониторингом и анализом происшествий, конфликтов и т.п. в субъекте, городе, округе, районе;
- социологическими исследованиями не только в период электоральных кампаний, но и в «межсезонье» с целью глубинного понимания настроений потенциального избирателя;

- разработкой стратегии функционирования региональных отделений с учетом ситуации в субъекте, оценкой необходимых для этого ресурсов, сшивкой оргмассового и агитационного направлений.

Данная инновация позволит выявлять проблемы в рамках миграционной повестки и предлагать пути решения, имея полное представление о ситуации в каждом отдельно взятом регионе, и, соответственно, внесение нужных корректив как в уже существующие партийные программы, так и разработку принципиально новых программ и проектов. Безусловно данную меру будет легче реализовать парламентским партиям, имеющим государственное финансирование и постоянно действующие региональные отделения.

Список литературы:

1. Это просто виза какая-то! URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/08/eto-prosto-viza-kakaia-to> (дата обращения: 18.09.2021).

2. Шевченко и Прилепин на дебатах поспорили об отношении к мигрантам. URL: <https://ria.ru/20210914/migranty-1750073426.html> (дата обращения: 18.09.2021).

3. Там же. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/08/eto-prosto-viza-kakaia-to> (дата обращения: 18.09.2021).

4. ООН: Россия вошла в пятерку стран с самым высоким числом мигрантов в мире. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4651795> (дата обращения: 18.09.2021).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23163626/> (дата обращения: 18.09.2021).

6. Какие угрозы несет России неконтролируемая миграция. URL: <https://rg.ru/2021/09/12/kakie-ugrozy-neset-rossii-nekontroliruemaya-migraciia.html> (дата обращения: 19.09.2021).

7. Цепная реакция хаоса. Николай Патрушев – о чуждых России союзах и ценностях. URL: https://aif.ru/politics/russia/cepная_reakciya_haosа_nikolay_patrushev_o_chuzhdyh_rossii_soyuzah_i_cennostyah (дата обращения: 19.09.2021).

8. Политолог предупредил об угрозе миграционного потока из Афганистана. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/17/migr/> (дата обращения: 19.09.2021).

9. Жириновский: Россия не должна принимать беженцев из Афганистана. URL: <https://echo.msk.ru/news/2890256-echo.html> (дата обращения: 20.09.2021).

Козут В.Г., Нурышев Г.Н.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ

В статье отмечается, что карабахский конфликт вызвал формирование новой геополитической конфигурации причерноморского геостратегического региона. Проводится анализ влияния внешних акторов на геополитическую конфигурацию региона. Делается вывод о том, что геополитическое соперничество в регионе будет усиливаться.

Ключевые слова: конфигурация, геополитика, геостратегия, пантюркизм, панисламизм, турбулентность.

BLACK SEA IN A NEW GEOPOLITICAL CONFIGURATION

The article notes that the Karabakh conflict has caused the formation of a new geopolitical configuration of the Black Sea geostrategic region. The analysis of the influence of external actors on the geopolitical configuration of the region is carried out. It is concluded that the geopolitical rivalry in the region will intensify.

Key words: configuration, geopolitics, geostrategy, pan-Turkism, pan-Islamism, turbulence.

Причерноморье сегодня «является одним из важнейших региональных сегментов Южного стратегического направления, обеспечивающих национальную безопасность России» [1]. Поэтому сегодня после военных событий становится актуальным анализ геополитической конфигурации причерноморского геостратегического региона, которая складывается наложением силовых полей геополитических акторов в ходе противоречивого их взаимодействия друг с другом. Новая геополитическая конфигурация геостратегического региона начала складываться в ходе «карабахского конфликта». Эту конфигурацию формируют внешние геополитические игроки. Враждующие стороны разделил контингент российских миротворческих сил, повышая геополитический статус Российской Федерации в регионе. Москва получила дополнительные геополитическое влияние на деятельность транспортного коридора Север — Юг с выходом на международные рынки [2]. Безусловно, Россия во многом определяет сегодня характер новой геополитической конфигурации в Причерноморье.

Из числа других геополитических игроков, определяющих контуры этой конфигурации, прежде всего, следует выделить Турцию, которая считает себя самостоятельным геополитическим актором, лидером исламского мира, имеющим к тому же сильное влияние на страны Евросоюза за счет своего «диаспорального потенциала» и членства в НАТО [3, с. 53–55].

В настоящее время Турция в качестве альтернативы российскому евразийскому проекту приступила к реализации своего геополитического курса на создание т. н. «Великого Турана», ведущего центра Евразии, точки сборки тюркских народов в новую геополитическую конструкцию [4]. Президент Эрдоган нацелен вопреки геополитическим интересам России на построение «тюркского мира» в виде «Турции от моря до моря, от Урала до Адриатики» [5].

Уже сегодня для многих тюркских народов Турция — успешный государственный проект, а Эрдоган — сильный лидер в современном мире. Такое общественное мнение позволяет Анкаре на первом этапе формирования пантюркистской идентичности добиваться того, чтобы тюркские народы были лояльны «турецкому султану» больше, чем своим лидерам и местной власти.

В результате участия в «карабахском конфликте» на стороне Азербайджана под лозунгом «один народ, две страны», Турция получила выход к Каспийскому морю и затем в Центральную Азию, получив контроль за местными углеводородами и маршрутами их транспортировки. Легализация турецкой экспансии ведет к значительному усилению геополитических позиций НАТО в Закавказье [6].

Неполное урегулирование конфликта дает Анкаре основание для размещения своей военной инфраструктуры в Азербайджане, радикального реформирования его армии, взяв ее под свой полный контроль. У Эрдогана появилась возможность оказывать геополитическую экспансию в мусульманские регионы России. Открылась перспектива объединения железной дорогой турецкого побережья Средиземного моря с азербайджанским побережьем Каспийского моря в рамках концепции «Великого Турана» [7]. Такая перспектива дает Анкаре шанс перехватить у Москвы грузопотоки, идущие по «Новому Шелковому пути» из Азии в Европу [8].

Концепция «Великого Турана» получила новое дыхание после удачного исхода войны в Нагорном Карабахе, удачного для турецко-азербайджанского альянса. Турецкое издание *AHaber* публикует карту распространения «турецкой силы», согласно которой под влияние Анкары попадает кроме государств Южного Кавказа и Центральной Азии, также часть территории РФ, где проживают тюркские народы в Поволжье, на Северном Кавказе и в Сибири вплоть до Якутии. Другое турецкое издание *Türkiye* назвало Крым «древней тюркской землей, которую Россия несправедливо захватила» [9]. Газета «Турция», открыто декларируя идеи пантюркизма и панисламизма, предлагает сформировать объединенную пантюркистскую армию, включив силовые структуры Албании, Боснии и Герцеговины, Турецкого Кипра, тюрков грузинской Аджарии, русского Поволжья и Северного Кавказа, Крыма, Гагаузии и др. [10]

Одним из главных инструментов геополитики Турции является Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет), благодаря которому уже реализовано немало турецких геополитических проектов. На прошедшем саммите 31 марта 2021 года по инициативе Казахстана, (генеральный секретарь ССТГ Н. Назарбаев) главным содержанием в работе саммита стала идея модернизации тюркской цивилизации. Поддерживая эту идею, Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил: «Наша цель – превратить тюркский мир в одно из важнейших экономических и культурно-гуманитарных пространств в XXI веке» [11].

Другим геополитическим игроком, определяющим современные контуры новой геополитической конфигурации в Причерноморье, является Израиль, который в соответствии со своими геополитическими интересами в регионе оказывает активную помощь Азербайджану, в результате чего президент Алиев смог обеспечить свою армию передовыми образцами вооружений и

военной техники. Так, только за последние пять лет Баку получил от Тель-Авива 43% от общего объема внешних поставок вооружений, а от Турции — лишь 2,8%. Соответственно Израиль превратился в крупного покупателя азербайджанской нефти.

По мнению экспертов, израильские спецслужбы наладили тесные связи с турецкой разведкой МИТ и турецкими военными при планировании военной операции в Нагорном Карабахе, чтобы в дальнейшем с территории Азербайджана осуществлять разведывательные и диверсионные операции против своих геополитических конкурентов, включая Иран. Именно поэтому боевые операции азербайджанских войск в Нагорном Карабахе своей слаженностью резко отличались от прежней тактики и стратегии военных действий. Акции такой сложности турецкой армии пока не под силу [12].

Необходимо отметить, что за турецко-израильскими отношениями стоят геополитические интересы Великобритании во всем Причерноморье. Не случайно главой МИ-6 стал Р. Мур, имеющий тесные связи с турецкой и азербайджанской элитами. Великобритания сегодня является важным инвестором и экспортным рынком Турции. Поэтому именно Великобритания наложила вето в Совете Безопасности ООН при обсуждении вопроса о прекращении огня в Нагорном Карабахе [13].

На геополитическую конфигурацию Причерноморья оказывают серьезное влияние и США из-за ее геополитического положения, углеводородных ресурсов и транспортных коммуникаций этого геостратегического региона [14]. США с приходом к власти администрации президента Джо Байдена довольно жестко будут вступать в «большую причерноморскую игру». Вашингтону не нужна стабилизация мира в регионе. Поэтому надо ожидать усиления антироссийской ориентации руководства многих стран Причерноморья [15]. Как следствие, на прямой военный конфликт с Россией сползает Украина, подпитываемая поддержкой США.

В геополитических интересах США исключить появление геополитического треугольника Россия — Иран — Китай. Поэтому на южных рубежах России создается турбулентный пояс «управляемого хаоса» для установления американского контроля над Причерноморьем и Центральной Азией [16]. Не случайно сегодня акватория Чёрного моря и территории причерноморских государств превращаются в арену строительства инфраструктурных объектов и проведения масштабных военных учений Вооружённых сил США и НАТО. Так, США строят в Очакове Центр оперативного управления флотом, в Бердянске — базу ВМСУ на Азовском море. В городе Южный Одесской области также выделен участок под строительство «штаба для нужд ВМС НАТО». В Грузии начинается создание военных баз (объектов) США под названием Cooperative Security Locations (CSL). Так побережье Черного моря попадает под надежный контроль Вашингтона [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что «Большая игра» на Причерноморье только набирает обороты и будет продолжаться. Это и определяет характер и контуры новой геополитической конфигурации в этом стратегическом регионе.

Список литературы:

1. Баранов А.В. Геополитическая конкуренция в Черноморско-Средиземноморском регионе: новые проявления. URL:<http://fismo.kubsu.ru/2018/05/05/baranov-a.v.-geopoliticheskaja.html>(дата обращения: 02.03.2021).
2. Какие дороги и когда откроются на Кавказе после московских переговоров Азербайджана и Армении? URL: https://zen.yandex.ru/media/ethniks/kakie-dorogi-i-kogda-otkroiutsia-na-kavkaze-posle-moskovskih-peregovorov-azerbaidjana-i-armenii-5ffebb4091e2ac4095dd83ea?&utm_campaign=dbr (дата обращения: 25.01.2021).
3. Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э. Л. Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. М., 2020. Т. 11. № 3 (28). С.51-57.
4. Турция пытается вернуть статус центра Евразии. Геополитическое значение железнодорожного соглашения между Ираном и Турцией. URL: https://russtrat.ru/comments/21-yanvary-a-2021-1135-2749?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 21.01.2021).
5. Апхаидзе Ш. «Великий Туран» — самый короткий путь к хартленду. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/velikiy-turan-samyu-korotkiy-put-k-hartlendu?fbclid=IwAR3Rrh6kb9ykb4aCZDCKA3CS-phKhDOfoTHaWQIGzok6kLelqwMD2wpfrWs> (дата обращения: 25.01.2021).
6. Багдаш А., Глущик Е. НАТО усилило свои позиции на Кавказе. Итоги вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. URL: https://zavtra.ru/blogs/nato_usililo_svoi_pozitcii_na_kavkaze (дата обращения: 27.01.2021).
7. Возможное развитие ситуации в Нагорном Карабахе. URL: https://zen.yandex.ru/media/za_istoricheskuyu_pravdu/vozmojnoe-razvitie-situacii-v-nagornom-karabahe-5fb7f543572b8625756b6bec (дата обращения: 26.01.2021).
8. Какие дороги и когда откроются на Кавказе после московских переговоров Азербайджана и Армении? URL: https://zen.yandex.ru/media/ethniks/kakie-dorogi-i-kogda-otkroiutsia-na-kavkaze-posle-moskovskih-peregovorov-azerbaidjana-i-armenii-5ffebb4091e2ac4095dd83ea?&utm_campaign=dbr (дата обращения: 25.01.2021).
9. Родионов Д. «Великий Туран» присмотрел свои земли в России. Турция замахнулась не только на Кавказ и Среднюю Азию, но и на Сибирь. URL:<https://svpressa.ru/world/article/286143/>(дата обращения:03.04.2021).
10. Великий Туран детище Лондона и Тель-Авива. URL: <https://politinform-su.turbopages.org/politinform.su/s/128018-velikij-turan-detische-londona-i-tel-aviva.html> (дата обращения:03.04.2021).
11. Большот И. Саммит Тюркского совета: «Великий Туран» пока только в мечтах. URL:https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-04--sammit-tjurkского-soveta-velikij-turan-roka-tolko-v-mechtah-54022?utm_source=politobzor.net(дата обращения:04.04.2021).
12. Прохвятилов В. Что объединяет Турцию и Израиль на Кавказе // Военно-политическая аналитика. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/14/chto-obedinyaet-turtsiyu-i-izrail-na-kavkaze/> (дата обращения: 24.01.2021).
13. Нефёдов Д. «Глобальная Британия» — неоосманская Турция: новая эра сотрудничества и экспансии. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/01/07/globalnaya-britaniya-neoosmanskaya-turtsiya-novaya-era-sotrudnichestva-i-ekspansii> (дата обращения: 07.01.2021).

14. Гаджиев К. С. Большая игра на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М.: Междунар. отношения, 2012. 344 с.

15. США возвращаются в нагорно-карабахский конфликт на стороне оккупантов Карабаха?

URL:https://vestikavkaza.ru/material/335547?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 22.01. 2021).

16. Марзиев И. «Большая игра» на Южном Кавказе. URL: <https://polit.ru/article/2005/07/20/biggame/> (дата обращения: 19.01.2021).

17. Горбачев С. От края до края – Чёрное море и Каспий не разъединяют, а соединяют. URL:<https://www.fondsk.ru/news/2020/11/19/ot-kraya-do-kraya-chernoe-more-i-kaspij-ne-razedinjaut-a-soedinjaut-52291.html>(дата обращения:30.03.2021).

Дибас О.А.

ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИКУ «КОРЕНИЗАЦИИ-УКРАИНИЗАЦИИ» В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Представлен анализ интерпретации событий и итогов политики украинизации в рамках системы школьного образования на Украине в период 2018-2021 гг. Установлено негативное представление данных реформ в учебной литературе в качестве временных и носящих исключительно популистский характер.

Ключевые слова: украинизация, коренизация, популизм, агитация, «культурный расцвет».

Dibas O.A.

A LOOK AT THE POLICY OF "CORENATION-UKRAINIZATION" WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MODERN UKRAINIAN EDUCATIONAL SYSTEM

The article presents an analysis of the interpretation of events and the results of the policy of Ukrainization within the school education system in Ukraine in the period 2018-2021. The negative representation of these reforms in the educational literature as temporary and exclusively populist in nature is established.

Key words: Ukrainization, Korenization, populism, agitation, «cultural flourishing».

После распада СССР и начала демонтажа советского наследия в ряде бывших братских республик, в том числе и на территории Украина приобрели актуальности вопросы истории 1920-30-х гг., что обусловлено рядом факторов, среди которых можно обозначить и периодическую противоречивость действий советской власти. Одним из вопросов, который стал рассматриваться в научных кругах украинской исторической науки как раз вопрос о региональном проявлении на территории УССР политики коренизации, которая приобрела название «украинизация».

Изучением и трактовкой «украинизации», как комплекса мер государственной поддержки украинского языка и местной элиты в рамках строительства нового государства посвящено значительное количество работ, однако одним из первых фундаментальных трудов, посвященных изучению украинизации-коренизации необходимо обозначить коллективную монографию под редакцией В.А Смолия, в которой была осуществлена одна из первых попыток комплексного анализа обозначенной проблемы. При этом стоит отметить, что наряду с объективным анализом комплекса проводимых советской властью реформ, авторский коллектив пришел к выводам, что «украинизация являлась временным отходом большевиков от курса на унификацию, который был продиктован в первую очередь стремлением укрепить свои позиции в окружении если не до конца враждебном, то в возбужденном и крайне настороженном. Осуществлялось это не только для того, чтоб уменьшить опасный разрыв между русскоговорящим партаппаратом и государственным аппаратом и украиноговорящим населением, но и для рекламы демократизма советской системы и афиширования ее поддержки национальных ценностей» [1, с. 6].

Начиная с 2003 года в украинском научном дискурсе, а впоследствии в образовательном в целом, начал укореняться тезис о двусоставности политики «коренизации-украинизации», а именно: «стремлении центра осуществить поверхностную аппаратную «украинизацию» и с помощью этого укрепить свое влияние в Украине, которое столкнулось с противоположным течением – стремлением национально-сознательных сил противодействовать неимоверному давлению централизма, и стремлением сохранить национальное лицо своей земли» [1, с. 7].

Достаточно ярко данную тенденцию к разделению «украинизации» на внутреннюю (процессы духовного и культурного возрождения, происходящие в среде украинской интеллигенции) – мотивированную, духовную, возрождающую культуру и внешнюю (политика центральной власти), которая временно маскирует репрессивный аппарат можно проследить в работе О.Р. Куц «1920-е годы, по мнению современников, вошли в историю “светлой и радостной эпохой украинского культурного расцвета”, “водоворотом бурной и яркой национальной жизни”, эпохой “великих свершений, великих дерзаний и великих полетов”» [2, с. 225].

Кроме того, в период 1922-1927 гг. по материалам партийных переписей доля украинцев в КП(б)у выросла с 23% до 52%. В 1927 г. 70% коммунистов украинцев признали украинский родным языком. Среди служащих государственного аппарата количество украинцев выросло в течение 1923-1927 гг. с 35% до 54%. Делопроизводство на украинском языке в государственных учреждениях и организациях с 20% в 1925 г. достигло 70% в 1927 г. Тираж украиноязычных газет за период 1924-1927 гг. вырос в 5 раз, значительно увеличилось количество и тиражи книжной продукции; до 1933 г. пресса была украинизирована на 89%, книгопечатание – на 83% [1, с. 62, 64].

Украинский язык в республике фактически приобрел статус государственного. Однако вышеупомянутые факты не мешают добавлять негативного антисоветского и как следствие антироссийского контекста в интерпретацию процесса украинизации в рамках школьного курса по предмету «История Украины». Тема «Украинизация в УССР» представлена в 10 классе школьного курса обучения, в нашем исследовании представлен анализ учебников по истории Украины за 10 класс, изданных в 2018 году и действующих на современном этапе, как средства формирования политизированного представления о событиях 1920-1930-х гг.

Так, в учебнике В.С. Власова в рамках обозначения сути политики украинизации указывается, что «“Члены РКП на территории Украины должны на деле внедрять право трудящихся масс учиться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке”. Украинцев пытались убедить в том, что советская власть – не оккупационная, а их собственная» [3, с. 167]. Следует отметить, что хотя вопросу политики украинизации и ее итогов уделено чуть более страницы, но при этом акцентировано внимание на том, что «украинизация проводилась даже за пределами УССР-в местах компактного проживания украинцев. Население Кубани, две трети которого составляли украинцы, получило возможность обучать детей в украинских школах, читать украинские газеты и журналы, слушать передачи местного радио на родном языке» [3, с. 168]. По нашему мнению, упоминание проукраински настроенного населения Кубани носит не случайный характер, а имеет отсылки к географическому обоснованию украинскими националистами территориальных притязаний Украины сформулированными М. Михновским в «Самостійна Україна», которое включает территории от «Сана до Кубани, от Карпат до Кавказа» [4, с. 80].

Значительно дальше пошли авторы учебника О.В. Гисем, О.О. Мартынюк, которые отметили ряд положительных сдвигов в развитии УССР, связанных с политикой украинизации, однако, по нашему мнению, перечеркнули все подведением итогов к теме в рамках которого обозначили, что, «С начала 1930-х гг. началось сворачивание украинизации. Против украинской интеллигенции и других слоев общества распространялась волна репрессий (наиболее масштабным стал показательный судебный процесс по делу «Союза освобождения Украины»), превратившихся в геноцид украинского народа во время Голодомора 1932-1933 гг. Постановлением ЦК ВКП(б) «о хлебозаготовке на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» Раздел IV от 14 декабря 1932 г. кампания украинизации была прекращена везде за границами Украины. Советская власть вернулась к русификаторской политике, активные участники украинизации были репрессированы» [5, с.123], авторы связали, как репрессивные действия по отношению к представителям украинской интеллигенции, так и события голода 1932-1933 гг., обозначая их в качестве мероприятий по сворачиванию политики украинизации в УССР.

Следует также отметить авторов учебника «Украина и мир», которые не отходя от устоявшегося тезиса обозначают, что проведение украинизации «было удачным шагом советской пропаганды. Термин «украинизация» объединил противоречивые значения: распространение украинского языка и укрепление оккупационного режима на Украине», а использование «коренизации «в интересах украинского языка и культуры стало заслугой незначительной группы национал-коммунистов, которые объединялись вокруг наркомов образования А. Шумского (1924–1927 гг.) и Н. Скрипника (1927–1933 гг.)» [6, с.139].

Следует отметить, что негативный контекст по отношению к советской власти в отношении этапов и итогов политики украинизации представлен не только в учебниках по истории обозначенного периода, рекомендованных МОН Украины в период 2018 г. и действующих на современном этапе. Знаковым событием в культурной и образовательной жизни Украины было издание нового «Правопису украинского языка», который был одобрен решением Кабинета Министров Украины. Во вступительном слове к изданию была представлена история современного украинского правописания, которая обозначена 1925 годом, когда по решению правительства УССР при Наркоме образования была создана Государственная комиссия для упорядочения украинского правописания, по результатам работы которой был подготовлен проект всеукраинского правописания. А уже 6 сентября 1928 г. Украинское правописание, сформированное по результатам коллегиальной работы было утверждено, однако просуществовало в неизменном виде достаточно недолго, лишь до 1933 г. В результате сворачивания политики украинизации и активизации судебных дел по обвинению национал-коммунистов, ряд норм правописания также подверглись изменению так как воспринимались как «националистические и призванные искусственно оторвать украинский язык от большого братского русского» [6, с. 2]. В 1933 г. Народный комиссариат образования УССР одобрил другое правописание, которое с незначительными изменениями и дополнениями (на протяжении 1930-х гг., 1946 г., 1960 г.) действовало до 1989 г. Необходимо отметить, что правописание разработанное в период украинизации – «харьковское», не только не было забыто, а наоборот активно применялось представителями украинской диаспоры, а в период после 1991 г. легло в основу правописания украинского языка в независимой Украине.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что к 2018 году наметились значительные смысловые трансформации интерпретации событий истории Украины в целом и периода 1920-30-х годов в частности. События и достижения периода советского прошлого трактуются в смысловых конструкциях агитационной или рекламной работы, которые направлены были лишь на расширение уровня поддержки власти украинским населением. Наиболее удручающим, по нашему мнению, является попытка некоторых авторов увязать процесс сворачивания политики украинизации и трагические

события голода 1932-1933 гг. как взаимосвязанные, что не имеет подтверждения историческими фактами.

Список литературы:

1. «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Колективна монографія / За ред. В.А. Смолія. К.: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.
2. Куц О. Українізація як каталізатор духовного життя українського суспільства 20–30-х років / О. Куц // Наукові записки [Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2006. Вип. 32. С. 224-232. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzipiend_2006_32_14 (дата обращения: 12.08.2021).
3. Власов В.С. Історія України (профільний рівень) : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти / В.С. Власов, С.В. Кульчицький. Київ : Літера ЛТД, 2018. 304 с.
4. Міхновський М. І. Самостійна Україна. К.: Діокор, 2002. 80 с.
5. Гісем О. В. Історія України (рівень стандарту): підруч. для 10 кл. закл. загал. серед. освіти / О. В. Гісем, О. О. Мартинюк. Харків : Вид-во «Ранок», 2018. 240 с.
6. Мудрий М.М. Історія: Україна і світ: (інтегр. курс, рівень стандарту): підруч. для 10-го кл. заг.серед. освіти // М.М. Мудрий, О.Г. Аркуша. К. Генеза, 2018. 288 с.
6. Український правопис. Схвалено Кабінетом Міністрів України (Постанова № 437 від 22 травня 2019 р.) спільним рішенням Президії Національної академії наук України (протокол № 22/10 від 24 жовтня 2018 р.) і Колегії Міністерства освіти і науки України (протокол № 10/4-13 від 24 жовтня 2018 р.). 288 с. URL: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/zagalna%20serednya/%202019.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Шендрикова С.П.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Театральное искусство всегда было неким идеологическим оружием в руках власть имущих. За завесой развлечения и утех, кроется серьезный идеологический смысл. В данном контексте убедительно заявила о себе советская эпоха. Примером тому служит трансформация, наблюдавшаяся в Крыму в период установления на полуострове советской власти.

Утвержденный в 1919 г. «Декрет об объединении театрального дела» внес коррективы по упорядочению структуры государственного руководства театрами. В связи с этим был открыт Театральный отдел Наркомпроса, заведующим которого стал В. Мейерхольд. Режиссер предложил программу «Театральный Октябрь», ознаменовавшую начало репертуара нового времени.

В 1920 г. симферопольский драматический театр был переименован – теперь он назывался Первый Советский. Артисты, работающие в театре, должны были зарегистрироваться в Крымотделе народного образования и продолжать свою художественную деятельность, согласно указаниям и планам театральной секции отдела искусств. Весь репертуар должен был утверждаться театральной секцией для выработки общего художественного плана театральных работ.

В этот период новым правительством была отменена царская цензура. Однако справедливости ради следует сказать, что меры, которые

употреблялись с целью формирования «нового» репертуара, существенно не отличались от имперских запретов. Благодаря содержанию театральных представлений, советская власть срочно решала проблему воспитания «нового зрителя», «нового социума». Для решения этого вопроса как нельзя лучше подходил театр, который на протяжении своей истории постоянно выступал основным идеологическим фактором любого общества, любой эпохи, любой культуры.

Что касается Симферополя, то по началу заведующей театральной секции в этот период была назначена Е. Выставкина [881, с. 9]. Следует отметить, что такие глобальные изменения в жизни театра во многом стали причиной нестабильности состава его труппы. В 1920 г. наблюдалась высокая «текучка» кадров: мало кто из артистов играл на сцене более двух месяцев. В этой связи не представлялась возможной выработка единой методики работы, что в свою очередь также не позволяло создать слаженный творческий коллектив. Результатом всего послужило снижение качества спектаклей.

Именно в это трудное время первым директором симферопольского театра советского периода был назначен Я. Леонтьев, художественным руководителем стал П. Рудин. Благодаря организаторским и художественным способностям этих людей на заре советской власти в Симферополе постепенно стал создаваться профессиональный, большой коллектив. Музыкальным руководителем труппы был И. Дунаевский. Талантливые актеры составляли костяк творческого коллектива: М. Соснин, С. Днепров, В. Ермолов-Бороздин, Ф. Раневская [912, с. 141]. Кстати, малоизвестно, что именно в период своей театральной деятельности в Крыму талантливая актриса Фаина Гиршивна Фельдман взяла сценический псевдоним «Раневская». В 1920 г. она играла на сцене Первого Советского театра (ныне – Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького – *авт.*). В свое время режиссеру П. Рудину в знак благодарности за сотрудничество начинающая актриса подарила книгу, подписав впервые: «Фаина Раневская» [870, с. 74]. Однако в свой крымский период Ф. Раневская была малоизвестной актрисой, на что указывает отсутствие в афишах того времени каких-либо упоминаний о ней как о действующей актрисе, состоявшей в штате труппы театра [970, с. 135]. Только в номере газеты «Ялтинский вечер» за 15 сентября 1920 г. в объявлении об открытии зимнего сезона говорится о первых гастролях труппы актрисы П. Вульф, вместе с которой выступала и Ф. Раневская [155]. В Крыму Ф. Раневская сыграла Глафиру Фирсовну в «Последней жертве», Анфису Тихоновну в «Волка и овцах», Галчиху в «Без вины виноватые», Манефу в «На всякого мудреца довольно простоты», сумасшедшую барыню в «Грозе» А. Островского, Настю в «На дне» М. Горького, Пошлепкину в «Ревизоре» и сваху в «Женитьбе» Н. Гоголя. Наиболее знаковые пьесы А. Чехова, в которых была задействована Ф. Раневская: «Вишневый сад» (Шарлотта), «Три сестры» (Ольга, Наташа), «Чайка» (Маша), «Дядя Ваня» (Войницкая), «Иванов» (Зюсюшка) – не обошлись без ее участия [859, с. 14]. Чуть позже на сцене

симферопольского театра играл М. Царев, еще неизвестный молодой талантливый актер, который со временем возглавил московский Малый театр [820, с. 86]; [821, с. 21].

С окончательным установлением на полуострове советской власти для театра был разработан устав, которым закреплялось, что Крымский государственный драматический театр (далее – КГДТ) ставит своей задачей ознакомление рабочих масс и трудящихся с образовательно-показательным, агитационным и революционным искусством, борьбу с репертуаром, который поддерживал основы буржуазной идеологии и религиозные убеждения. Нашла отражение в документе и национальная специфика Крыма: «В виду наличия особых национальных условий Крыма при КГДТ создать татарскую секцию, ставящую своей задачей постановку татарских спектаклей, при чем, обозначенная секция должна существовать на основании единого бюджета и единого административного аппарата КГДТ» [967, с. 52 – 61]. Далее уставом закреплялся пункт, в котором правление КГДТ в своей идеологической деятельности должно было руководствоваться указаниями Народного комитета просвещения Крымской ССР [982, с. 187].

Что касается репертуара театра, то он, как и все программы эпизодических спектаклей, должен был утверждаться Наркомпросом через органы Главполитпросвета и Крымлита. Правление КГДТ перед каждым театральным сезоном должно было подавать на утверждение СНК Крымской ССР план будущей деятельности на предстоящий год. Кроме того, КГДТ как театр, «Наиболее полно осуществляющий задания высших органов власти», освобождался от уплаты налога с публичных зрелищ и развлечений, утвержденного ВЦИК и СНК СФСР [86, л. 22 – 34].

Поначалу руководитель КГДТ П. Рудин выбрал классический репертуар: «Разбойники» Ф. Шиллера, «Стакан воды» Э. Скриба, «Горе от ума» А. Грибоедова [956, с. 185 – 186]. Однако новое время диктовало свои условия, и в этой связи в репертуаре театра появились пьесы: «Медвежья свадьба» А. Луначарского, «Бунт машин» А. Толстого, «Любовь Яровая» К. Тренева и другие. Эти пьесы находили отклик у нового зрителя. Кроме этого в данный период стали популярными представления-митинги на злобу дня. К спектаклям привлекались разнообразные средства выразительности, приемы сценической условности, гротеска, эксцентрики. Пролетарская тема вступила на сцену театра [974, с. 69].

Подводя итоги, следует сказать, что с установлением советской власти, театральная жизнь города претерпела серьезные изменения в связи с военными, политическими и революционными баталиями, отразившимися на содержании «нового репертуара», в результате чего в последствие появлялись другие идеалы общества. Театр стал прочным идеологическим оружием в руках советской власти для формирования нового гражданина современного общества.

Севастополь

Последними «аккордами» имперского режима в Крыму была эвакуация в ноябре 1920 г. остатков врангелевской армии и семей русской интеллигенции. А уже 16 ноября 1920 г. в Севастополе состоялось заседание, на котором присутствовали С. Буденный, В. Блюхер, К. Ворошилов и другие представители новой власти [841, с. 8]. Созданный вскоре ревком очертил первоочередные задачи для города, которые касались и всех культурных заведений. Было вынесено постановление «О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их по отделу народного образования» [84, л. 2]. По приглашению севастопольского ревкома «подотделы искусств» в отделе народного образования возглавил Л. Собинов [514]. Он сразу включился в работу – 27 ноября 1920 г. Л. Собинов обратился в севастопольский отдел Народного образования с ходатайством «О немедленной национализации тех театров и артистических сил, находящихся в городе, работа которых протекает в крайне ненормальных условиях» [95, с. 158]. Л. Собинов обратил внимание городских властей на то, что «...в первую очередь необходимо национализировать театры: 1) Морского собрания с его оперным и драматическим коллективом; 2) «Ренессанс» с коллективом артистов и работников рампы; 3) театр Общественного собрания с труппой украинских артистов под руководством товарища Глазуненко» [95, с. 158]. На основании этого был издан приказ севастопольского ревкома за подписью заведомо И. Михайлова: «Предписываю впредь именовать 1-й Советский театр (бывший «Ренессанс») театром имени Луначарского, 2-й (бывшего Общественного собрания) – им. Ленина, 3-й (бывший Народный дом) – им. Карла Маркса. 14 декабря 1920 года» [514].

В результате такой трансформации театр Никулина был присоединен к театру имени А. Луначарского как летняя площадка. Забегая вперед, необходимо сказать, что по причине ветхости конструкции (здание театра было построено в 1884 г. – *авт.*) в 1930-е гг. ее демонтировали, а на опустевшем месте был разбит небольшой парк. В 1-м Советском театре имени А. Луначарского в 1920 г. работали две труппы – оперная под руководством Л. Собинова и драматическая, которую возглавлял В. Петипа (один из сыновей великого балетмейстера – *авт.*). Основной костяк артистов в 1920 г. составили: С. Оранский, Л. Кравченко, А. Максимова, А. Лианова, А. Артенев, М. Санина, Е. Анрелли, К. Чинарова, А. Подольский, Н. Долгов, А. Фомин, В. Валент, З. Евгеньева, Л. Шимановская, В. Валентинов. Режиссером был С. Оранский, помощником режиссера – И. Вербер, театральным администратором Н. Канано. Об этом свидетельствуют пожелтевшие афиши, сохранившиеся в музее театра имени А. Луначарского.

На ряду с профессиональными, в городе работали местные артисты-любители, организовывавшие самостоятельные театры. Иногда создавалось впечатление, что в Севастополе театров не менее, чем в Москве. Например, весной 1920 г. на улице Николаевской (Корабельная сторона – *авт.*) работал

т.н. театр «Наука и жизнь». В марте того же года там выступал артист П. Троицкий, а помогали ему на сцене любители М. Марадудина, В. Борзов, С. Юматова [513]. Кроме этого, на сцене театра «Наука и жизнь» в 1920 г. выступал союз драматических артистов бывших императорских театров под руководством В. Блюменталь-Тамариной и М. Муратова. 8 марта 1920 г. труппа дала комедию Е. Кноблацха «Фавн» [512]. На сцене театра «Ренессанс» с самого начала 1920 г. выступала труппа под режиссерством В. Ленского. 25 января 1920 г. коллективом был поставлен спектакль «Веселый Беби» С. Кебба (перевод А. Иванова) [510]. Труппа режиссера В. Ленского гостила в Севастополе до середины февраля 1920 г. Лучшими ее артистами были признаны А. Франко и С. Буржинский [511].

Феодосия

С приходом советской власти в 1920-х гг. в Феодосии вновь наблюдалось оживление творческой активности. Здесь открывались различные клубы: водников, строителей, работников образования и прочие. Создавались и многочисленные клубы, организованные по национальному признаку, например – еврейский, караимский и т. д. Среди всех подобных учреждений крупнейшим и самым активным был «клуб водников». В одном из отчетов крымского совета профсоюзов (от 12 августа 1922 г.) говорилось: «В настоящее время феодосийское отделение Союза Водников занимает в г. Феодосии здание бывшей Центральной гостиницы, в которой находятся следующие учреждения союза: библиотека и читальня, имеющие свыше 5000 томов ; клуб с зрительным залом на 250 человек и буфетом, причем этот клуб служит целям международной пропаганды» [85, л. 14]. По воспоминаниям старожилов, для обустройства упомянутого клуба в здании ресторана отеля, где он находился, пришлось провести некоторые строительные работы. В частности, была демонтирована одна стена, что позволило расширить помещение и устроить небольшую, но удобную сцену. В последствие в этом помещении организовывались танцевальные вечера, литературные лектории, ставились небольшие самодеятельные спектакли. Основную часть работников таких клубов составляла творческая интеллигенция города: учителя, художники, музыканты.

В Феодосии при городском театре в этот период имелась группа драматических артистов. «Некоторые из них, – вспоминает А. Ермолинский, – руководили Драматическими кружками при клубах» [808, с. 286]. Часто силами актеров и членов клубов готовились спектакли, которые ставились не только в городском театре, но и в близлежащих селах. Основу этой труппы составляли: Бестужев, Максимович, Шакай и Гримальский. Режиссером был Кожевников, руководителем и ведущим артистом – Ленский. Выездные гастроли труппы, как правило, состояли из двух частей: 1) одноактная пьеса; 2) дивертисмент (различные фокусы в исполнении Я. Приклонской); 3) два балльных танца (в исполнении балерины Райской). Основная часть фамилий из

этого списка, скорее всего – сценические псевдонимы. Так, например, Ленский – местный житель, грек по фамилии А. Пипопуло.

Подобные постановки местными жителями посещались с энтузиазмом. Люди, пережившие все войны и революции, «красный» и «белый» террор, изголодались не только по хлебу, но и по зрелищам. На отсутствие денег артисты смотрели просто. Оплатить входной билет можно было и натуральными продуктами: билет можно было приобрести за десяток яиц, фунт масла или сыра [808, с. 286]. Несмотря на то, что коллектив под руководством Кожевникова состоял из людей разных профессий и национальностей, их деятельность отмечалась добросовестностью, творческим подходом; а постановки с удовольствием принимались на различных сценических площадках Феодосии и пригородов в течение последующих нескольких лет.

Шкрибитько Е.А.

К ИСТОРИИ ЗАКРЫТИЯ СВЯТОГОРСКОГО СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

В статье, на примере Святогорского Свято-Успенского монастыря в Подонцовье, рассматривается антицерковная политика Советского государства 1920-х гг. Внимание акцентируется на перепрофилировании помещений бывшего монастырского комплекса под нужды Дома отдыха для рабочих.

Ключевые слова: Святогорский Свято-Успенский монастырь, монахи, дом отдыха, антицерковная политика, идеология, Советское государство, религия, атеизм.

Shkribitko E.A.

TO THE HISTORY OF THE CLOSING OF THE ST. GORSKY ST. USPENSKY MONASTERY IN THE BEGINNING OF THE 1920s.

The article examines the anti-church policy of the Soviet state of the 1920s, using the example of the Svyatogorsk Holy Assumption Monastery in the Podontsovye. The attention is focused on the conversion of the premises of the former monastery complex for the needs of a rest home for workers.

Key words: Svyatogorsky Holy Assumption monastery, monks, rest home, anti-church policy, ideology, Soviet state, religion, atheism.

Период 1920-х гг. положил начало политики молодого Советского государства известной как антицерковная кампания. Основным направлением указанной политики стали гонения на Русскую православную церковь, закончившиеся закрытием или уничтожением целого ряда культовых сооружений. Подобная участь не минула и Святогорский Свято-Успенский

мужской монастырь на территории современного г. Святогорска Донецкой области. Только с конца 1980-х гг. начинается переоценка советской идеологии и церковная история пересматривается.

При подготовке статьи автором были использованы документы фондов Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР) и Центрального государственного архива высших органов власти (далее – ЦГАВОВ).

Среди исследователей отдельные аспекты указанной темы рассматривали В.Н. Дедов, В.Н. Никольский. В их работах отображено влияние антирелигиозной политики Советской власти на общественную жизнь Донбасса. Антирелигиозная борьба расценивалась тогда властью как одно из важнейших направлений культурно-идеологической работы с населением края с целью насаждения новых антирелигиозных ценностей. Эта политика была направлена на искоренение духовных ценностей и авторитета религии в целом. Новая власть сама претендовала на роль новой религии. В итоге борьба с религией переросла в целый комплекс мероприятий, целью которых было формирование новой формации советских людей, несущих в общество новые идеологические ценности и культуру.

Цель работы – рассмотреть основные компоненты проведения антицерковной политики Советского государства в Донбассе на примере Святогорского Свято-Успенского монастыря.

После Октябрьской революции и установления Советской власти отношение к религии и церкви меняется. 22 января 1919 г. был принят декрет Рабоче-крестьянского правительства Украины «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который дословно повторил текст документа Совета народных комиссаров РСФСР. Отличие было в том, что в Украине церковные и религиозные общины не лишались права юридического лица. Так было до 1920 г. [1, с.10]. Отделенная от государства, церковь переходит на самофинансирование, т.е. на содержание на средства прихожан – «кружечный сбор». Все прочие средства на содержание были ликвидированы.

Целенаправленно проводимая Советской властью антирелигиозная политика переросла в масштабную политическую кампанию. Так, в июне 1921 г. секретарь Донецкого губкома ВКП(б) Э.Квириг (позже секретарь ЦК КП(б)У) объявил о начале планомерного проведения антирелигиозной пропаганды в Донбассе [2, Л.1].

В сложившейся ситуации объективным обстоятельством, позволившим “обоснованно” приступить к проведению государственной политики против церкви, стал голод 1921-1922 гг., на фоне которого относительное благополучие и богатство церкви расценивалось новой властью вызывающе. Голод в Донбассе приобрел катастрофические масштабы. Однако местное руководство массово вывозило местные ресурсы в Поволжье, несмотря на ходатайство губернских представителей о тяжелом положении в Донбассе. На фоне этого церковь приняла активное участие в помощи голодающим.

Попытки духовенства участвовать в обсуждении проблемы голода и борьбы с ним пресекались и характеризовались, как желание помешать справедливому изъятию чрезмерных богатств церкви.

Весной 1922 г. в Донецкой губернии была создана комиссия по изъятию церковных ценностей, возглавляемая А. Самохваловым. Общее руководство работой осуществлял Э. Квиринг. В целом по губернии кампания по изъятию церковных ценностей длилась около трех месяцев и закончилась в июне 1922 года. Она была разделена на два этапа – предварительную агитацию и практическую работу (проверка инвентарных книг на наличие ценностей и их изъятие). Комиссиям по изъятию содействовали рабочие, красноармейцы и крестьяне голодающих уездов, которые рассчитывали получить вырученные, от продажи церковных ценностей, средства.

В то же время, многие священнослужители добровольно снимали с себя кресты, жертвовали в фонд голодающих личное имущество [3, С. 2]. Одновременно преобладало утаивание ценностей, особенно в крупных храмах. Это объяснялось желанием священнослужителей сохранить утварь для проведения служб. Иногда священники предлагали компенсировать изъятие наиболее ценных культовых вещей деньгами в золотом или серебряном эквиваленте [4, Л.14]. Однако были случаи, когда предателями были представители духовенства. Так, бывший послушник Святогорского монастыря Михаил Кузнецов написал заявление на имя главы Донецкого Губревтрибунала, с доносом на иеромонаха Михаила с братией, в котором обвинял монахов в сокрытии ценностей в монастырских помещениях. После этого специальная комиссия проделала огромную работу по выявлению спрятанного имущества: составлялись протоколы допросов братии, опрашивались свидетели, проводились обыски, описывалось монастырское имущество, выписывались постановления о задержании подозреваемых и т.д. [5, Л.36-37].

Особенно активно сопротивлялось изъятию высшее духовенство Святогорского монастыря, накопившего за свою многовековую историю солидное состояние. В документе по этому поводу значится: «На предложение комиссии представить описи и инвентарные книги для проверки и сдать ценности архимандрит Трифон заявил: «Ваша власть и сила, берите, добровольно ничего не отдам и акта не подпишу», а когда приступили к практической работе, он “заболел”. Остальная братия ...под разными предложениями упорно отказывалась от выполнения необходимых формальностей» [6, Л.12].

Всего по Донецкой губернии было составлено 33 акта об отсутствии описей, 21 акт об утайке церковного имущества и привлечено к суду 29 религиозных обществ, включая и Святогорский монастырь. Имущество было изъято из 707 церквей. В фонде ГА ДНР сохранился документ с полным перечнем изъятого имущества [7, Л.47-48].

В ходе следствия над монахами Святогорской обители было установлено, что в монастырь после начала Первой мировой войны из Почаевской лавры прибыло 15 подвод с иконами и другими ценностями, чтобы передержать это имущество на период боевых действий на западных землях. Постепенно монастырская ризница пополнилась принесенным сюда личным имуществом мирян. Монахи в условиях лихолетья закопали или замуровали (в монастырском скиту, в Покровской церкви, у жителей окрестных сел) наиболее ценные вещи, включая и имущество Святогорской обители. При выявлении таких тайников нашли церковные и нецерковные (ковры, ткани, белье, посуду и т.д.) вещи. Следует отметить, что при сдаче указанного имущества в Губфинотдел художественная ценность изъятого не учитывалась, изделия принимались на вес, без отделки, вследствие чего, указанные в документе цифры занижались. Известно, что суд постановил все изъятое богослужebное имущество передать в «доход Республики». Дальнейшая судьба изъятых ценностей неизвестна. Тут следует отметить, что отдельно было подсчитано количество извлеченных из монастыря драгоценных металлов (золото, серебро) и камней (рубины, изумруды и т.д.) [8, с.88]. Нецерковное имущество распределили между детским домом, исполкомом и просто обывателями [9, Л.194, 210].

В то же время, несмотря на лишение внешних атрибутов, церковь сохранила свой авторитет. Агрессивная пропаганда, чрезмерная напористость и грубость комиссий по изъятию наоборот укрепили позиции церкви среди рядового населения. Поэтому губернское руководство вынуждено было признать допущенные перегибы, и в 1923 г. разграничило антирелигиозную и антицерковную кампании [10, Л.44]. Антирелигиозная деятельность предполагала проведение глубокой разъяснительной работы (лекции, дискуссии), в основном, среди рабочих (в клубах, общежитиях, на производстве). В сельских районах агитировать было сложнее: природные катаклизмы и неурожай сопровождалась церковными службами, молебнами и т.д. [11, Л.12]. Поэтому в сельской местности власти запретили «преследования крестных ходов, антирелигиозные разъяснительные мероприятия, оскорбляющие чувства верующих» [12, Л.46]. Это было временное и вынужденное отступление. Акцент был сделан на антицерковную пропаганду. Новым властям нужно было убедить мирян в расхождении интересов между ними и духовенством. Так, достаточно показательным был суд над высшей иерархией Святогорского монастыря, проходивший 8-12 июня 1922 г. в г. Бахмуте в помещении Донецкого Губревтрибунала. Этот процесс был широко освещен в печати. Помимо главного обвинения в отказе сдать церковные ценности, Ревтрибунал приписал монахам взяточничество и разврат. Постановлением суда монастырь был закрыт, а священнослужители во главе с архимандритом Трифоном (в миру Скрипниченко, 57 лет) приговорены к различным срокам принудительных работ. Однако, учитывая преклонный возраст и болезни, 7 чел. освободили в зале суда, 1 – получил год

исправительных работ и еще по одному – завели дело. Всего по делу проходило 9 человек. Суд также внес предложение о немедленном закрытии Святогорского Свято-Успенского монастыря и использовании монастырского имущества для потребностей государства. В решении о закрытии монастыря значилось: «...в монастыре процветает разврат...ночевки женщин в кельях монахов сделались обыденным явлением, монастырское имущество систематически расхищается...» [13, С.3]. В связи с этим Э. Квиринг говорил: «Монастыри из очагов контрреволюции должны быть сделаны очагами коммунизма» [14, с.89]. В 1922 г. монастырь закрыли, а на его территории обустроили первый Всеукраинский дом отдыха (впоследствии получил имя Артема), просуществовавший до возобновления монастыря в 1992 г. После упразднения Святогорского монастыря часть братии умерла, часть доживала и трудилась при монастыре и в близлежащих селах [15, Л.15].

Источники свидетельствуют, что, в основном, мероприятия по дискредитации церкви инициировались от лица общественности. Антицерковная кампания, в определенной мере, сдерживалась инертными действиями местных властей. Так, в период разоблачительных процессов против РПЦ, в Донбассе местное руководство решило воздержаться от активных действий [16, Л.47].

В то же время, развернулась кампания по извлечению мощей из храмов. Так, в мае 1922 г. были составлены акты об извлечении части мощей из храмов Святогорского монастыря. Мощи поместили в специальные банки со спиртом и направили на медицинскую экспертизу в Губсануправление. На основании экспертизы частиц «мощей», святогорских монахов объявили шарлатанами, т.к. «многие мощи были из воска и ладана, без каких-либо признаков животной ткани» [17, Л.24, 122-125]. Для идеологических целей рекомендовалось после публичного «вскрытия мощей» передавать их в губернские музеи.

Следует отметить, что в целом антирелигиозная политика в Донбассе в начале 1920-х гг. характеризовалась непоследовательностью. Такая ситуация укрепляла популярность церкви среди рядовых граждан, особенно старшего поколения.

Недовольство масс антирелигиозной политикой часто заканчивалось саботажами и диверсиями. В основном верующие выступали против закрытия храмов и приходов. Тут следует отметить, что в январе 1923 г. секретарь ЦК КП(б)У Э. Квиринг подписал секретные «Тезисы по антирелигиозной пропаганде», утвержденные ЦК [18, с.60]. После этого усиливается кампания по закрытию церквей. Теперь храмы можно было закрывать в случае нехватки помещений для медицинских, культурно-просветительских или общественных нужд. В таком случае закрытие храма могли произвести на основании ходатайства большинства трудящихся [19, С.2]. Поскольку верующие преимущественно избегали публичных выступлений (диспутов), опасаясь провокаций, то инициатива принятия окончательного решения в церковном вопросе переходила к атеистам. В итоге, в бывших культовых помещениях

размещали санатории, библиотеки, кинотеатры (Успенский собор Святогорского монастыря), водолечебницы (Покровская церковь Святогорского монастыря), обустроивали склады и т.д. Никто не заботился о сохранении церковной утвари, иногда имеющей музейную ценность.

Таким образом, в начале 1920-х гг. Советская власть стала проводить целенаправленную антирелигиозную политику, направленную на формирование новой государственной идеологии и дискредитацию церкви. В то же время, в Донбассе во второй половине 1920-х гг. православная церковь продолжала играть значительную роль в религиозной жизни населения.

Список литературы:

1. Никольский В.Н. Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920-1950-х гг. (в документах и материалах): монография / В.Н. Никольский. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 194 с.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф.1. Оп.3. Д.31.
3. Человек с незапятнанной совестью // Диктатура труда. – 1922. – 10 июня.
4. ГА ДНР. Ф.1. Оп.1. Д.1284.
5. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВ). Ф.5. Оп.1. Д.1094.
6. ГА ДНР. Ф.1. Оп.1. Д.1284.
7. Там же. Л.47-48.
8. Дедов В.Н. Святые горы: От забвения к возрождению. – К.: РПО «Полиграфкнига», 1995. – 352 с.
9. ЦГАВОВ. Ф.5. Оп.1. Д.1094.
10. ГА ДНР. Ф.1. Оп.3. Д.43.
11. Там же. Оп.1. Д.43.
12. Там же. Оп.3. Д.43.
13. Приговор. Дело о Святогорском монастыре // Всероссийская кочегарка. – 1922. – 15 июня.
14. Дедов В.Н. Указ. раб.
15. ГА ДНР. Ф.1. Оп.1. Д.1284.
16. Там же. Ф.1. Оп.3. Д.43.
17. ЦГАВОВ. Ф.5. Оп.1. Д.1094.
18. Никольский В.Н. Указ раб.
19. Новый циркуляр Наркомвнудел // Диктатура труда. – 1924. – 10 сентября.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Антон Викторович, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной истории XX – XXI веков, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);

Анчев Стефан Иванов, канд. ист. наук, доц. emeritus кафедры «Новая и новейшая общая история», Университет Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико-Тырново, Болгария);

Баранов Андрей Владимирович, д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Басте Разиет Юсуфовна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, доц. кафедры «Философия, история и право», Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал (г. Краснодар);

Беспалова Татьяна Викторовна, д-р филос. наук, проф., эксперт Федерального агентства по делам национальностей (г. Москва);

Бородина Светлана Николаевна, канд. полит. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Васильев Игорь Юрьевич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Научно-исследовательского центра традиционной культуры, ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар);

Вишнякова Надежда Евгеньевна, зам. директора школы-лицея им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова (г. Саки);

Гарас Людмила Николаевна, канд. филос. наук, доц. кафедры «Политические науки и философия» (г. Севастополь);

Герашенко Карина Вадимовна, магистрант; Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь);

Горин Антон Анатольевич, канд. ист. наук, доц. кафедры религиоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань);

Городецкая Елена Георгиевна, канд. социол. наук, доц., ст. науч. сотр., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь);

Гуменюк Андрей Юрьевич, канд. ист. наук, педагог дополнительного образования, Ялтинский экономико-технологический колледж (г. Ялта);

Дибас Оксана Андреевна, канд. полит. наук, доц. кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск, ЛНР);

Диривянкина Мария Сергеевна, аспирант кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Ефимов Сергей Алексеевич, заместитель директора Центрального музея Тавриды (г. Симферополь);

Ишин Андрей Вячеславович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь);

Касьянов Валерий Васильевич, д-р ист. наук, д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Ключков Виктор Викторович, д-р ист. наук, доц. кафедры социологии, истории и политологии (г. Таганрог);

Когут Виктор Григорьевич, канд. полит. наук, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ – полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь (г. Санкт-Петербург);

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения (г. Севастополь);

Кравец Виктория Сергеевна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);

Людоровская Татьяна Юрьевна, канд. ист. наук, доц. кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР);

Маковская Дарья Владимировна, канд. полит. наук, директор Научного геоинформационно-картографического центра, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь);

Матвеев Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории XX – XXI вв., Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);

Мохов Андрей Владимирович, доц., директор, Черноморский информационно-аналитический центр; Севастопольский государственный университет (г. Севастополь);

Назарова Вероника Сергеевна, преп. кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических и социальных системах Южного федерального университета (г. Таганрог);

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф. кафедры международных отношений, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург);

Петров Владимир Иванович, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Подхомутникова Марина Викторовна, канд. полит. наук, ст. преп. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Ракачёв Вадим Николаевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Рашкович-Талович Виолета – доктор политических наук, профессор, декан факультета международной политики и безопасности Университета – УНИОН Никола Тесла (г. Белград, Сербия);

Рвачёва Ольга Владимировна, канд. ист. наук, доц. кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград);

Рожков Александр Юрьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой социологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Селюнина Наталья Владимировна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог);

Сивков Михаил Сергеевич, аспирант, Краснодарский государственный институт культуры (г. Краснодар);

Сивков Сергей Михайлович, канд. ист. наук, доц. кафедры экономики, управления и гуманитарных дисциплин, Южный институт менеджмента (г. Краснодар);

Сичак Евгений Николаевич, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Скорик Александр Павлович, д-р ист. наук, д-р филос. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (г. Новочеркасск);

Соколов Александр Станиславович, д-р ист. наук, доц., зав. кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина;

Стоядинович Миша, д-р полит. наук, ст. науч. сотр., Институт политических исследований (г. Белград, Сербия);

Тейфук Севиль Рефатович, бакалавр, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Трут Владимир Петрович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону);

Тур Виктор Григорьевич, канд. ист. наук, доц. кафедры теории и истории права и государства, старший научный сотрудник, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь);

Туфанов Евгений Васильевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой философии и истории, Ставропольский государственный аграрный университет (г. Ставрополь);

Федина Ирина Михайловна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Хубулова Светлана Алексеевна, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ);

Чигрин Виктор Александрович, д-р социол. наук, проф., научный руководитель, гл. науч. сотр., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь);

Чигрина Наталья Викторовна, канд. социол. наук, доц., науч. сотр., Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь);

Чупрытников Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, доц., профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар);

Шаповалов Сергей Николаевич, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Шендрикова Снежана Павловна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского);

Шкрибителько Елена Александровна, канд. ист. наук, доц. кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР);

Юрченко Виктор Михайлович, д-р филос. наук, проф. кафедры политологии и политического управления, советник ректората, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Юрченко Инна Вадимовна, д-р полит. наук, проф. кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет; гл. науч. сотр., Южный научный центр РАН (г. Краснодар);

Яхутль Юрий Асланбиевич, д-р ист. наук, доц., проф. кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Касьянов В.В.</i> Октябрь 1917 – декабрь 1922: от империи к государству рабочих и крестьян.....	5
<i>Баранов А.В.</i> Актуальные теоретические аспекты исследований советской этнополитики 1920-х гг. (на материалах юга РСФСР)....	9
<i>Ишин А.В.</i> Национальный фактор в политике РКП(б) в Крыму: 1921 год.....	15
<i>Рожков А.Ю.</i> Школьные буквари как ресурс формирования советской и национальной идентичности в Северо-Кавказском крае (1927–1932 гг.).....	19
<i>Анчев С.И.</i> Советская и болгарская внешняя политика на Генуэзской конференции (1922 г.) – краткий сравнительный анализ.....	25
<i>Stojadinović M.</i> The American perception of the Soviet Union during the cold war.....	30

СЕКЦИЯ 1. ОБРАЗОВАНИЕ СССР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1920-х гг.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

<i>Туфанов Е.В.</i> Национальный вопрос в контексте становления командно-административной системы управления в 1920-е гг. (на материалах Северного Кавказа).....	36
<i>Соколов А.С.</i> Письма во власть как источник коммуникации между партийно-государственными органами и этническими группами в 1920-е годы.....	41
<i>Кравец В.С.</i> Соотношение мнений представителей русской эмиграции о национально-государственном устройстве постсоветской России.....	45
<i>Селюнина Н.В.</i> Комсомол как субъект реализации государственной молодежной политики в СССР в 20-х годах XX века.....	50
<i>Петров В.И.</i> Предпосылки складывания большевистской национальной политики до образования СССР.....	56
<i>Подхомутникова М.В.</i> Образование и развитие Советской Федерации: к 100-летию юбилею СССР.....	60
<i>Аверьянов А.В.</i> К вопросу о «дифференцированном подходе» в национальной политике на Юге России в 1920-е гг.	64
<i>Хубулова С.А.</i> «Советский проект» и его реализация на Северном Кавказе в 1920-е гг.	68

<i>Бородина С.Н.</i> Национальная политика ВКП(б) как механизм формирования национальных военных кадров в СССР.....	73
<i>Сивков С.М.</i> Особенности национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.	75
<i>Городецкая Е.Г., Чигрин В.А., Чигрина Н.В.</i> Межэтнические отношения в Крыму накануне образования СССР.....	83
<i>Ефимов С.А.</i> Административно-территориальные реформы в Крыму в 20-х годах XX века.....	88
<i>Тур В.Г.</i> Особенности политики «коренизации» в Крымской АССР (1921–1939 гг.).....	95
<i>Матвеев В.А.</i> Украинская идентичность: процессуальное состояние и особенности насаждения в СССР и Польше в 20–30-е гг. XX в.	101
<i>Федина И.М.</i> Деятельность ревкомов в кубанских станицах 1920-х годов.....	106
<i>Бершадская О.В.</i> Основные направления национальной политики в Черноморском округе (1920-е гг.).....	111
<i>Трут В.П.</i> В поисках национально-территориальных границ (на примере административно-территориальных трансформаций в начале 1920-х годов на приграничной с УССР территории Донской области).....	114
<i>Рвачева О.В.</i> Раздел территории области войска Донского в 1920-х гг. как часть национальной политики большевиков.....	118
<i>Людоровская Т.Ю.</i> Национальная политика Советского государства и ее реализация на территории Донецкой губернии в 1920-е гг.	121
<i>Сивков М.С.</i> Исторические обстоятельства формирования и разгрома казачьего движения за автономию Кубанской области.....	126
<i>Чупрынников С.А.</i> Национальные меньшинства и национальная политика на Кубани в 1920-е гг.: институциональный аспект.....	129
<i>Васильев И.Ю.</i> Украинизация на Кубани: некоторые виды источников.....	133
<i>Яхутль Ю.А.</i> Национально-государственное строительство в Адыгее в начале 1920-х гг.	137
<i>Ракачев В.Н.</i> Национальная политика советской власти и ее влияние на миграции армянского населения Юга России.....	141
<i>Вишнякова Н.Е.</i> Судьба немецких землевладений в условиях смены власти 1917–1920 гг.	146
<i>Басте Р.Ю.</i> Мероприятия, посвященные женщинам-черкешенкам, способствовавшие их вовлечению в советское строительство Адыгейской автономной области в 1920-х гг.	152
<i>Кокорхоева Д.С.</i> Формирование партийно-государственной элиты в автономиях Северного Кавказа под влиянием национальной политики 1920-х гг.	158

<i>Диривянкина М.С.</i> Военно-коммунистическая политика большевиков в годы Гражданской войны в отношении крестьянства (1918–1922 гг.).....	163
<i>Геращенко К. В., Мохов А. В.</i> Национальная политика Крымской АССР в 1920-х гг.	167
<i>Тейфук С.Р.</i> Советская этнополитика 1920-х годов (на примере Крымской АССР).....	170

**СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СССР
И НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

<i>Юрченко И.В., Юрченко В.М.</i> Факторы образования СССР: географический детерминизм и проблемы этнокультурного многообразия.....	174
<i>Беспалова Т.В.</i> Идеократическое измерение национальной политики России.....	177
<i>Клочков В.В., Назарова В.С.</i> Э.Х. Карр и оценка конституции СССР 1924 г. в британской историографии середины XX в.	183
<i>Шатовалов С.Н.</i> Институционализация образования СССР в праздничном календаре.....	187
<i>Горин А.А.</i> Мусульманское образование в 20-х гг. XX века: утраченные возможности.....	191
<i>Гарас Л.Н., Маковская Д.В., Косов Г.В.</i> Крымская АССР в исторической памяти крымскотатарской общности: виктимизационный аспект.....	194
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Национальный колорит и повседневность Геленджика в 1833 году (по запискам Фредерика Дюбуа де Монпере).....	197
<i>Гуменюк А.Ю.</i> Первые мероприятия советской власти в Крыму в 1921–1922 гг. на примере массандровской школы грамотности.....	206
<i>Сичак Е.Н.</i> Проблемы миграционной политики в заявлениях оппозиционных партий РФ в ходе парламентской избирательной кампании 2021 г.	211
<i>Когут В.Г., Нурьшев Г.Н.</i> Причерноморье в новой геополитической конфигурации.....	215
<i>Дибас О.А.</i> Взгляд на политику «коренизации-украинизации» в рамках современной украинской образовательной системы.....	220
<i>Шендрикова С.П.</i> Советская идеология на примере отечественной драматургии.....	224
<i>Шкрибитько Е.А.</i> К истории закрытия Святогорского Свято-успенского монастыря в начале 1920-х гг.	229
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	235

Научное издание

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг.:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 10.10.2021. Выход в свет

Формат 60×84 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 16,0

Тираж 500 экз. Заказ №

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149